ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

издаваемый

Михайломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XXI.

МОСКВА, 1805.

Въ Университетской Типографіи,

у Любія, Гарія и Попова.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ 1805.

№ 9.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письмо отъ Преосвященнаго Станислава Сестренцевича (*), Архіепископа Могилевскаго, къ Преосвященному Евгенію, Архіепископу Булгарскому, и отвѣтъ сего Святителя о томъ, что древніе Сарматы говорили языкомъ Славенскимъ (**).

Великое пространство, раздѣляющее насъ, заставляетъ меня часто напоминать съ сожалѣніемъ о пріятнѣйшихъ минутахъ,

(*) Нынѣшняго Митрополита Римскихъ церквей въ Россіи.

(**) Въ подлинникахъ сообщены отъ Е. С. Господина Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Кавалера Графа Алексѣя Ивановича Мусина - Пушкина. *Изд.*

проведенныхъ въ бесѣдованіи съ Вашимъ Преосвященствомъ. Желая вознаградить сію потерю письмомъ, котораго предметъ конечно не обезпокоитъ васъ — ибо я увѣренъ, что онъ находится всегда въ памяти В. П., равно какъ источникъ его хранится въ отборной вашей библіотекѣ — осмѣливаюсь просить В. П. объяснить мнѣ: *какой былъ языкъ Сарматовъ?* Знаю, что древній народъ сей простирался до Вислы, и потомъ вытѣсненъ *Венедами*, *Энетами*, или *Антами* (что по Гречески значитъ *Славяне*), которыхъ колонія, вышедъ изъ *Иллиріи*, заступила его мѣсто, и названа *Полехи* или *Поляхи* отъ имени начальника своего *Леха* или *Ляха*, то есть *Александра*; почему и надѣялся я найти нѣкоторое свѣденіе о языкѣ Сарматовъ въ древней Польской Исторіи; но скоро увидѣлъ свою ошибку, узнавъ, что страна сія весьма долго была въ невѣжествѣ, что древность ея столь же мало была извѣстна, какъ и жителей Залива *Гудсонова*, и что сія часть Сарматовъ изчезла въ обширныхъ степяхъ Польши, и смѣшалась съ подобными себѣ, погруженными въ невѣжество, народами.

И такъ я обратилъ вниманіе на другую часть Сарматовъ, простиравшуюся

до Чернаго Моря и Кавказа, гдѣ они нападали на Грековъ, одерживали побѣды, были потомъ сами разбиты и прогнаны, и такимъ образомъ наполнили Восточныя Лѣтописи славою имени своего и подвигами. Кажется, что блистательнѣйшая эпоха ихъ была — время завоеванія ими царства Восфорскаго и нападенія на Херсонскую Республику и даже на владѣнія Имперіи; эпоха, въ которую Императоръ отъ племени Сарматскаго возсѣлъ на Римскомъ престолѣ. По повѣствованію Константина Порфирогенета, Константинъ Великій былъ сынъ Полководца Констанція, происходившаго отъ Сарматовъ и защитившаго, во время царствованія Императора Діоклитіана, малую Азію отъ нашествія своихъ соплеменниковъ. Дѣянія сихъ временъ хранятся въ драгоцѣнномъ Собраніи Византійскихъ Историковъ, изъ котораго краткое извлеченіе у меня есть; но В. П. имѣете и полное Собраніе и совершенное о немъ свѣдѣніе. Не сказано ли тамъ чего нибудь объ языкѣ Сарматскомъ, подобно какъ объ Иллирійскомъ, о которомъ свидѣтельство Писателей вы изволили мнѣ показывать. Весьма много обяжете меня, если соблаговолите дать мнѣ о семъ объясненіе, и еще болѣе обяжете, увѣдомивъ меня о состояніи вашего здоровья и о про-

долженіи вашей драгоцѣнной для меня дружбы, и проч.

Могилевъ.

18 го Генваря 1785 го года.

(*Съ Французскаго.*)

Отвѣтъ.

Не могу изъяснить, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я почтенное и ученое письмо Вашего Преосвященства. Кромѣ знаковъ благоволенія ко мнѣ, я замѣтилъ, что Сочинитель письма, обладающій сокровищами духовной учености, еще собираетъ богатства свѣтскихъ познаній; замѣтилъ рѣдкую, истинно философскую скромность, свойственную душамъ высокимъ, которыя въ своихъ ученыхъ изысканіяхъ не гнушаются сноситься со мнѣніями другихъ, для пріобрѣтенія обширнѣйшихъ познаній и чтобы тѣмъ удобнѣе преодолѣть встрѣчающіяся затрудненія. Сіи два замѣчанія болѣе и болѣе увеличиваютъ отмѣнное, искреннѣйшее къ вашей Особѣ уваженіе, которое со времени вашего здѣсь пребыванія глубоко впечатлѣно во мнѣ и никогда не изгладится.

Имѣя справедливую причину удивляться вамъ, желалъ бы я имѣть и довольно способности удовлетворить вопросу, которой вамъ угодно было предло-

жить мнѣ: *какой былъ Сарматской языкъ?* разумѣется тотъ, которой древнїе Сарматы или Славяне употребляли. Чувствуя себя неспособнымъ дать отвѣтъ удовлетворительный, будучи совсѣмъ не свѣдущъ въ нынѣшнемъ языкѣ той нацїи, и не имѣя предъ собою свѣтильника, который могъ бы озарить мракъ неизвѣстности, всего лучше было бы мнѣ искренно признаться въ своемъ невѣденїи и послѣдовать благоразумному наставленїю Демокрита, совѣтующаго *скрывать невѣжество* (*). Но увѣренность въ добротѣ вашего сердца нѣсколько ободряетъ меня и заставляетъ, единственно изъ послушанїя къ вамъ, сказать что нибудь о семъ предметѣ.

Юстинъ Историкъ, въ своемъ Сокращенїи *Трога Помпея*, говоря о древнихъ *Сарматахъ*, увѣряетъ, что „языкъ *Сарматскїй* сходенъ съ *Мидїйскимъ* и *Скиѳскимъ*, и изъ обоихъ смѣшанъ (**).“ Свидѣтельство *Трога* подтверждаетъ старшїй *Плинїй*, которой пишетъ (***): „При *Танаисѣ*

(*) Ἀμαθίαν κεύπτειν ὀμενον.

(**) Sermo Sarmatis inter Scythicum Medumque medius. Lib. XLI.

(***) Tanaim colunt Sarmatae, Medorum, ut ferunt, soboles, et ipsi in multa genera divisi. Lib. VI. cap. 7.

(Донѣ) живутъ *Сарматы*, произходящїе, какъ говорятъ, отъ Мидянъ, и раздѣленные на многїя поколѣнїя. „Также *Помпонїй Мела* (*): „Народъ Сарматскїй по одеждѣ и оружїю весьма сходенъ съ *Парѳянами*," слѣдовательно и съ *Мидянами*; ибо статься можетъ, что сїи два народа, будучи смѣжны между собою и часто перемѣшаны, не очень рознились языкомъ, равно какъ обычаями и нравами. *Клуверїй*, слѣдуя мнѣнїю сихъ Авторовъ, пишетъ (**): Весь народъ, отъ Грековъ *Сарматскимъ* называемой, оружїемъ, нравами и образомъ жизни подобенъ Скиѳскому и Парѳянскому. — Хотя *Клуверїй* наименованїе упомянутаго народа приписываетъ Грекамъ, которые однакожъ ни по какой вѣроятной этимологїи не могли производить имени *Сарматы* или *Савроматы* отъ слова Греческаго (ибо смѣшно было бы искать корня Сарматовъ въ Σαῦρα ящерица, какъ сказано у Евстаѳїя въ замѣчанїяхъ на Дїонисїя Перїигита стран. 528); но Бокартъ съ большею, можетъ быть, справедливостїю производитъ сїе слово отъ Хал-

(*) Sarmatae gens habitu armiſque Parthis proxima. Lib. IV. cap. 3.

(**) Gens univerſa, Graecis Sarmatae dicta, armis, moribus, vivendique ratione Scythicae et Parthicae ſimilis. *Introd. Geogr.* Lib. IV. cap. 22. § 1.

дейскаго языка, которой гораздо древнѣе Греческаго, называя Сарматовъ *Сар Мадай*, что значитъ: *остатки Мидянъ*. Охотно соглашаюсь съ Рейскіемъ (*), что сія догадка весьма похожа на правду. Съ равною вѣроятностію — такъ я думаю — можно бы заключить, что языкъ Сарматской былъ тотъ же самой, что Скиѳской и Мидійской, по мнѣнію Трога Помпея, или Мидійской и Пареянской, по свидѣтельству Плинія и Мелы. Теперь оставалось бы только имѣть вѣрное свѣдѣніе о древнемъ Парѳо-Мидійскомъ, или Мидо-Пареянскомъ языкѣ, чтобы составить себѣ понятіе объ языкѣ древнѣйшихъ Сарматовъ. Но какой былъ этотъ языкъ? мнѣ не извѣстно; а познаніе *ignoti ex ignoto* (**) есть явное въ словахъ противорѣчіе.

Византійскіе Писатели, сколько я знать могу, ничего положительнаго не говорятъ о языкѣ древнихъ Сарматовъ. — Одинъ изъ новѣйшихъ, Халкокондилъ,

---

(*) См. его Замѣчанія на Клуверія.

(**) *Неизвѣстнаго изъ неизвѣстнаго же.* Ибо чтобы узнать на примѣръ, сколько должно заплатить за 10 аршинъ, надобно прежде знать, чего стоитъ одинъ аршинъ; такимъ образомъ, по *извѣстному* находимъ *неизвѣстное*.

упоминаетъ только (*), что „*Трибаллы*, *Мизїйцы*, *Иллирїйцы*, *Кроаты*, *Поляки* и *Сарматы* (взявъ сїе послѣднее имя въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, можетъ быть для того, чтобъ означить жителей Меотиды (**) и другихъ народовъ, простирающихся до Каспїйскаго моря) имѣютъ одинъ языкъ. Болѣе Халкокондилъ не говоритъ ничего, и мнѣ не извѣстно, чтобы какой нибудь другой Писатель яснѣе предложилъ о сей матерїи. Но онъ вѣрно разумѣетъ здѣсь языкъ *Славянской*, которой въ его время былъ въ употребленїи между упомянутыми народами. При всемъ томъ сомнѣваться можно, тотъ ли самой языкъ древнѣйшїе Сарматы употребляли, о которомъ говоритъ Халкондилъ? Если сїе отвергнуть — опять мы объяты прежнею тмою неизвѣстности; если принять — мракъ разсѣянъ и вопросъ рѣшенъ; ибо тогда можно утвердительно сказать, что древнїй языкъ Сарматовъ есть нынѣшнїй *Славянской* или *Иллирїйской*, которой, будучи въ употребленїи у разныхъ народовъ, существенно одинъ и тотъ же — съ нѣкоторыми только случайными перемѣнами — донынѣ сохранилъ свое существованїе. Думаю, никто не усу-

(*) Въ книгѣ I.

(**) Азовскаго моря.

мнится, что нынѣшній языкъ есть тотъ же, которой былъ и во время Халкокондила; а кому угодно сумнѣваться, тотъ долженъ представить сильные и вѣрные доводы, и доказать, когда и какъ оной языкъ изчезъ и забытъ, такъ что никакого воспоминанія о немъ не осталось; когда, какъ и отъ какого прежняго языка произошелъ сей новой; по какой причинѣ и какимъ образомъ столь многочисленные народы, жившіе на великомъ разстояніи одни отъ другихъ и раздѣленные между собою разностію выгодъ, могли всѣ согласиться оставить природной языкъ свой и выбрать себѣ другой, совсѣмъ несходный съ первымъ, но равно всѣмъ имъ общій, какъ и прежде? какимъ образомъ не осталось никакихъ слѣдовъ столь чудной перемѣны? Но какъ не льзя ничего вѣроятнаго на сіе отвѣтствовать, то должно согласиться, что языкъ, *Славянами* нынѣ употребляемый, есть не другой какой-либо, но тотъ же самой, о которомъ Халкокондилъ упоминаетъ.

Причины, заставляющія насъ принять сіе послѣднее мнѣніе, кажется, служатъ вѣрною порукою, что языкъ Славенской прежде Халкокондила за нѣсколько вѣковъ былъ извѣстенъ. И подлинно, не должно ли предположить, что языкъ, за три

или четыре вѣка прежде насъ существовавшій, не заключенный въ какой нибудь странѣ, не удерживаемый тѣсными предѣлами жилищъ, племени немноголюднаго, но распространившійся на земномъ шарѣ, бывшій въ употребленіи у народовъ многочисленныхъ и сильныхъ, не должно ли, говорю, предположить, что такой языкъ существовалъ во времена самыя древнія? для чего не отнести его къ эпохѣ изобрѣтенія и введенія письма Иллирійскаго? для чего не ко времени преселенія народовъ, которые подъ предводительствомъ *Леха* и *Чеха* поселились на обширныхъ равнинахъ Польскихъ и на крутыхъ горахъ Богемскихъ? для чего еще не къ тому времени, когда Сарматы занимали берега *озера Меотійскаго* и рѣки Дона, откуда они разсыпались въ разныя стороны, и встрѣчаясь то съ Восфорянами, то съ Греками Херсонскими, а потомъ съ Римлянами, вели кровавыя воины? для чего наконецъ не отнести его къ самой отдаленной, самой глубокой древности? — Такимъ образомъ, переходя отъ одной эпохи до другой, можно бы, кажется, съ довольною вѣроятностію сказать, что языкъ древнихъ Сарматовъ не много рознился отъ нынѣшняго, не смотря, какъ я уже говорилъ, на случайныя измѣненія. Всѣ языки, по причинѣ различія

въ сложенїи, нравахъ и склонностяхъ народовъ, преобразуются, и по встрѣчающимся перемѣнамъ и обстоятельствамъ то возвышаются къ совершенству, то упадаютъ, портятся, приходятъ въ худшее состоянїе, и наконецъ въ продолженїе времени раздѣляются на разные дїалекты.

Авторъ Россїйской Исторїи *Левекъ* утверждаетъ, что жители *Лацїума* получили начало своего языка отъ Славянскаго. Въ доказательство приводитъ сходство сихъ двухъ языковъ въ словахъ простѣйшихъ и самыхъ нужныхъ, въ именахъ числительныхъ, мѣстоименїяхъ и другихъ частяхъ рѣчи. По такому предположенїю и Греческой языкъ можетъ присвоить себѣ то же преимущество передъ Латинскимъ. Не любовь къ родинѣ заставляетъ меня утверждать это. Tros, Tyriusque mihi nullo discrimine agetur (*). Въ самомъ дѣлѣ, по чему Латинское *duo* должно относить болѣе къ Славянскому *два*, нежели къ Греческому δύο? Латинско *tres* и *tria* болѣе къ Славянскому *три*, нежели къ Греческому τρεῖς τρία? *sex* къ Славянскому *шесть*, нежели къ Греческому ἕξ? *septem* болѣе къ *семи*, нежели

(*) Между Троянцемъ и Тирянином у меня не будетъ никакой розницы.

къ ἕπτα? Извѣстно, что прибавленіе S замѣняетъ гортанное произношеніе (') во многихъ Греческихъ словахъ, принятыхъ въ языкъ Латинской; какъ-то видно изъ словъ *sudor*, *udor* отъ ὕδωρ (вода); *salum* отъ σάλος (волненіе), которое произходитъ отъ *sal*, ἅλς (море); *sylva* отъ ὕλη (лѣсъ), *sulcus* отъ ὁλκὸς (бразда), *sus* отъ ὗς, *sub* отъ ὑπὸ (подъ), *super* отъ ὑπὲρ (надъ), *serpo* отъ ἕρπω (ползаю), *salio* отъ ἅλλομαι (прыгаю), мѣстоименія *sui*, *sibi*, *se* отъ ἑ, οἱ, ἑ, (свой, себѣ, себя) и симъ подобныя, которыя всѣ и на Латинскомъ языкѣ то же значатъ, и взяты съ Греческаго съ прибавленіемъ буквы *S*. *Левеку* нужно было бы обратить на это вниманіе. Но онъ, слѣдуя своей системѣ, вмѣсто того, чтобъ замѣтить, что Латинское *ego*, есть Греческое ἐγώ; что *mei*, *me*, произведены отъ ἐμέ, ἐμοί, ἐμέ, μέ, *tu* отъ σύ, перемѣнивъ *S* на *T*, какъ у Аттиковъ было въ обыкновеніи, думаетъ только вывесть Латинскія мѣстоименія отъ Иллирійскихъ *я*, *азъ*, *мы*, *ты*; и такимъ образомъ доказывая, иногда принужденно перемѣняетъ значеніе словъ, для достиженія своей цѣли. На примѣръ: чтобъ показать начало Латинскаго слова *vadum*, прибѣгаетъ къ Славенскому *воды*, хотя очень ясно, что оно произходитъ отъ *vado* (βάδω, βαδίζω

хожу), и что названо *vadum*, какъ Геснеръ говоритъ, *quia vadere pedibus per aquam licet* (*потому что можно ходить по этой водѣ*).

Предметъ сего длиннаго отступленія есть доказать, что съ равною справедливостію можно бы произвести начало Латинскаго языка отъ Греческаго — мнѣніе всеобщее, принятое многими Авторами и утверждаемое Сочинителемъ книги: *О произхожденіи Латинскаго языка*. Однако я не только не намѣренъ отвергать мнѣнія *Левекова*, но еще могу имъ пользоваться, и тѣмъ болѣе подтвердить сказанное мною, тѣмъ болѣе увѣрить, что нынѣшній Славянской языкъ есть древній Сарматскій. Вотъ какъ я о семъ разсуждаю: Левекъ находитъ начало Латинскаго языка въ нынѣшнемъ Славянскомъ, слѣдственно нынѣ существующій языкъ Славянской съ самаго начала есть одинъ и тотъ же; онъ уже тогда былъ образованъ и усовершенствованъ, когда Аборигены Латинскіе, переходя изъ дикаго состоянія въ состояніе общежитія, составляли сильной, важной, величественной языкъ, которой Римляне потомъ возвысили до послѣдней степени совершенства. Но если бы кто, оставивъ мнѣніе *Левека* и придерживаясь обыкновеннѣйшаго, принималъ Греческой, а не Славянской языкъ корнемъ

Латинскаго; потомъ разсудивъ о сходствѣ означенныхъ словъ, захотѣлъ бы непосредственно вывесть Греческой, а посредственно Латинской отъ Славянскаго, тотъ, поступая такимъ образомъ, придалъ бы сему языку непостижимую древность; ибо извѣстно, что Греческой языкъ возшелъ на верьхъ блестящаго совершенства еще во время Гомера, когда Латинской только что начиналъ появляться.

Какъ бы то ни было, изъ всего сказаннаго за вѣрное и несомнѣнное принять можно, съ чѣмъ и Левекъ согласенъ, что нынѣшній Славянской языкъ, то есть подъ симъ именемъ извѣстный въ наше время и съ древнихъ временъ существующій, есть тотъ самой, отъ котораго произошли разные языки, и отъ котораго они заняли если не всѣ слова, то по крайней мѣрѣ великое число ихъ. И такъ, основательно утверждать можно, что къ эпохѣ преселенія народовъ, вышедшихъ изъ извѣстной части свѣта и разсѣявшихся по всему Земному Шару, должно относить и преселеніе Сармановъ. Многолюдныя племена ихъ, оставивъ страны восточныя перешли въ западныя, и тамъ мѣшаясь съ другими народами дикими и необразованными, пріучали ихъ къ обще-

житїю и сообщали имъ свои познанїя, а особливо правильные звуки голоса, которыми выражали свои понятїя и чувствованїя. Сїи племена и семейства принимали наименованїя отъ мѣстъ, на которыхъ селились; однако имя *Сарматы* (произшедшее, можетъ быть, отъ Мадаи, или Сармадаи, по мнѣнїю Бокарта) взяло верьхъ и означало всѣхъ народовъ, извѣстныхъ подъ названїемъ народа *Сарматскаго*.

Кромѣ общаго имени, которое удержалъ при себѣ народъ сей, разпространившїйся по всей Сармацїи, Европейской и Азїйской, онъ извѣстенъ еще подъ названїемъ *Славовъ* и *Славянъ*, произходящимъ отъ имени *Слава*, или *Словянъ*, какъ другїе полагаютъ отъ *Слова*. Оба сїи рѣченїя суть коренныя *Славенскїя*, и въ нынѣшнемъ языкѣ употребляются. И такъ есть у насъ еще другое не маловажное доказательство къ подтвержденїю древности сего языка; между тѣмъ достойно вниманїя, что сїя нацїя съ отдаленнѣйшихъ временъ своимъ природнымъ языкомъ отъ другихъ себя отличала. Левекъ замѣчаетъ, что имя *Славовъ* или *Славянъ* не извѣстно было въ Европѣ до IV вѣка, и что они сами себя испорченнымъ словомъ называли *Склавами* и *Склавянами*. Однакожъ я думаю, что если *Славы* (по

свидѣтельству Писателей, приведенныхъ Эрбелотомъ въ его Восточной Библїотекѣ) произходятъ отъ *Секлаба*, или *Саклаба*, сына *Яфетова*, то наименованїе *Славянъ* или *Славовъ* говорится не по изпорченному произношенїю, но перемѣнено съ намѣренїемъ (παρανύμως denominative) для славы нацїи, и есть весьма древнее.

Нѣкоторые производятъ имя *Славовъ* по переводу отъ древнихъ *Энетовъ* или *Венетовъ*, народовъ Пафлагонскихъ, которые, по разоренїи Трои, слѣдуя за *Агеноромъ*, нашли себѣ убѣжище на краю Адрїатическаго залива, а потомъ мало по малу разсѣялись по Германїи даже до Балтїйскаго моря, и отъ которыхъ названы города *Венетами*, одинъ въ Ломбардїи, другой при устьѣ Одера, и третїй на островѣ Ругенѣ. Но я отъ сихъ Пафлагоновъ-Венетовъ не соглашаюсь выводить ни названїя, ни произхожденїя *Славовъ*: *названїя*, потому что прилагательное Αἰνετὸς *славный*, *похвальный*, пишется и произносится двугласною αἰ, надъ которою долженъ стоять знакъ тонкой (᾽); а Пафлагонское Ἑνετὶς пишется съ простымъ ἐ, и произносится съ гортаннымъ знакомъ (῾). Иначе не была бы вѣрна мѣра стиха у Гомера:

Ἐξ Ἑνετῶν, ὅθεν ἡμιόνων γένος ἀγροτεράων;

произхожденїя не могу принять по тому,

что преселенїе Пафлагоновъ, — которыхъ, какъ говоритъ *Клуверїй*, произвела баснословная древность (*) — если не совсѣмъ баснословно, по крайней мѣрѣ сомнительно; ибо Страбонъ говоритъ (**), что о *Венетахъ есть двоякое мнѣнїе, и что нѣкоторые почитаютъ ихъ Галлами.* Полибїй народамъ Галлїи Цизалпинской то же произхожденїе приписываетъ, какое и Адрїатическимъ Венетамъ, называя ихъ *Целтами.* Сверхъ того другїе Писатели древнїе представляютъ намъ *Савроматовъ* народомъ, извѣстнымъ подъ симъ именемъ до преселенїя *Антенора* въ Италїю съ своею Троянскою и Пафлагонскою дружиною; ибо Амазонки, прогнанныя отъ береговъ Термодонта, соединились съ Сарматами, жившими уже вокругъ Меотиды и у рѣки Дона, какъ-то читаемъ у Дїонисїя Перїигита. Можетъ быть, это баснословно; но не менѣе баснословно и произхожденїе Сарматовъ отъ Пафлагоновъ Венетовъ.

И такъ народъ *Славянской* подъ именемъ *Сарматовъ* или *Савроматовъ* былъ извѣстенъ въ самой глубокой, баснословной

(*) Quos fabulosa antiquitas deduxit. Lib. III. c. 24. § 5.

(**) De Venetis duplex fertur sententia, quidam enim eos Gallos faciant. Lib. V et XIII.

древности, и сіе названіе вошло въ большее употребленіе въ тѣ времена, когда мракъ Исторіи начиналъ проясняться. *Савроматы* являлись въ древней Греціи не только простыми зрителями, но и дѣйствующими на играхъ Панаѳенейскихъ. Грегорасъ говоритъ (у Стриттера о Сарматахъ), *что они ѣздили въ Грецію, какъ въ союзную землю, присутствовали на играхъ Панаѳенейскихъ . . . и на колесницахъ спорили о первенствѣ* (*). Въ послѣдствіи видимъ, что Сарматы Меотійскіе не только не были союзниками и друзьями Грековъ, но напротивъ того часто поднимали оружіе на Грековъ Восфорійскихъ, своихъ сосѣдовъ. Однакожъ они не могли завладѣть симъ царствомъ, которое оставалось до самаго конца во власти Грековъ, начиная отъ *Археанактидовъ*, первыхъ владѣтелей его около 3 году 85 Олимпіады (почти въ 438 году до Р. Х.) и продолжалось не только до послѣдняго *Спартака*, умершаго около 1 года 124 Олимпіады (за 284 года до Р. Х.), какъ видимъ у Діодора Сицилійскаго, но даже до *Парезида*, которой, по мнѣнію Страбона (Геог. К. VIII), вручилъ *Митридату* верьховную власть. Извѣстно, что *Митри-*

(*) Savromatae per Graeciam quasi foederatam euntes et Panathenaeorum spectatores aderant, et curulibus in ludis... de palma certabant. §. I.

дать окончилъ жизнь въ крѣпости *Пантикапеи*, столицѣ царства Восфорскаго около 179 Олимпіады (почти за 64 года до Р. Х.).

Кромѣ Грековъ, самые Римляне узнали не только имя, но и храбрость *Сарматовъ* во многихъ случаяхъ, испытывая съ ними свои силы. Находимъ въ *Сокращеніи дѣлъ Сарматскихъ*, что Веспасіанъ въ 69 году Сарматовъ *укротилъ*, Адріянъ 109 го побѣдилъ, М. Аврелій 171 го *нападалъ на нихъ*, Каръ 277 го *увѣщевалъ*, а Діоклитіанъ, при концѣ III вѣка чрезъ Константа Трибуна, съ помощію Херсонцевъ, *истребилъ племена ихъ, взялъ Восфоръ и города Меотійскіе.* Наконецъ въ началѣ четвертаго вѣка, *Сарматы* испытали свои силы противъ Константина Великаго и были разбиты, лишась своего предводителя или Царя. Римскіе или Греко-Римскіе Историки говорятъ: Желательно было бы, чтобъ въ тѣ времена Сарматы имѣли своихъ Писателей; можетъ быть, стали бы удивляться побѣжденнымъ, не менѣе какъ и самимъ побѣдителямъ, еслибъ знали, съ какимъ успѣхомъ съ обѣихъ сторонъ ведены были кровопролитныя войны.

Меня то же думать заставляетъ Историкъ Зосимъ, повѣствующій (*), что въ

(*) Кн. II.

322 году, въ бытность *Константина* въ Ѳессалоникѣ, *Сарматы* не только набѣгами и грабительствами разоряли Ѳракїю и Мизїю, но даже осмѣлились идти на встрѣчу Императору, которой прогналъ ихъ за Дунай, переправился черезъ рѣку Сїю, разбилъ ихъ войско, умертвилъ Царя ихъ Раусимода, освободилъ плѣнниковъ, потомъ съ великою пышностїю праздновалъ побѣду и въ память ея учредилъ Сарматскїя игры, отправлявшїяся каждой годъ по шести дней въ концѣ Ноября мѣсяца; что (какъ говоритъ новой Писатель Ле-бо) дѣлаетъ честь *Сарматамъ*.

И такъ въ разсужденїи народа Сарматскаго замѣчательны: 1) древность общежитїя и языка; 2) частыя переселенїя и многочисленныя колонїи; 3) обширность странъ, ими занимаемыхъ; 4) сраженїя съ Греками, Восфорцами и съ Римлянами, которые побѣдили Сарматъ, но не покорили. Сїя нацїя существуетъ и въ наше время, сохраняя свободу свою и могущество, занимая обширныя страны, составляя славнѣйшую Республику (*) и пространнѣйшую Имперїю въ мїрѣ.

(*) Это писано, когда Польша еще существовала.

Главное мое намѣренїе состояло дать какое нибудь свѣденїе о языкѣ, которымъ въ древности говорилъ народъ Сарматскїй. Вотъ все, что въ отвѣтъ на почтеннѣйшее письмо В. П. я могъ извлечь изъ слабыхъ и весьма ограниченныхъ моихъ знанїй по сей части.

Прошу В. П. принять благосклонно маловажныя замѣчанїя, и не считать ихъ удовлетворительнымъ рѣшенїемъ даннаго вопроса, но только вѣрнымъ знакомъ моего почтенїя и проч.

Херсонъ. 1785 года. Февр. 25.

(*Съ Итал.*)

II.

Новой споръ о старой задачѣ.

Одинъ просвѣщенный чужестранецъ, выходя изъ Музея Наполеонова, съ душею исполненною удивленїя, которое родилось въ немъ отъ разсматриванїя образцовыхъ произведенїй Живописи и Ваянїя, давалъ отчетъ своему товарищу въ чувствованїяхъ своихъ и впечатлѣнїяхъ. Сей товарищъ — человѣкъ также умный, просвѣщенный, но холодный Софистъ, и всѣмъ недовольный умствователь, которой путе-

шествовалъ не для того, чтобъ *смотрѣть и учиться*, но только для *разсѣянія*, для *перемѣны мѣста* — смѣялся надъ его восторгами.

„Вы почитаете слишкомъ важными человѣческія произведенія," сказалъ онъ: „слишкомъ много имъ приписываете. Промышленность, искуства, науки въ самомъ дѣлѣ суть не что иное, какъ блестящія мѣлочи. Человѣкъ со дня своего рожденія до самой смерти не перестаетъ быть рабенкомъ и подверженъ весьма легкимъ перемѣнамъ. Наши ремесла и искуства ничѣмъ не разнятся отъ дѣтскихъ игрушекъ; каждой изъ насъ *играетъ* въ здѣшней жизни. Нѣтъ ни одного изъ важныхъ занятій, которое не имѣло бы сходства съ дѣтскими забавами. Нашъ составъ моральный и физическій остается въ первобытномъ своемъ образѣ. Одинъ зависитъ отъ другаго. Чѣмъ рознится лице пятидесятилѣтняго человѣка отъ лица трехлѣтняго младенца? Только бородою и морщинами; самая сущность ни въ чемъ не перемѣнилась.

Зодчій есть не что иное, какъ взрослый рабенокъ, котораго голова набита затѣями, и которой съ напряженіемъ всѣхъ силъ своихъ хлопочетъ о томъ, чтобы кучи каменьевъ и бревенъ накладены

были въ извѣстномъ порядкѣ. Зданія походятъ на кегли, въ которыя время бросаетъ шары — и кегли валяпся одни за другими.

Что значитъ искусной Живописецъ, на примѣръ портретной, исторической, или какой хотите? Человѣкъ, которой умѣетъ владѣть кистью лучше, нежели маляръ и красильщикъ. Живописецъ и маляръ представляютъ одинакую ролю; одинъ искуснѣе другаго — вотъ вся розница!

Достоинство хорошаго Ваятеля состоитъ только въ томъ, что онъ умѣетъ дать мрамору внѣшнія формы человѣческаго тѣла. Рѣзецъ у него то же, что у Батила флейта, что у Вестриса ноги.

Мальчикъ чертитъ на бумагѣ лошадей и пѣтуховъ, вырѣзываетъ ножичкомъ изъ дерева разныя фигуры, бренчитъ на гитарѣ для прогнанія скуки: что онъ дѣлаетъ? Точно то же, чему Живописецъ, Ваятель и Музыкантъ даютъ пышное названіе художествъ.

Поэтъ *играетъ* словами, какъ Музыкантъ нотными знаками. Кому изъ нихъ удается успѣть болѣе другихъ, того почитаютъ игрокомъ болѣе счастливымъ и проворнымъ, нежели тѣхъ, которымъ не удается отличиться.

Всѣ согласились *способность теорить* называть Генїемъ. Но можно ли приписывать сїю способность человѣку, которой есть только *подражатель* — и ничѣмъ другимъ быть не можетъ? Натура представляетъ образцы, а человѣкъ только подражаетъ имъ. Слѣдственно Генїй принадлежитъ Творцу сихъ образцовъ, и исключительно ему одному.

Слово *Генїй* часто употребляется не у мѣста, такъ точно какъ слова: *божественный* и *небесный*, которыя принадлежатъ одному только Божеству и велѣнїю дѣлъ Его десницы всемогущей.

Люди, присвоивая себѣ пышныя наименованїя, походятъ на дѣтей, которые играютъ въ Короля и Королеву, и подражаютъ тону Государя и его супруги.

Если посмотрѣть съ извѣстной высоты на здѣшнїй мїръ, то онъ представится пространною школою. Люди во вкусахъ своихъ, въ страстяхъ, въ забавахъ, въ начинанїяхъ, въ трудахъ показываютъ рабячество, какое видимъ въ поступкахъ учениковъ малолѣтныхъ, съ тою только розницею, что взрослые не имѣютъ ни того чистосердечїя, ни той невинности, которыя находимъ въ дѣтяхъ. Глядя на однихъ, смѣемся, на другихъ — жалѣемъ.

Не смѣшно ли, что мы приписываемъ такую важность своимъ произведенїямъ? Строенїе листка древеснаго менѣе ли удивительно, нежели Аполлонъ Бельведерскїй, или картина, представляющая *Преображенїе*?

Что значитъ научиться? Снискать способность на угадъ опредѣлять (не спрашивайте, хорошо или худо?) малѣйшую часть изъ всего того, что существуетъ. Что есть ученость? Терпѣнїе читать и способность помнить. И такъ чѣмъ же тутъ можно тщеславиться?

Люди, надутые смѣшною гордостїю, хотятъ, чтобы имя ихъ *вѣчно* жило въ потомствѣ. Но что можетъ на землѣ быть вѣчнымъ? О васъ будутъ говорить, долго или не долго; однакожъ когда нибудь это кончится. До Гомера, до Гезїода, которые у насъ *безсмертнѣе* всѣхъ смертныхъ, также дойдетъ очередь въ свое время, и ихъ имена изгладятся изъ памяти людей. Положимъ, что о нихъ будутъ помнить еще нѣсколько вѣковъ: но что значитъ тысяча вѣковъ передъ вѣчностїю?

Дуновенїе времени уноситъ насъ, подобно вѣтру, песокъ возметающему. Песчинки не столько легкїя, какъ другїя, или счастливѣйшїя другихъ, остаются въ виду нѣсколько времени. Наконецъ приходитъ

ихъ очередь; они поднимаются и изчезаютъ въ безконечномъ пространствѣ.

Все имѣетъ конецъ свой. Это участь всѣхъ людей и ихъ произведенїй. Люди на землѣ подобны кукламъ, пущеннымъ на доскахъ: ими двигаетъ Рука невидимая, держащая нить, къ которой они привязаны; по различїю движенїй, они принимаютъ на себя различные виды, и являются — одинъ художникомъ, другой ремесленникомъ, судьею, Ораторомъ, воиномъ, Поэтомъ, и проч.

И такъ скажите, не смѣшно ли считать себя важнымъ творенїемъ? Кто со вниманїемъ смотритъ на вселенную, тотъ видитъ, какъ онъ малъ и бѣденъ; видитъ, какою малою птичкою онъ рожденъ для столь обширной клѣтки! И можно ли думать, чтобы Верховное Существо вложило въ атомъ, называемый мущиною или женщиною, нѣчто отъ *своей* сущности? Что есть общаго между слабымъ скороизчезающимъ составомъ и Существомъ всемогущимъ, безконечнымъ?"

Товарищъ Софиста, просвѣщенный любитель произведенїй ума человѣческаго, выслушавъ терпѣливо ложныя умствованїя хулителя ихъ, отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

„Не знаю, какая странность заставляетъ васъ унижать родъ (еѳрѐсе) свой. Вы видите въ обществѣ только бѣдность и глупость. Отъ части это справедливо и всѣмъ извѣстно; но вы изъ нѣкоторыхъ особенныхъ явленій хотите вывести общее заключеніе. Не спорю, что пороки существуютъ; но развѣ нѣтъ добродѣтелей? есть нелѣпости; но не видите ли и порядка? По слабости нѣкоторыхъ должно ли заключать, что всѣ глупы? Все равно было бы, еслибъ вамъ вздумалось увѣрять, что Константинополь населенъ одними евнухами, по тому только, что въ Сералѣ находится ихъ нѣсколько сотенъ.

Въ словахъ, дѣйствіяхъ и произведеніяхъ людей видите однѣ только игрушки! Въ такомъ случаѣ не льзя не признаться, что Димосѳенъ и Цицеронъ, Александръ и Цезарь, Фидіасъ и Аппеллъ, были *игроки* — весьма искусные; не признаете, что человѣкъ одаренъ *Геніемъ*, и утверждаете, что онъ умѣетъ только подражать, а не творить; слѣдственно по вашему мнѣнію человѣкъ есть нечто иное, какъ — обезьяна!

Но много ли знаете такихъ обезьянъ, которые писали, какъ Гомеръ, учреждали Республики, какъ Ликургъ и Солонъ, проповѣдывали добродѣтель, какъ Сократъ,

дѣлали изваянія Аполлона и Венеры, строили Пантеоны, и проч. и проч.? Человѣкъ есть обезьяна! . . . Подумайте, государь мой! человѣкъ подражаетъ Богу, а обезьяна — человѣку.

Правда, Геній человѣка въ сравненіи съ Геніемъ того, Кто создалъ міры и двигнулъ вселенную, есть вещь очень малая; сравнитежъ его со способностями другихъ животныхъ, и вы признаетесь, что человѣкъ превосходитъ всѣхъ дышущихъ тварей. И такъ, для чего ставить насъ наряду съ животными, когда превосходство наше передъ ними столь очевидно? для чего унижать насъ, когда люди, живущіе безъ законовъ, безъ морали, безъ воспитанія, словомъ, дикіе господствуютъ надъ животными умомъ своимъ и проворствомъ? Дикіе носятъ съ собою сѣмена умственныхъ способностей, которыя въ обществѣ разкрываются и зрѣютъ. Найдите мнѣ сіи сѣмена въ животныхъ.

Если Богъ создалъ человѣка столь отличнымъ отъ прочихъ тварей, если одарилъ его разумомъ, съ помощію котораго онъ можетъ возноситься даже до своего Создателя; то какъ думать, что это сдѣлано безъ цѣли, безъ конечной причины? Человѣкъ есть любимое твореніе Божіе: всѣ времена и всѣ мѣста это свидѣ-

тельствуютъ. Все сотворено на службу человѣку, Царю земному. Можно ли, чтобы милосердый Богъ, одаривъ его столь высокими качествами, назначилъ для него бытіе только вещественное, махинальное, подобно бытію животныхъ и растѣній?

Человѣкъ отличается своими дѣйствіями, равно какъ моральнымъ и физическимъ составомъ. Онъ есть часть самаго Божества по духу, по своему образу. Изваянія, картины, зданія, хитро устроенныя машины, различныя произведенія досужества, сочиненія ученыя и музыкальныя, уложенія Политики и законодательства — вотъ предметы, ознаменованные печатію духовности, и принадлежащіе только человѣку. Сіе напечатлѣніе, вѣрное и разительное, возбуждаетъ душу мою къ удивленію; образцовыя произведенія, прекрасныя мысли восхищаютъ меня, потому что онѣ свидѣтельствуютъ о благородномъ началѣ и важномъ назначеніи человѣка; въ нихъ я вижу неоспоримое доказательство сходства между Богомъ и мною.

Ваши парадоксы унижаютъ душу. Для васъ земля кажется безобразною глыбою, по которой пресмыкаетесь; для меня — она есть великолѣпный театръ, на которомъ Творецъ поставилъ человѣка для

господствованія, какъ Самъ Онъ господствуетъ на небѣ; поставилъ для того, чтобы земля украшена была Его образомъ и подобіемъ.

Не спорю, что *безсмертіе* — когда дѣло идетъ о славѣ — должно разумѣть въ переносномъ знаменованіи. Нѣтъ ничего безсмертнаго въ здѣшнемъ свѣтѣ; люди и ихъ имена умираютъ. Однакожъ тѣ, которые оставили по себѣ память долговременную, тѣ, которыхъ добродѣтели и творенія уважаетъ потомство въ продолженіе многихъ столѣтій и удивляется имъ, тѣ, говорю, имѣютъ своихъ подражателей; а сіи подражатели, передавая одинъ другому труды свои и занятія, принуждены были почтить изобрѣтателей названіемъ безсмертныхъ. Другаго изъясненія не можетъ быть, по чему образцовыя произведенія и великіе подвиги почитаются безсмертными.

Думаю, утѣшительно для сердца быть основателемъ или подпорою такой многочисленной секты почитателей. Какая слава! тлѣя въ могилѣ, господствовать надъ умами потомства, и будучи уже забытымъ, служить ему образцемъ для подражанія!

Вотъ назначеніе людей истинно великихъ; кажется мнѣ, что ваши ложныя

умствованія не успѣютъ погасить благороднаго жара въ тѣхъ, которые чувствуютъ себя способными сдѣлаться великими."

Я слышалъ сей разговоръ, написалъ его, и надѣюсь, что онъ можетъ занимать мѣсто въ Журналѣ, назначенномъ для Философіи, хотя его содержаніе не слишкомъ ново.

(*Изъ Декады.*)

III.

Нѣчто о Лафонтенѣ Баснописцѣ.

Обыкновеніе заставлять дѣтей выучивать басни было извѣстно въ самой глубокой древности. Платонъ, будучи весьма строгимъ къ Гомеру, почиталъ Езопа превосходнымъ Моралистомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы дѣти *сосали* басни съ молокомъ матернимъ, чтобы кормилицы безпрестанно твердили имъ о басняхъ; думалъ, что симъ способомъ можно впечатлѣть въ умъ и сердцѣ правила для будущаго поведенія: ибо младенцы съ жадностію слушаютъ повѣствованія, и съ любопытною внимательностію замѣчаютъ всѣ подробности. Лафонтенъ очень хорошо объяснилъ сіе философическое замѣчаніе о такомъ Иску-

ствѣ, въ которомъ онъ самъ превзошелъ всѣхъ Древнихъ, и достигъ высоты изящества, до которой ни одинъ новѣйшій Писатель не возносился. „Вмѣсто того, чтобы видѣть себя принужденными исправлять наши навыки,“ такъ онъ пишетъ: „лучше будемъ стараться заблаговременно сдѣлать ихъ добрыми. Какой же способъ къ тому удобнѣе, ежели не басни? Скажите дитяти, что Крассъ, идучи на войну противъ Парѳянъ, зашелъ въ ихъ область, не подумавши о средствахъ изъ нее выдти; что долженъ былъ погибнуть самъ и погубить цѣлое войско, не смотря на всѣ старанія избавиться отъ бѣдствія. Скажите тому же дитяти, что лисица и козелъ спустились въ колодезь для утоленія жажды; что лисица, съ помощію спины и роговъ своего товарища, какъ по лѣстницѣ вышла изъ колодезя, а козелъ напротивъ того остался въ немъ, потому что не былъ предусмотрителенъ: изъ того слѣдуетъ, что во всякомъ случаѣ надобно смотрѣть на конецъ дѣла. Спрашиваю, какой изъ сихъ двухъ примѣровъ сдѣлаетъ въ дитяти большее впечатлѣніе? Не правда ли, что оно будетъ внимательнѣе къ послѣднему, то есть къ такому, которой для его вразумительнѣе?“

До Лафонтена мы не имѣли басенъ, если выключить нѣсколько опытовъ, весьма неудачныхъ. Хотя Французской языкъ, прежде еще, нежели доведенъ до совершенства, отличался какою-то милою простотою, которая естественно изчезала по мѣрѣ вычищенія языка; но ни кто изъ Поэтовъ не могъ соединить съ даромъ повѣствованія той любезной невинности, той цѣли нравоучительной, того искуства изображать душевныя свойства, которыхъ Басня требуетъ. Можетъ быть, одному Марату удалось бы успѣть въ томъ, и быть для Лафонтена тѣмъ, чѣмъ былъ Мальгербъ для Руссо; но Маротъ, обративши все вниманіе свое на любовныя мѣлочи, не пытался проложить сей новой путь въ Поэзіи. Другому столѣтію было предоставлено судьбою произвести неподражаемаго Баснописца, тому столѣтію, въ продолженіе котораго всѣ части Словесности украсились образцовыми твореніями. Лафонтенъ, отъ природы тихій и боязливый, не устрашился идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ. Упомянувъ о Древнихъ, онъ говоритъ далѣе: „Новѣйшіе Писатели подражали древнимъ. Не только чужестранцы, но даже наши соотечественники оставили намъ примѣры. Правда, въ то время, когда

они писали, языкъ былъ весьма не похожъ на нынѣшній, слѣдственно и нашихъ Писателей по сему должно причислить къ иностраннымъ. Но это не отвратило меня отъ предпріятія." Лафонтенъ иначе не сочинялъ, какъ по совѣту друзей; когда пришло ему на мысль приняться за басни, онъ сообщилъ свое намѣреніе славному Академику Патрю, одному изъ лучшихъ нашихъ прозаическихъ Писателей. Патрю, устрашенный трудностями, сопряженными съ такимъ предпріятіемъ, совѣтовалъ Лафонтену писать прозою; ему казалось, что Французская Поэзія, стѣсненная правилами столь строгими, никакъ не способна для милой небрежности, которой требуетъ повѣствованіе въ Басни. Какая была бы потеря для Словесности, если бы Лафонтенъ послушался сего робкаго совѣта! По счастію Поэтъ чувствовалъ свои силы и рѣшился на нихъ положиться; скоро другъ его приведенъ былъ въ крайнее изумленіе, увидя первые опыты его таланта.

Басни Лафонтеновы не имѣли надобности въ комментаторахъ; многіе любители Словесности брали на себя трудъ заставить читателей чувствовать красоты, по мѣрѣ впечатлѣній, которыя сами

они чувствовали. Изо всего, что было писано о семъ предметѣ, люди, имѣющіе вкусъ, извлекли заключеніе, которое почитаю приличнымъ здѣсь помѣстить. Талантъ Лафонтеневъ особенно состоитъ въ украшеніи нравоученія всѣмъ тѣмъ, что ни имѣютъ въ себѣ прелестнаго кроткая снизходительность, пріятной даръ нравиться, плѣняющее добродушіе, наконецъ воображеніе самое живое, самое гибкое. Точная картина общества представляется вамъ въ сборищѣ животныхъ, которыхъ природныя побужденія преобразованы въ страсти. У нихъ видите наши учрежденія, наши обыкновенія, наши нравы, наши предразсудки. Каждое животное отличается особливымъ своимъ свойствомъ, и никогда отъ него не удаляется: онѣ разсуждаютъ о важныхъ дѣлахъ политическихъ и моральныхъ; но разительная противуположность между дѣйствующими лицами и предметами, о которыхъ онѣ толкуютъ, производитъ то, что вся важная строгость изчезаетъ. Езопъ и Федръ указали на сію остроумную мысль; Лафонтенъ разкрылъ ее и довелъ до совершенства. Кромѣ дара повѣствовать, которымъ Лафонтенъ превзошелъ всѣхъ Баснописцовъ, онъ совершенно обладалъ искуствомъ давать лицамъ сво-

имъ какую-то комическую важность, всегда приличную характерамъ. У нихъ есть провинціи и города столичные; онѣ заключаютъ миръ и объявляютъ войну. Къ симъ важнымъ дѣйствіямъ Политики, Баснописецъ обыкновенно присоединяетъ славнѣйшія историческія событія, упоминаетъ о древнихъ и новыхъ герояхъ; и сколь ни кажется страннымъ такое смѣшеніе, вы нигдѣ не увидите на принужденности, ни усилій. Напрасно захотѣли бъ вы искать въ Пїитикѣ таинства, какимъ образомъ, безъ нарушенія приличій, можно соединять великія черты историческія съ предметами маловажными; но Лафонтену оно было открыто, хотя онъ самъ, можетъ быть, не подозрѣвалъ, что знаетъ его. Непреодолимая страсть къ своему искуству, которое называлъ очаровательнымъ, заставляла его, такъ сказать, принимать на себя виды лицъ, представляемыхъ въ баснѣ; читателю кажется, что не Лафонтенъ, но сами животныя говорятъ и разсуждаютъ: отъ того столько точности, столько любезности въ характерахъ и повѣствованіи. Въ басняхъ Лафонтеновыхъ нѣтъ ни строгой учительской морали, ни колкихъ наставленій Мольеровыхъ. Онъ зналъ, что снизходительность есть отличительное свойство аполога, котораго было первое

назначенїе — *заманивать* людей въ кругъ ихъ обязанностей. Главное и общее заключенїе, выводимое изъ басенъ Лафонтеновыхъ, есть: „должно съ терпѣнїемъ покориться судьбѣ своей; лучше убѣгать злыхъ, нежели съ ними бороться.“ Онъ рѣдко удаляется отъ сего ученїя, столь сообразнаго съ самимъ его характеромъ; въ немногихъ только басняхъ отъ него отступаетъ, и противъ своего обыкновенїя выводитъ слѣдствїе, что „со злыми надлежитъ вести войну безпрерывную.“ Сїе-то совершенное сходство характера Баснописца съ самимъ свойствомъ аполога украшаетъ его творенїя прелестями неподражаемыми. Не смотря на то, Лафонтенъ имѣлъ еще возвышеннѣйшее понятїе о совершенствѣ Басни, и думалъ, что не достигъ до него. Вотъ собственныя слова его о семъ предметѣ, слова, дышущїя скромностїю и милымъ добродушїемъ: „можетъ быть, трудъ мой поселитъ охоту въ другихъ пойти далѣе и приближитъ Басню къ точкѣ совершенства.“

Многїе предпринимали идти по слѣдамъ его, но никто не превзошелъ Лафонтена. Да сихъ поръ онъ по всей справедливости почитается Баснописцемъ единственнымъ и образцовымъ.

(*Изъ Фр. Мерк.*)

IV.

Весна.

Здравствуй, милая, прелестная,
Жизнь, душа всего творенія,
Дочь благихъ Небесъ любимая,
Гостья для земли безцѣнная,
Божество сердецъ чувствительныхъ! —
Я тебя, Весна! привѣтствую —
Не въ стѣнахъ высокихъ города,
Не на шумныхъ его улицахъ,
Не изъ оконъ палатъ мраморныхъ —
Нѣтъ! а въ полѣ — вмѣстѣ съ птичками,
Гимнъ со мной тебѣ поющими.

Здѣсь на взоры твои пламенны,
На лице румяно-свѣжее,
На улыбку гордо-кроткую,
На одежду разноцвѣтную,
На корону лучезарную
И на скипетръ благодѣтельной
Я вблизи смотрю — плѣняюся,
И восторгъ мою колеблетъ грудь. —
Ты съ любовію горячею
Обняла Природу томную —
И Природа оживилася;
Радость въ нѣдра пролилась ея,
И Природа благодарная
Пиръ даетъ тебѣ прекраснѣйшій.

Рощи листьями атласными
По ея желанью мощному
ВдругЪ одѣлися, украсились,
И концерты разнотонные
Загремѣли вЪ юной зелени,
На душистой тамЪ черёмухѣ
Соловей изЪ груди пламенной
ВыливаетЪ трели яркія
И раскатами чудесными
ВыражаетЪ страсть безмѣрную.
ТамЪ, вЪ кусточкахЪ размариновыхЪ,
Нѣжно - томная малиновка
СладкимЪ голосомЪ любви самой
ПриглашаетЪ сердце — ввѣкЪ любить;
ТамЪ на гибкой ивѣ пѣночка,
На дубу высокомЪ зяблица,
На шиповникѣ овсяночка
СоставляютЪ *тріо* дивное.
Эхо чуткое, проворное
За Орфеями воздушными
ПовторяетЪ пѣсни огненны.
ЛандышЪ сЪ скромною фіялкою
(ОбразомЪ души Эльвириной)
Колокольчики сЪ сиренгами
ВЪ честь Веснѣ свой ѳиміямЪ курятЪ.
Ручейки по гладкимЪ камушкамЪ
Зажурчали, зарѣзвилися,
Засверкали бриллiянтами,
И долинамЪ злачнымЪ, шолковымЪ
Красоту волшебну придали.

Наконецъ — сердца невинныя
Сельскихъ мирныхъ обитателей
Съ пиршествующей Природою
Восхитилися тобой, Весна!
И лужайка хороводами
Полевыхъ красавицъ *истинныхъ*,
Какъ цвѣтами, разпестрилися.
Все твоимъ приходомъ радостнымъ,
Другъ, царица щастья кроткаго!
Взвеселилось, ощастливилось,
И къ надеждамъ усладительнымъ
Путь открылся въ души чистыя.

О весна, весна любезная!
О Природа всемогущая!
Кто холоденъ къ вашимъ прелестямъ,
Нечувствителенъ ко благостямъ,
Равнодушенъ къ удовольствіямъ —
Тотъ . . . . не скажемъ горькой истины. . .
Ахъ, Эльвира! какъ пріятности
Полевыя, безъискуственны,
На обманчивы промѣнивать,
И вздыхать всегда о городѣ?
Въ немъ твоя, не спорю, суетность
Съ честолюбіемъ утѣшены. . .
Ахъ! въ какой душѣ не кроются
Честолюбіе и суетность! . . .
Но кому ты красотой своей —
Сими взорами прелестными,
Сей улыбкою плѣнительной,

Тонкимъ, острымъ, пылкимъ разумомъ,
Вкусомъ чистымъ и разборчивымъ
И талантами небесными —
Всѣмъ — кому, скажи, обязана?
Не Природѣ ли единственно? . . .
Должно, должно благодарною
Быть, Эльнира! къ щедрой матери,
И для щастія сердечнаго
(Безъ котораго всѣ радости
Пролетаютъ такъ какъ молнія!)
Возвращаться къ ней въ объятія
Отъ блестящихъ свѣтскихъ призраковъ
Съ нѣжной дѣтскою горячностью.

К. Ш — въ.

Село Прасолово.

V.

Чувство въ разлукѣ.

Что не дѣвица во теремѣ своёмъ
Заплетаетъ русы кудри серебромъ:
Мѣсяцъ на небѣ, безъ ровни, самъ большой
Убирается своею красотой. —
Свѣтлой мѣсяцъ, весели, дружокъ, себя!
Знашь, кручинушкѣ высоко до тебя!
Ты одинъ, мой другъ, гуляешь въ небесахъ;
Ты на небѣ, такъ какъ я въ чужихъ земляхъ,
А не знаешь муки тяжкой - быть однимъ,
А не сѣтуешь съ пріятелемъ своимъ! —

Ахъ! всмотрись въ мои заплаканы глаза,
Отгадай, что говоритъ моя слеза:
Травка на полѣ лишь дожжичкомъ цвѣтётъ,
А въ разлукѣ сердце вѣсточкой живётъ!
Все ли милая съ тобой еще дружна,
Пригорюнившись, сидитъ ли у окна,
Обо мнѣ ли разговоръ съ тобой ведетъ,
И мои ли она пѣсенки поетъ?....
Птичка пугана пугается всего!
Горько мучиться для горя одного!
Горько плакать, и конца бѣдамъ не знать. —
Не съ кѣмъ слезъ моихъ къ любезной пересла́ть!
У тоски моей нѣтъ крыльевъ полетѣть,
У души моей нѣтъ силы — потерпѣть,
У любви моей нѣтъ воли — умереть!
Изнывай же на сторонушкѣ чужой,
Какъ въ могилѣ заваленъ одинъ живой!
Будь любезная здорова, весела;
Знать ко мнѣ моя судьбинушка пришла!

А. А. А.

VI.

Какъ Древнїе думали о клятвопреступленїи.

Клятвопреступленїе раждается отъ несчастїя. „Есть люди,“ говоритъ Ювеналъ:

„которые всѣ произшествія приписываютъ случаю, и думаютъ, что вселенная движется сама собою, безъ причины, ею управляющей.... Такіе люди безъ страха прикасаются къ священнымъ жертвенникамъ.“ Я не намѣренъ писать трактата о нарушеніи клятвы; много уже было говорено о томъ. Хочу только упомянуть, какъ думали о семъ злодѣяніи Древніе, прежде нежели озарились свѣтомъ Откровенія.

У Гомера, Агамемнонъ клянется Фуріями, карающими клятвопреступленіе, какъ онъ говоритъ, *подъ землею.* Онъ произноситъ противъ себя заклинанія, и желаетъ, чтобы „за нарушеніе присяги Боги низпослали на него *всѣ несчастія*, обыкновенно постигающія виновныхъ въ семъ преступленіи.“

Изъ одного мѣста въ сочиненіяхъ Гезіода видимъ, что въ его время вообще клятвопреступленіе почиталось такимъ злодѣйствомъ, за которое даже дѣти преступника подвергались наказанію. „Кто умышленно учинитъ ложную клятву“ говоритъ Поэтъ: „тотъ навлечетъ на себя казнь неминуемую, и потомство его погрязнетъ въ неизвѣстности.“

Менелай и Парисъ прежде сраженія сдѣлали между собою нѣкоторыя условія

и подтвердили ихъ торжественною клятвою, при возлїянїи вина и закланїи жертвъ тучныхъ. Весь народъ закричалъ: „О Юпитеръ великїй и сильный! о боги безсмертные! кто первой нарушитъ клятву, того мозгъ да польется на землю, какъ вино сїе льется! дѣти ихъ да подвергнутся равной участи! жены ихъ да будутъ добычею хищниковъ!“

Греки называли Юпитера *богомъ клятвы*; думали, что законы человѣческїе не достаточны для назначенїя сему злодѣйству достойной казни, и что Небо всегда карало преступника сверхъестественнымъ образомъ. Гезїодъ пишетъ, что Фурїи въ пятой день каждаго мѣсяца ищутъ нарушителей клятвы и ихъ наказываютъ.

Въ городѣ Олимпїи при входѣ въ храмину Совѣта стоялъ изваянный образъ Юпитера, имѣющаго видъ грозящїй и держащаго въ обѣихъ рукахъ молнїю. Въ надписи на подножїи сказано было, что богъ отмститъ тому, кто дерзнетъ ложно призывать имя его во свидѣтели.

Въ древнїя времена, во многихъ странахъ клятвопреступленїе наказываемо было смертїю: впрочемъ ложный свидѣтель подвергался той же казни, которую претерпѣлъ бы обвиняемый, если бъ доносъ оказался справедливымъ.

Геродотъ повѣствуетъ объ одномъ произшествіи между Главкомъ и нѣкоторымъ жителемъ Милетскимъ. Сей послѣдній ввѣрилъ Главку извѣстную денежную сумму на честное слово. По смерти его дѣти потребовали обратно серебро свое. Главкъ, колеблясь между должностію и корыстолюбіемъ, отсрочилъ уплату, а между тѣмъ посовѣтовался съ Дельфійскимъ Оракуломъ. Можетъ быть, онъ надѣялся съ помощію серебра получить отвѣтъ, которой успокоилъ бы его совѣсть. Но богъ сказалъ слѣдующее: „Главкъ! ты останешься правымъ и получишь великую выгоду, если присягнешь ложно; и такъ присягни. Смерть есть общій удѣлъ и того, кто клянется истинно, и того, кто ложно призываетъ боговъ во свидѣтели. Однакожъ знай, что есть безъименный сынъ Оркуса, которой, не имѣя ни рукъ, ни ногъ, вездѣ найдетъ тебя и истребитъ все твое племя. Напротивъ того клянущійся за правду безопасенъ и потомство его процвѣтетъ въ родъ и родъ.“ Приведенный въ ужасъ, Главкъ просилъ прощенія, но Жрица сказала ему: „Искушать бога, мною чтимаго, или совершить злой умыселъ — суть равныя преступленія.“ Несчастный Главкъ, возвратясь домой, немедленно отъ-

далъ ввѣренный залогъ дѣтямъ. Но это уже было поздно. Спустя не много, онъ, дѣти и все племя его истребилось на лицѣ земли. Добрый Геродотъ заключаетъ: „Если ввѣрятъ намъ залогъ, то ни о чемъ болѣе не должно думать, какъ о возвращенiи по первому требованiю тому, кто имѣетъ на него законное право.“

Слухъ о семъ произшествiи, разнесшiйся по всей Грецiи, подтвердилъ истину общаго мнѣнiя, что нарушенiе клятвы влечетъ за собою неминуемую погибель преступнику и всему его потомству. Едва найти можно у Древнихъ равное сему злодѣянiе, которое, какъ они думали, боги наказывали бы муками столь долговременными и мстили бы съ такою жестокостiю (*).

Что было причиною войны Троянской? Лаомедоново клятвопреступленiе.

Дiодоръ Сицилiйскiй свидѣтельствуетъ, что Египтяне за нарушенiе клятвы опредѣляли смерть, потому что сiе преступленiе, доказывая нечестiе противу боговъ, уничтожаетъ довѣренность къ людямъ — этотъ узелъ, соединяющiй общества человѣческiя.

(*) In patrem dilata ruunt perjuria patris
Et poenam merito filius ore luit.
Claudianus.

У Римлянъ казнь за нарушенїе клятвы закономъ раздѣлена была на божескую, то есть погибель несчастнаго, и на человѣческую — стыдъ и посрамленїе (*). Можетъ быть, отъ того у Англичанъ въ употребленїе введенъ безчестной столбъ для клятвопреступниковъ.

По увѣренїю Страбона, Скиѳы смертїю казнили обличившихся въ семъ преступленїи, а въ Индїи отсѣкали у нихъ пальцы.

Все показываетъ намъ, что язычники почитали нарушенїе клятвы однимъ изъ важнѣйшихъ преступленїй противъ боговъ и человѣковъ. Христїане еще болѣе имѣютъ причинъ отъ него воздерживаться и даже питать къ нему совершенное омерзѣнїе. Если же правда, что оно распространяется въ обществахъ Христїянскихъ, то благоразумныя правительства обязаны стараться отыскать корень зла сего и истребить его. Будемъ чистосердечны: не правда ли, что въ Англїи присяга почитается дѣломъ маловажнымъ? Нужно ли за всякую мѣлочь принуждать торжественно призывать Бога во свидѣтели? Отъ того клятва сдѣлалась обрядомъ слишкомъ обыкновеннымъ; отъ того не про-

(**) Perjurii poena divina, exftium: humana dedecus.

изводитъ она желаемаго впечатлѣнія въ гражданахъ; отъ того наконецъ, присягающій забываетъ о важности клятвы и объ опасности, которой подвергается за нарушеніе.

(*Изъ Брит. Библіот.*)

VII.
СТИХИ

Къ портретамъ, изображающимъ двухъ Пастырей Московскихъ: Никона Патріарха, Основателя, и Амвросія Архіепископа, Обновителя и Украсителя Ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря (*).

Амвросій кончилъ то, что *Никонъ* основалъ.
Сей Божій домъ отъ нихъ весь блескъ свой возпріялъ;
Но *Никонъ* на пути своемъ изъ заточенья (**),

(*) Сообщены отъ одной почтеннѣйшей особы. *Изд.*

(**) Изъ Кириловскаго Бѣлоезерскаго монастыря возвращаясь, въ Ярославлѣ 17 Авг. 1681 года скончался и въ Воскресенскомъ монастырѣ погребенъ. *Ав.*

Амвросій въ дни чумы и черни возмущенья (*),
Имѣли дней своихъ безвременный конецъ:
За то украсилъ ихъ страдальческій вѣнецъ.

К.

VIII.

Смѣсь.

Г. Коцебу, въ бытность въ Неаполѣ, видѣлъ въ Библіотекѣ Королевской рукописи, какихъ безъ сомнѣнія не льзя найти въ славной Библіотекѣ Ватиканской, а особливо большаго Собранія сатирическихъ сочиненій, наполненнаго безстыдными ругательствами на счетъ Папъ и Кардиналовъ. Въ немъ помѣщены между прочимъ Надписи надгробныя, сочиненныя при жизни тѣхъ, для кого онѣ сдѣланы; на примѣръ: о Кардиналѣ Оригціѣ сказано, что „онъ отъ старости помѣшался въ умѣ; что не боялся суда Божія, что молился только за однѣхъ женщинъ и жилъ какъ Сарданапалъ, или какъ пѣтухъ, окруженный стадами куръ.“ Вотъ другая: „Кардиналъ Николай . . . . . надутый, гордый, тщеславный, высокомѣрный, безраз-

(*) Убіенъ у воротъ Донскаго монастыря 16 Сент. 1771 года. *Ав.*

судный, сребролюбивый, неучь, невѣжа; его родословіе простирается далѣе Адама: за сіи-то отличныя достоинства онъ причтенъ къ освященному Кардинальскому сословію!" О Кардиналѣ Оттобони сказано: Unus de grege porcorum, ſtuprator, adulter, ſodomita; а въ заключеніи: „exonera ventrem viator et abi;" изъ почтенія къ нашимъ читателямъ оставляемъ безъ перевода сію острую шутку западныхъ Католиковъ на счетъ *благонравныхъ* Пастырей. — Сверхъ того Г. Коцебу видѣлъ одну рукописную Комедію, подъ названіемъ: *Святый Бонифацій*, сочиненную Кардиналомъ Руспиліози. Чтобы дать понятіе о семъ драматическомъ произведеніи, довольно упомянуть названія дѣйствующихъ лицъ; вотъ онѣ: Воюющая церковь, Торжествующая церковь, Аглая (Грація), святый Бонифацій, драгунскій Капитанъ, Ангелъ хранитель, Діаволъ, Люцинда и Хоръ солдатъ!!

❋

Сожалѣемъ, если пристрастное защищеніе извѣстной Россійской Исторіи, на которую Критика помѣщена была въ 16 мъ Нумерѣ Вѣстника Европы на 1804 й годъ, имѣло для Защитника непріятныя слѣдствія. Не наше дѣло говорить, какъ отзываются въ Германіи объ издаваемомъ Г-мъ Пробстомъ Гейдеке Нѣмецкомъ Жур-

налѣ, подъ названїемъ: Russischer Mercur, въ которомъ находится упомянутое защищенїе; но не можемъ умолчать о статьѣ, касающейся до Автора Критики. Читатели увидятъ, что не одно самолюбїе заставляетъ насъ выписать въ подлинникѣ мнѣнїе, напечатанное въ одномъ Нѣмецкомъ Журналѣ d r Freimüthige, надъ сочиненїемъ котораго трудятся Господа Коцебу и Меркель — Журналѣ, достойно уважаемомъ любителями здравомыслїя и хорошаго вкуса. Слѣдуетъ статья отъ слова до слова: . . . Ein Aufsatz „über die neuere Russische Geschichte," der im grunde nischts ist, als die Vertheidigung eines Abbé Perin, der einen *Abregé de l' Histoire de la Russie* voll lächerlicher Fehler geschrieben, und darin die Vereinigung der Griechischen Kirche mit der Römischen so eifrig empfohlen hat, als man seit Jahrhunderten heimlich daran gearbeitet hat. Diese Vertheidigung ist sehr seicht. Sie sagt eigentlich nichts, als dass es Hrn Perin kränken müsse, sein Buch im Вѣстникъ Европы belacht und getadelt zu sehen. Wie? Hat denn dieser Abbé als Fremdling das Recht, bei grosser Ignoranz den Lehrer zu machen, und öffentlich eine Maassregel zu predigen, welche die Beherrscher Russlands um eines ihrer Majestäts-Rechte, nehmlich auch kirchliche Oberhäupter ihrer nation zu seyn, bringen, und den Cabalen einer ausländischen Hierar-

chie preis geben würde? Wenn er unverschämt genug ist, das zu thun: kann man ihn streng genug zurecht weisen? — Оставляемъ Г-мъ Историку и его Апологисту перенести дѣло на аппелляцїю куда за благо разсудятъ, а мы очень довольны симъ рѣшенїемъ.

*

Въ минувшую зиму разпространился въ Лондонѣ вкусъ весьма странный вразсужденїи пышности. Слово *Египетскїй* вошло во всеобщее употребленїе и сдѣлалось лозунгомъ всѣхъ мебельныхъ лавокъ. Домашнїе уборы, Греческїе и Римскїе, вышли изъ моды; теперь пришла очередь до Египетскихъ, или лучше сказать, до такихъ, которые кажутся Египетскими. Каждой отгадаетъ, что политическїя событїя произвели на свѣтъ сїю моду. Томасъ Гопе ввезъ въ Англїю вкусъ Египетскїй; ему послѣдовали знатнѣйшїя фамилїи, и нынѣ страсть ко всему называющемуся Египетскимъ сдѣлалась столь общею, что нѣтъ ни одного сидѣльца въ мебельныхъ лавкахъ, которой не выговаривалъ бы словъ: Сфинксъ, Изида, пирамида, Фаросъ, обелискъ съ такою же легкостїю и удобностїю, какъ самые ученые Анпикварїи.

*

Лудовикъ XIV, показавъ Поэту Боало стихи своего сочиненія, требовалъ, чтобы онъ искренне объявилъ свое о нихъ мнѣніе. „Ваше Величество,“ отвѣчалъ Боало, захотѣли написать дурные стихи и написали ихъ; а это доказываетъ, что для васъ нѣтъ ничего невозможнаго.“

*

Карета, въ которой ѣхала молодая и пригожая женщина, опрокинулась на берегу Сены въ то самое время, когда Г. Дюкло купался. Услужливой Дюкло поспѣшно выскочилъ изъ воды, подбѣжалъ къ каретѣ, и подавая руку женщинѣ, сказалъ: „Извините, сударыня, мою неучтивость; я безъ перчатокъ.“

*

Фридрихъ II, Король Прусскій, каждому вновь появившемуся солдату въ числѣ его тѣлохранителей, которыхъ одну роту составляли отборнѣйшіе люди изо всей арміи, обыкновенно дѣлалъ слѣдующіе три вопроса: „Сколько тебѣ лѣтъ? — Давно ли ты въ моей службѣ? — Исправно ли получаешь жалованье и мунцію?“ — Одинъ молодой Французъ, не знавшій по Нѣмецки ни одного слова, взятъ былъ въ тѣлохранители. Капитанъ заблаговременно велѣлъ ему вытвердить на память три отвѣта

на вопросы Королевскіе. Солдатъ выучилъ ихъ и въ надлежащее время явился передъ Фридрихомъ, которой противъ своего обыкновенія началъ со втораго вопроса: „Давно ли ты въ службѣ?“ — Двадцать одинъ годъ, Ваше Величество. — „Можно ли! Сколько тебѣ лѣтъ отъ роду?“ Только одинъ годъ, по высочайшей волѣ Вашего Величества. — „Мы или не понимаемъ другъ друга, или оба сошли съ ума.“ — И то и другое, Ваше Величество. — „Въ первой еще разъ въ жизни слышу,“ сказалъ Король: „что меня называютъ безумцемъ, и въ то самое время, когда все войско находится въ моихъ повелѣніяхъ!“ — Солдатъ, изтощившій весь запасъ свой, замолчалъ; а Король, оборотясь къ нему и желая узнать тайну, началъ спрашивать снова; солдатъ отвѣчалъ на Французскомъ языкѣ, что онъ по Нѣмецки не знаетъ болѣе ни одного слова, кромѣ того, что выучилъ. Фридрихъ разсмѣялся, и весьма ласково посовѣтовалъ ему учиться языку, употребляемому въ Пруссіи, и быть исправнымъ солдатомъ.

(*Изъ Лонд. Кур.*)

ПОЛИТИКА.

I.

Содержанїе новаго придворнаго календаря Французскаго.

Извѣстно, что въ Государственномъ Совѣтѣ разсуждаемо было, должно ли уничтожить календарь Республиканскїй, или нѣтъ. Кажется, внезапная перемѣна сдѣлала бы во всѣхъ частяхъ правленїя замѣшательство; потому признали нужнымъ отложить ее до другаго времени. Календарь, изданный на XIIIй годъ, надлежитъ почитать важнымъ сочиненїемъ статистическимъ, содержащимъ пространное обозрѣнїе новаго устроенїя Францїи. Въ семъ Государствѣ Протеевъ въ минувшемъ году произошли чрезвычайныя перемѣны; надѣемся оказать услугу нашимъ читателямъ, сообщивъ имъ краткое извлеченїе изъ сей книги.

Календарь содержитъ въ себѣ пятьнадцать главъ или отдѣленїй.

Въ *первомъ* отдѣленїи находится списокъ всѣмъ Дворамъ Европейскимъ съ показанїемъ времени рожденїя Государей и съ приложенїемъ другаго списка о Кардина-

лахъ, Министрахъ и Посланникахъ. — Іосифъ Бонапарте съ супругою и дѣтьми, Лудовикъ Бонапарте также съ супругою и дѣтьми, сестры Наполеоновы съ ихъ мужьями причислены къ Императорской фамиліи. Люсьеня и Жерома совсѣмъ нѣтъ въ спискѣ. — Во *второмъ* отдѣленіи помѣщены великіе Чиновники. Мѣста Архиканцлера Государственнаго и великаго Адмирала остаются праздными (*), равно какъ и два Маршальскія. — Въ *третьемъ* содержится Придворной штатъ Наполеона, Іозефины, такъ называемыхъ Принцевъ и Принцессъ, и Гвардія. При Наполеонѣ состоитъ: 4 Омоньe (Раздавателей милостыни), 8 Каммергеровъ, 2 Библіотекаря, въ числѣ которыхъ находится первымъ Г. Денина, и 1 Директоръ музыки. Потомъ слѣдуютъ имена 14ти особъ, принадлежащихъ къ должности Оберъ-Маршала, 5ти принадлежащихъ къ должности Оберъ-Шталмейстера, 24хъ пажей, 5хъ Егермейстеровъ, 10ти принадлежащихъ къ должности Церемоніймейстера и 9ти

(*) Онѣ теперь заняты; Государственнымъ Архиканцлеромъ сдѣланъ Г. Богарне, пасынокъ Наполеона, а великимъ Адмираломъ Г. Мюра, зять его, и оба названы Принцами. *Изд.*

къ домовой дирекціи, въ числѣ которыхъ помѣщенъ Давидъ въ званіи перваго Живописца; далѣе — 2 Лѣкаря, 2 Хирурга, 1 Нотаріусъ и 3 Казначея. Великіе Офицеры Коронные, Генералъ Казначей и Дворцовые Правители составляютъ Совѣтъ. — Іозефина имѣетъ 1 Омонье, 1 Статсъ-Даму, 1 Камеръ-Фрау, 12 Фрейлинъ, 3 Каммергеровъ, 4 Штальмейстеровъ. — При Іосифѣ и его супругѣ находятся: 3 Омонье, 1 Статсъ-Дама, 4 Фрейлины, 2 Каммергера, 3 Штальмейстера и проч. — При Лудовикѣ и его супругѣ — 2 Омонье, 1 Статсъ-Дама, 4 Фрейлины, 1 Каммергеръ, 2 Штальмейстера, 1 Секретарь, 1 Интендантъ, 1 Библіотекарь, 1 Нотаріусъ, 1 Лѣкарь, 1 Хирургъ и 1 Аптекарь. — При другихъ Принцессахъ состоятъ: 1 Омонье, 2 Духовника, нѣсколько Фрейлинъ, и при каждой особенно по 1 Каммергеру и по 1 же Штальмейстеру. — *Четвертое* отдѣленіе содержитъ придворной Штатъ военный, состоящій изъ Генеральнаго Стаба, 1го пѣхотнаго полку гренадерскаго, 1го егерскаго полку коннаго, 2хъ баталіоновъ Велитовъ, 1го коннаго полку гранодерскаго, одного пѣхотнаго полку егерскаго, 1 отряда артиллеріи, инженернаго Стаба, 1го легіона отборныхъ Жандармовъ, 1го баталіона матро-

совъ, 1 го баталїона Италїянскихъ гранодеръ, 1 й роты Мамелюковъ и 1 й роты Ветерановъ.

Въ *пятомъ* отдѣленїи помѣщены Члены Сената, Государственнаго Совѣта, Законодательнаго Корпуса, Трибуната, Верховнаго Суда надворнаго, Кассацїоннаго Судилища и Отчетной Палаты. — *Шестое* отдѣленїе содержитъ въ себѣ Членовъ Почетнаго Легїона, изъ которыхъ наименованы 10, составляющихъ Великїй Совѣтъ, 110 Великихъ Офицеровъ и Члены, принадлежащїе къ Великой Канцелярїи и къ Великому Казначейству. — Въ *седмомъ* отдѣленїи помѣщенъ Государственный Совѣтъ и Департаменты Министровъ: Юстицїи, Внѣшнихъ дѣлъ, Внутреннихъ дѣлъ, Военнаго, Финансовъ, Казначейства, Военнаго управленїя, Морскихъ силъ и Колонїй, Полицїи и Богослуженїя. — Въ *осмомъ* содержится Духовенство, къ которому принадлежатъ: 11 Архїепископовъ и 60 Епископовъ. Лютеране имѣютъ одну Консисторїю въ Страсбургѣ, которой подчинены пять Инспекцїй въ Верхнерейнскихъ и двѣ въ Нижнерейнскихъ Департаментахъ. Есть также въ Страсбургѣ Академїя для образованїя молодыхъ Лютеранъ, готовящихся быть Пасторами. Кромѣ того есть еще двѣ Консисторїи,

управляющїя въ Саррскомъ, Монтпоннерскомъ, Рейнскомъ и Мозельскомъ и дела Роерскомъ Департаментахъ. Реформаты имѣютъ Синоды. Считаютъ семдесятъ городовъ, въ которыхъ отправляется во храмахъ богослуженїе по Реформатскому исповѣданїю, а число Пасторовъ простирается до 140. — Въ *девятомъ* отдѣленїи содержится военная часть. Число Дивизїонныхъ Генераловъ и начальствующихъ Адъютантовъ простирается до 470. Артиллерїйскїй корпусъ состоитъ изъ 8ми полковъ пѣхотныхъ и 6ти конныхъ, изъ 15 ротъ плотниковъ, 2хъ баталїоновъ понтонной комманды и 16 баталїоновъ фурлейтовъ; 225 Офицера имѣютъ надзиранїе надъ припасами артиллерїйскими какъ въ крѣпостяхъ, такъ и въ войскѣ. Инженерной корпусъ состоитъ изъ Генеральнаго Стаба, 5ти баталїоновъ подкопщиковъ, 9ти ротъ минеровъ и инженеровъ. Генеральный Стабъ состоитъ изъ 3хъ дивизїонныхъ Генераловъ, 6ти бригадныхъ Генераловъ, 37ми Полковниковъ, 74 баталїонныхъ начальниковъ, 220ти Капитановъ, 40ка Поручиковъ, 1го Экзаминатора и 4хъ запасныхъ Директоровъ. — Пѣхота состоитъ изъ 90та тяжелыхъ полковъ и 27ми легкихъ; конница — изъ 78ми полковъ, то есть: 2хъ карабинерныхъ,

12ти кирасирскихъ, 30ти драгунскихъ, 24хъ егерскихъ и 10ти гусарскихъ. — Въ *десятомъ* отдѣленіи содержится часть морская, которую составляютъ: 7 Адмираловъ, 9 Вице-Адмираловъ, 12 Контр-Адмираловъ, 122 Корабельныхъ Капитановъ, 232 Фрегатныхъ Капитановъ и 450 Лейтенантовъ. Къ тому прибавить еще должно Офицеровъ морскихъ, инженерныхъ и исправляющихъ особыя препорученія. Правительство колоній содержится въ особой главѣ. — Въ *одиннадцатомъ* отдѣленіи помѣщены гражданскія правительства. Французское Государство состоитъ изъ 120 Департаментовъ, и раздѣлено на 5 разрядовъ, съ приложеніемъ показанія, по скольку членовъ каждой разрядъ присылать долженъ для засѣданій въ Собраніи Законодательнаго Корпуса. Департаменты раздѣляются на уѣзды и кантоны; каждой кантонъ (de justice de paix) имѣетъ свое *кантонное собраніе*; уѣздъ, или дистриктъ, подъ управленіемъ Субпрефекта находящійся, имѣетъ *избирательную уѣздную Коллегію*; въ каждомъ Департаментѣ находится по одной *избирательной департаментальной Коллегіи*.

Департаменты состоятъ подъ управленіемъ Префектовъ и Совѣтовъ Префектуры. Уѣзды управляются Субпрефектами, а города, въ которыхъ жителей

считается не болѣе 2000, Мерами. Далѣе слѣдуетъ показанїе о Департаментахъ въ разсужденїи ихъ принадлежности по части военной, по Почетному Легїону, по лѣснымъ отдѣленїямъ, по Сенаторствамъ и проч., какому подчинены Апелляцїонному Судилищу, какому Мирному Судьѣ, Префекту, Субпрефекту, и проч. — Въ *двенадцатомъ* отдѣленїи показано устроенїе Правосудїя. Оно состоитъ изъ 31го Апелляцїоннаго Судилища; потомъ слѣдуютъ Суды Уголовные и Частные, и Трибуналы первыхъ инстанцїй. — *Двенадцатое* отдѣленїе показываетъ объ устроенїи финансовъ, о внесенїи въ протоколъ недвижимыхъ имѣнїй, о закладахъ, о таможняхъ, о лѣсахъ, о лотереяхъ, о монетахъ, объ управленїи по соляной части, о разсчтенїи государственныхъ долговъ, о податяхъ и генеральныхъ сборщикахъ, о казнѣ общественной, собираемой для окуповъ, и о банкѣ. — Въ *тринадцатомъ* отдѣленїи содержится: образованїе коммерцїи, показанїе о Коммерческихъ Судилищахъ, о биржахъ и о Членахъ Коммерцъ-Коллегїи. — *Четырнадцатое* отдѣленїе посвящено Наукамъ, изящнымъ искусствамъ, заведенїямъ для пользы земледѣлїя, для усовершенствованїя механическихъ искуствъ и для публичнаго воспитанїя. Здѣсь содер-

жится образованіе Національнаго Института, центральныхъ Училищъ, Школы политехнической, Лицеевъ, Пританеевъ и частныхъ Училищъ. — Наконецъ въ *пятьнадцатомъ* отдѣленіи показано устроеніе правительства города Парижа, и приложены таблицы о населеніи, сравнительное показаніе вѣсовъ и мѣры и другія статьи, полезныя для мѣстныхъ обстоятельствъ. Очень страннымъ покажется, что между прочимъ упомянуто въ семъ отдѣленіи объ одеждѣ траурной. Большой трауръ по отцѣ или по матери продолжается шесть мѣсяцевъ; по мужѣ — годъ и шесть недѣль; по женѣ — шесть мѣсяцевъ; по братѣ и по сестрѣ два мѣсяца; по дядѣ — шесть недѣль; по двоюродномъ братѣ двѣ недѣли; по двоюродномъ племянникѣ — одну недѣлю. Многія страницы календаря заняты траурными костюмами. Не трудно догадаться, что подало поводъ къ назначенію столь долгаго времени траура по мужѣ; кажется также, что имѣютъ въ виду систему всеобщаго разпространенія роскоши.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

II.

Окружное повелѣнїе Фрибургскаго Кантоннаго Правительстеа (*) уѣздным Коммиссарам.

8 го Февраля 1805 года.

Малый Совѣтъ Фрибургскїй съ крайнимъ неудовольствїемъ узналъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кантона прекрасной полъ, не уважая правилъ благонравїя, лучшаго своего украшенїя, вводитъ и принимаетъ новые наряды, несообразные съ отечественными обычаями и противные общественной благопристойности. Сїи моды, нелѣпыя и смѣшныя, непремѣнно должны сдѣлать опасное впечатлѣнїе въ народѣ, которой не совсѣмъ еще забылъ нравы своихъ предковъ; онѣ весьма много споспѣшествуютъ развращенїю. Если достаточные граждане съ безразсуднымъ жаромъ перенимаютъ сїи моды и съ непобѣдимымъ пристрастїемъ слѣдуютъ имъ; то какого пагубнаго дѣйствїя не могутъ онѣ произвесть надъ тѣми, которые не получили хорошаго воспитанїя? чего должно будетъ опасаться отъ сихъ людей, когда благонравїе изчезнетъ между ними?

(*) Въ Швейцарїи.

Такой соблазнъ общества обратилъ на себя вниманіе властей духовныхъ, которыя отнеслись въ Совѣтѣ съ представленіемъ объ удержаніи зла сего при его началѣ, и о прекращеніи успѣховъ онаго способами, какіе признаны будутъ полезными. Сіи способы останутся безъ дѣйствія до тѣхъ поръ, пока особы, на которыхъ Богъ и Природа возложили священную обязанность водворять добродѣтель въ семействахъ, сами не постараются искренне исправиться. Если бы правительство явно приняло мѣры къ уничтоженію сего разврата, то тѣмъ открылось бы, что между нами существуетъ зло, а это могло бы нанести великой вредъ и опасность для тѣхъ, которые совсѣмъ не знаютъ о немъ. Извѣстность ввела бы многихъ въ соблазнъ.

Итакъ для возможнѣйшаго споспѣшествованія къ удержанію въ нашемъ Кантонѣ прежней простоты нравовъ и для предотвращенія упомянутыхъ невыгодъ, Совѣтъ находитъ, что самое полезное средство къ тому состоитъ въ содѣйствіи Судилищъ благонравія. Въ слѣдствіе того, Мирные Судьи получатъ слѣдующія наставленія:

Если особа женскаго пола, для мнимаго украшенія себя, отважится обнаже-

ніемъ членовъ тѣла оскорбить благонравіе; въ такомъ случаѣ Мирный Судья, какъ предсѣдатель Судилища благонравія, имѣетъ обязанность отнестись къ ея родителямъ, опекуну, или мужу, и требовать, чтобы они, употребивъ власть, данную имъ Природою и законами, заставили преслушную войти въ предѣлы стыдливости; при томъ объявить, что впредь позовутъ ее предъ Судилище благонравія, если напоминаніе не будетъ имѣть желаемаго дѣйствія. Когда же отъ послабленія родителей, опекуна или мужа, не будетъ никакой надежды къ исправленію, когда увѣщанія останутся безполезными, въ то время Мирный Судья исполняетъ свои угрозы и призываетъ нарушительницу передъ Судилище благонравія; тамъ укоряютъ ее непристойнымъ поведеніемъ, совѣтуютъ возвратиться къ своей должности, и убѣдительно представляютъ ей, сколь смѣшны, сколь неблагочинны такіе наряды, которые, кромѣ разпространенія соблазна, подвергаютъ честную женщину опасности быть сочтенною въ обществѣ на равнѣ съ несчастными, достойно заслуживающими презрѣніе.

(Изъ Монитера.)

III.

Выписка изъ Лондонскихъ Вѣдомостей.

Парижъ. 12 Февраля.

Что вы думаете о смѣшныхъ, нелѣпыхъ ласкательствахъ, расточаемыхъ нашими Ораторами и Придворными передъ своимъ властелиномъ? Понятно ли для васъ, какимъ образомъ языкъ мятежническій Апостоловъ революціи могъ сдѣлаться новымъ языкомъ придворнымъ, не потерявъ ничего въ разсужденіи *надутой высокопарности*? Внимательный наблюдатель, привыкшій разсматривать свойства и дѣйствія людей, взглянувъ на положеніе Франціи, съ перваго разу скажетъ, что революція еще не окончилась. Но людямъ, не имѣющимъ довольно проницательности, чтобъ сдѣлать подобное заключеніе, стоитъ только прочитать Рѣчи, произнесенныя Государственными Совѣтниками Г-на Бонапарте.

Власть законная и твердая имѣетъ отличительное свойство, которое сообщается всему тому, что отъ нее произходитъ, свойство чуждое власти, основанной на несправедливости и насиліи. Сія истина, доказанная опытами всѣхъ вѣковъ и всѣхъ Государствъ, объясняетъ странный и чудовищный слогъ, употребляемый Г-мъ Бона-

парте и его наперсниками. Генрихъ IV, увѣренный въ правахъ своихъ, въ своемъ могуществѣ, въ любви народа, не предавался пустословїю; онъ говорилъ только своимъ солдатамъ: „Вы Французы. Я Король вашъ. Пойдемъ сражаться!“ Но хищнику престола никогда не удастся имѣть геройскаго краснорѣчїя.

Тщеславїе, усилившееся до извѣстной степени въ головѣ, отъ природы слабой и набитой исполинскими намѣренїями, весьма удобно превращается въ настоящее безумїе. Не смотря на то, что Г. Бонапарте по стеченїю чрезвычайныхъ, неслыханныхъ обстоятельствъ, сдѣлался самовластнымъ обладателемъ обширнаго и прекраснаго Королевства, его желанїя еще не удовольствованы; его честолюбїе тѣмъ еще смѣшнѣе, что страхъ не даетъ ему покоя ни на минуту. Г. Бонапарте находится теперь въ положенїи такого человѣка, которой, взобравшись на утесъ до извѣстной высоты, съ ужасомъ смотритъ въ низъ и старается лѣзть еще выше, чтобы не видѣть пропастей, его окружающихъ.

Между образцовыми произведенїями нелѣпости, порожденными революцїею, любопытнѣе всего письмо, въ которомъ Г. Бонапарте предлагалъ Королю Великобританскому о мирѣ. Безъ сомнѣнїя,

Братское начало казалось Автору письма значительнымъ. Человѣку, которой назадъ тому нѣсколько лѣтъ безъ успѣха старался вступить въ Англійскую службу, и которой ограничивалъ свое честолюбіе желаніемъ служить въ чинѣ простаго Офицера, такому человѣку конечно весьма пріятно называть Короля Великобританскаго *Господиномъ своимъ братцомъ!* Но за чѣмъ было наполнять цѣлое письмо вздоромъ, по которому Европа будетъ судить объ Авторѣ не какъ объ *великомъ человѣкѣ* и *основателѣ новой Династіи*, но какъ о питомцѣ Якобинскаго общества, которой не могъ еще забыть слога, бывшаго въ употребленіи въ клубахъ и собраніяхъ черни?

Г. Бонапарте пишетъ къ Его Величеству, что „вступивъ на престолъ Французскій по соизволенію Провидѣнія, по волѣ Сената, народа и войска, ощущаетъ первое чувство — желаніе мира.“ Не говоря уже о томъ, что Г. Бонапарте всегда взводитъ небылицу на Провидѣніе, на Сенатъ, народъ и войско, когда упоминаетъ о своемъ воцареніи, спрашивается, по чему теперь, по занятіи трона Бурбоновъ, вдругъ захотѣлось ему заключить миръ, и по чему не думалъ о семъ прежде, бывъ еще первымъ Консуломъ? Не уже ли

нужды Франціи перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ Генералъ Бонапарте принялъ на себя новое званіе? Не уже ли *Франція и Англія менѣе изтощались* въ то время, когда Герой Вандемьера довольствовался скромнымъ титломъ перваго Консула? Г. Бонапарте, провозгласивъ себя Императоромъ, замѣтилъ, что *грѣшно безъ нужды проливать кровь человѣческую*, и что *совѣсть не можетъ быть спокойна у тѣхъ, которые заставляютъ людей сражаться.* Еще въ первой разъ Г. Бонапарте заговорилъ о совѣсти; это могло бы служить добрымъ знакомъ, если бы, говоря о своей совѣсти, онъ не мѣшалъ тутъ совѣсти Монарха добродѣтельнаго, заслужившаго удивленіе Европы и любовь своего народа. „Война,“ продолжаетъ Г. Бонапарте: „никогда не была противною моей славѣ.“ Надобно знать, что, говоря о славѣ, онъ разумѣетъ свои успѣхи, однакожъ умалчиваетъ о походахъ Египетскомъ и Сирійскомъ.

Разсматривая внимательно письмо Г-на Бонапарте, всякой спрашиваетъ самъ себя, для чего онъ обнародовалъ его. Не уже ли онъ думалъ, что Европа положится на искренность его мирныхъ разположеній, потому что въ письмѣ упоминается о его желаніи заключить миръ, какъ о первомъ

чувствѣ, которое онъ ощутилъ, назвавшись Императоромъ, и о томъ, что миръ есть желаніе сердца его? Не уже ли онъ ласкался надеждою заставить Европу забыть его насильственные поступки и оскорбленія, написавши въ письмѣ своемъ, что война продолжается безъ цѣли, безъ предполагаемыхъ слѣдствій, что „заставляютъ людей *драться* для того только, чтобы *драться*," и что „свѣтъ довольно обширенъ для того, чтобы Французская и Англійская націи могли ужиться въ покоѣ?" Сіи пустыя декламаціи, сія революціонная высокопарность ни Францію, ни Европу не приведутъ въ заблужденіе. Европа и Франція знаютъ, что Г. Бонапарте причиною войны; знаютъ, что онъ ежедневно показываетъ новые опыты своего неуваженія къ Монархамъ; знаютъ, что духъ несогласія препятствуетъ имъ принять рѣшительныя средства, приличныя ихъ достоинству.

IV.

Анекдоты о Наполеонѣ Бонапарте.

Склонность ко всему великому, колоссальному — такъ написано въ одномъ публич-

номъ листкѣ — оказалась въ Наполеонѣ еще въ юношескихъ лѣтахъ его. Пылкій Оссіянъ былъ любимымъ его Авторомъ. Одинъ извѣстный Стихотворецъ разсказываетъ, что Наполеонъ, бывши еще Артиллерійскимъ Офицеромъ, часто просилъ его переводить многія мѣста изъ Оссіяна.

Недавно Національный Институтъ поднесъ Наполеону три Тома своихъ Упражненій и сверхъ того Исторію Тацитову, переведенную на Французскій языкъ Делалемъ. Наполеонъ, взявъ Упражненія, спросилъ объ имени типографщика, у котораго онѣ напечатаны; когда ему о томъ было сказано, онъ тотчасъ вспомнилъ, что этотъ Типографщикъ за-долго передъ тѣмъ сдѣлался банкрутомъ и подалъ причину Государственному Совѣту издать уставъ о банкрутахъ, ибо съ нимъ вмѣстѣ многіе книгопродавцы объявили о себѣ, что платить не могутъ. При семъ случаѣ не пропустилъ сказать бывшему тутъ другому Типографщику, что напечатавшій Исторію Тацитову не пришелъ бы въ упадокъ, если бы рачительнѣе занимался разпоряженіемъ дѣлъ своихъ. Потомъ поблагодаривши вѣжливо Переводчика, сказалъ: „*Я не люблю читать Тацита. Правда, онъ изрядной Писатель, но худой Живописецъ, и рѣдко приводитъ истинныя причины*

произшествій." Напротивъ того о Махїавелѣ отзывался, какъ о такомъ Историкѣ, которой умѣлъ открывать причины самыя тайныя и даже находить ихъ источники; Махїавелю отдавалъ преимущество передъ всѣми Историками, а Тацита обвинялъ въ пристрастїи. „*Императоры*" говорилъ онъ далѣе: „*которыхъ Тацитъ изобразилъ столь черными красками, не были въ самомъ дѣлѣ такъ злыми.*" А чтобы доказать истину своего мнѣнїя, сослался на другихъ современныхъ Авторовъ, и прибавилъ, что Августъ заслужилъ искреннюю благодарность отъ Римскаго Сената, возложивъ на себя тяжесть правленїя, и тѣмъ освободивъ народъ отъ Анархїи. — Потомъ Наполеонъ, оборотясь къ Г-ну Нежону, на котораго донесено, что его Философїя содержитъ въ себѣ ученїе о безбожїи, спросилъ съ усмѣшкою: „Какъ идутъ ваши дѣла съ Папою?" — Очень хорошо, В. В. — „Пускай же говорятъ о васъ, что хотятъ; лучше имѣть дѣло съ самимъ Папою, нежели съ другими вдаваться въ споры."

(*Изъ Газ. Варшавс. Корресп.*)

V.

Англійскій Нижній Парламентъ.

Г. Вильберфорсъ сказалъ: Я не одинъ уже разъ упоминалъ о причинахъ къ уничтоженію торга невольниками; теперь болѣе ничего не остается говорить. Пора собирать голоса.

Генералъ Гасконь, по своему обыкновенію, упорно защищалъ сей торгъ. „Если мы оставимъ его," говорилъ онъ: „то Американскіе купцы тѣмъ съ большимъ успѣхомъ будутъ продолжать его. Наши сахарныя плантаціи не могутъ обойтись безъ торга невольниками; мы ведемъ весьма убыточную войну, и имѣемъ нужду въ столь обильномъ источникѣ богатства, какова есть западная Индія. Разсужденіе о семъ предметѣ въ Англійскомъ Парламентѣ произвело мятежъ между невольниками, и Европейцы должны были терпѣть въ Ямайкѣ похожее на то, что произходило въ Сен-Доминго. Само правительство имѣло намѣреніе купить 5000 Негровъ для защищенія колоній; по чему отъ владѣльцовъ плантацій отнимать такое же право? Если уничтожить торгъ невольниками, не только доходы государственные уменьшатся, но 760,000 человѣкъ лишатся способовъ доставать себѣ пропитаніе."

Г. Карлъ Брокъ предложилъ, что „уничтоженіе торга невольниками ни къ чему не будетъ полезно, если всѣ прочія націи Европейскія не примутъ равнаго намѣренія; а этого быть не можетъ, потому что Франція понесла важные убытки отъ увольненія Негровъ. Испанія напротивъ того колонію свою Кубу привела въ цвѣтущее состояніе посредствомъ черныхъ невольниковъ.“

Г. Йонтъ утверждалъ, что „надлежало бы послушать жителей колоній, которые не одобряютъ уничтоженія торга невольниками, и на опытность которыхъ можно положиться. Извѣстно изъ записокъ о путешествіи Мунго — Парка, что невольники Африканскіе находятся въ крайне бѣдномъ положеніи, и что ихъ непремѣнно убивали бы владѣльцы, если бы не имѣли случаевъ сбывать съ рукъ за деньги.“

Генералъ Тарлетонъ равнымъ образомъ одобрялъ торгъ невольниками. „Городъ Ливерпуль,“ говорилъ онъ: „получилъ великія выгоды; за сто лѣтъ прежде, въ немъ было только 2500 жителей, сто купеческихъ судовъ и не болѣе 2000 фунтовъ стерлинговъ капиталу; теперь въ немъ считается 90 тысячь жителей,

5000 кораблей и нѣсколько десятковъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ капиталу."

Г. Фоксъ, по обыкновенію своему, не одобрялъ торга невольниками.

Г. Гуддлестонъ просилъ Парламентъ принять въ уваженіе, что вся Европа на него обращаетъ свое вниманіе. Спрашивалъ, сообразно ли съ честію и справедливостію терпѣть сей постыдной торгъ? „Но объ этомъ не разсуждаютъ," продолжалъ Г. Гуддлестонъ: „а смотрятъ только на барыши хозяевъ плантацій. Многіе говорятъ: намъ надобенъ сахаръ для чаю; какимъ же способомъ достать его безъ невольниковъ? — Какая благородная причина! Не лучше ея и всѣ доказательства въ пользу сего ненавистнаго торга. Можно ли утверждать, что гдѣ идетъ дѣло о корыстолюбіи, тамъ не надлежитъ упоминать о справедливости и человѣчествѣ? Если бы на примѣръ кто нибудь открылъ по Физикѣ, что кровь человѣческая принесетъ великую прибыль, не уже ли Нижній Парламентъ Великобриттанскій принялъ бы такое предложеніе? Спросимъ же самихъ жестокосердыхъ владѣльцовъ плантацій, не то ли самое происходитъ въ разсужденіи торга невольниками? Не гораздо ли было бы милосерднѣе за однимъ разомъ выпустить у человѣка всю кровь, нежели заставить его

медленно умирать? Видимъ сами, что ненависть Негровъ къ Европейцамъ можетъ быть очень опасною; не смотря на то, безразсудные защитники сего торга не перестаютъ умножать число невольниковъ. Намъ твердятъ о *счастливомъ* и *пріятномъ* состояніи невольниковъ въ западной Индіи! Но можно ли почитать счастливымъ человѣка, насильно увлеченнаго изъ его родины и осужденнаго на вѣчную работу? Отъ чего же ненависть жителей восточной Индіи не угрожаетъ Европейцамъ опасностію? отъ того, что они вольные люди, хотя и работаютъ на плантаціяхъ; они были бы еще полезнѣе для насъ, когда бы въ западной Индіи слишкомъ не занимались торгомъ невольниками. Говорятъ: Индусъ живетъ бѣднѣе невольника; по чему бѣднѣе? развѣ онъ не свободенъ? развѣ не живетъ въ нѣдрѣ своего семейства? не почитаетъ себя довольно богатымъ, имѣя средства удовлетворять малыя свои потребности? не презираетъ высокомѣрнаго Европейца?" — Г. Гуддлестонъ окончилъ прекрасную рѣчь свою похвалою человѣколюбивому характеру Г-на Вильберфорса.

Г. Питтъ объявилъ, что 5000 Негровъ назначаются для государственной службы, слѣдственно ихъ не должно почитать невольниками.

Приступили къ собиранію голосовъ. Биль объ уничтоженіи торга невольниками *отвергнута* большинствомъ 77 ми голосовъ противъ 70 ти.

(Изъ Нѣм. Журн.)

VI.

Извѣстія и замѣтанія.

Начало весны даетъ причину ожидать въ нынѣшнемъ году важныхъ дѣйствій военныхъ. Видимъ, съ какою неутомимостію производятся приготовленія на моряхъ и на сушѣ. Во Франціи всѣмъ находящимся въ отпускахъ Офицерамъ насланы повелѣнія, до сроковъ явиться къ полкамъ; Генералы, начальствующіе надъ береговою арміею, также должны поспѣшить къ мѣстамъ своимъ. Сіи мѣры, по всѣмъ вѣроятностямъ, клонятся къ высадкѣ на островъ Великобританіи — высадкѣ, о которой многіе конечно уже забыли. Время покажетъ, основательна ли сія догадка; по крайней мѣрѣ теперь всѣ обстоятельства оправдываютъ ее, а носящіеся слухи, кажется, не оставляютъ никакого сомнѣнія. Сказываютъ, что Маршалъ Массена будетъ начальствовать надъ войскомъ, назначаемымъ про-

тивъ Англіи; Маршалъ Ожеро нападетъ на Ирландію, а Маршалъ Мармонъ сдѣлаетъ высадку въ Шотландіи. Кромѣ сихъ приготовленій, которыя, какъ увѣряютъ, уже приведены къ концу своему, три флота Французскіе обращаютъ на себя вниманіе Политиковъ и всей Европы: Брестской, Рошфортской и Тулонской. О первомъ ничего еще достовѣрнаго не знаютъ; одни говорятъ, что флотъ сей опять вошелъ въ пристань изъ залива Камаретскаго; другіе утверждаютъ, что 17 кораблей линейныхъ отправились въ море, а 4 корабля остались для наблюденія непріятельскихъ движеній. Объ удачной экспедиціи Рошфортской эскадры уже получены извѣстія въ самомъ Лондонѣ. Французскій Контр-адмиралъ Миссіесси, начальствующій надъ эскадрою, овладѣлъ Доминикою — однимъ изъ острововъ Караибскихъ — тѣмъ болѣе важною для Французовъ, что она лежитъ между Мартиникою и Гваделюпою, и не можетъ препятствовать сообщенію между сими двумя островами. До сихъ поръ вѣрнаго ничего еще не слышно о судьбѣ острова Св. Люціи. Военныя дѣйствія Рошфортской эскадры въ Вестъ-Индіи подали случай Журналистамъ Оппозиціи укорять Правительство и Адмиралтельство дурнымъ

разпоряженіемъ; Министеріяльные листки напротивъ того въ оправданіе свое говорятъ, что направленіе эскадры въ Вестъ-Индію *гораздо выгоднѣе для Англіи, нежели когда бы она поплыла въ Остъ-Индію.* — О Тулонскомъ флотѣ, которой также давно уже вышелъ въ море, скоро услышимъ важныя новости, а особливо если событіе оправдаетъ разнесшійся слухъ, будто часть сего флота поплыла въ Вестъ-Индію. Въ Англіи весьма заботятся объ участи Ямайки и другихъ острововъ Американскихъ.

Взглянемъ теперь на движенія Британцевъ. Въ Гравезандѣ, Портсмутѣ и Дюнахъ сажаютъ войска на корабли для отправленія въ разныя страны свѣта. Тайная экспедиція, съ неусыпною дѣятельностію съ нѣкотораго времени снаряжаемая, поручена начальству Генерала Сира Грейга, и состоитъ изъ многихъ полковъ высаднаго войска. Другая экспедиція, которой назначено дѣйствовать на Средиземномъ морѣ, получила повелѣніе изготовиться къ немедленному отплытію. Адмиралъ Гарднеръ, взявъ съ собою свѣжее войско, отправился къ окрестностямъ Бреста. Адмиралъ Кохранъ съ шестью линейными кораблями погнался за Рошфортскою эска-

дрою. Сверхъ того въ Лондонѣ начинаютъ говорить о завоеваніи Мексики. Если прибавимъ еще къ тому безпрестанныя движенія въ Испанскихъ гаваняхъ, то безъ всякаго сомнѣнія должно заключить, что въ нынѣшнемъ году будутъ удивляться избытку въ военныхъ подвигахъ, равно какъ въ прошломъ удивлялись странному бездѣйствію воюющихъ націй.

Г. Бонапарте и его супруга отправились въ Миланъ для совершенія въ другой разъ коронованія. Папа посѣщалъ Наполеона передъ отъѣздомъ, и простился съ нимъ; ибо извѣстно, что Кардиналъ, Архіепископъ Миланскій совершитъ церемонію, а Святый Отецъ предприметъ путешествіе прямо въ Римъ, куда онъ уже и поѣхалъ, спустя день по отбытіи Г-на Бонапарте. Архиканцлеру Камбасересу поручено управлять дѣлами и предсѣдательствовать въ Государственномъ Совѣтѣ до возвращенія Наполеона. Между тѣмъ, Совѣтъ имѣетъ повелѣніе еженедѣльно посылать въ Миланъ съ нарочнымъ Аудиторомъ донесенія о дѣлахъ текущихъ.

Коронованіе Г-на Бонапарте, слѣдствіе повсемѣстныхъ военныхъ приготовленій, извѣстія Остъ-Индскія — о которыхъ,

по причинѣ разногласія газетъ и журналовъ, теперь не можемъ сообщить ничего достовѣрнаго — наконецъ движенія въ Европейской Турціи, суть предметы, которыми въ слѣдующихъ нумерахъ Вѣстника Европы надѣемся занять вниманіе нашихъ Читателей.

ОШИБКИ.

Напечатано.			Читай.
Стра.	строк.		
3	9	*Евгенію, Архіепископу Булгарскому*	*Архіепископу Евгенію Булгару*
7	24	*Ἀμαθίαν κρύπτεσθαι.*	*Ἀμαθίην κρύπτων ἄμεινον.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ 1805.

№ 10.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Гдѣ Счастье (*)?

Въ то самое время, когда боги, по обыкновенію смертныхъ, вели длинной разговоръ и толковали о дневныхъ новостяхъ, Громовержцу пришло на мысль, что Богиня счастія, давно уже посланная имъ на землю для устроенія блаженства людей, не возвратилась на небо. Юпитеръ, опасаясь, не сбилась ли она съ дороги, рѣшился отрядить Гермеса въ страны подлунныя, приказавъ ему развѣдать о мѣстѣ пребыванія Богини, и объ успѣхѣ препорученія сдѣлать обстоятельное донесеніе. Посланникъ боговъ поспѣшно нахлобучилъ крылатую шапку свою, схватилъ кадуцей и съ быстротою молніи спустился на островъ Великобриттаніи.

(*) Изъ Модн. Журн.

Будучи твердо увѣренъ, что Богиня поселилась въ чертогахъ, Гермесъ отправился въ Королевской дворецъ; но увидѣвъ толпу заботъ, окружающихъ престолъ, заключилъ, что тамъ совсѣмъ не было ее. Онъ полетѣлъ къ Министрамъ, и нашелъ, что вельможа, управляющій кормиломъ Государства, охрипъ отъ частыхъ споровъ; сей вельможа признался Посланнику боговъ, что хотя уста его безпрестанно улыбаются, хотя на его лицѣ господствуетъ спокойствіе, онъ не видалъ Богини съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ возложилъ на себя бремя управленія Государствомъ.

Гермесъ отправился къ питомцамъ крамолы, которые кричатъ безпрестанно и спорятъ для увеличенія партіи Оппозиціи; знаки огорченія напечатлѣны были на ихъ лицахъ. Гермесъ увидѣлъ, что Удовольствіе и Духъ вражды не могутъ жить вмѣстѣ.

На другой день онъ посѣтилъ домъ Епископа, которому пожалована была митра изъ уваженія къ его заслугамъ и достоинству. Гермесъ цѣлой мѣсяцъ примѣчалъ состояніе Прелата, былъ крайне доволенъ успѣхомъ своего посольства и уже хотѣлъ объявить, что здѣсь живетъ Богиня счастія; но услышавъ, что Епи-

скопъ въ молитвахъ своихъ проситъ у Бога Архїепископскаго сана, разсердился и оставилъ его чернпоги.

Гермесъ, будучи въ крайней досадѣ, входитъ въ трактиръ, въ которомъ праздновали веселую пирушку; Шампанское вино кипѣло въ бокалахъ; радость сверкала на лицахъ пирующихъ. Но онъ скоро примѣтилъ, что радость сїя раждалась отъ хмѣля и съ нимъ вмѣстѣ изчезала; оставалось заключить, что Богиня счастїя не живетъ ни съ Вакхомъ, ни съ Комусомъ.

Оттуда онъ завернулъ въ бесѣду троихъ кумушекъ, которыя на досугѣ сплетали клеветы на людей и очерняли ихъ доброе имя. Гермесъ не замедлилъ удалиться отъ несносныхъ пустомель, сказавъ самъ себѣ: гдѣ живетъ Зависть, тамъ затворенъ входъ для Счастїя.

По случаю, онъ встрѣтился съ охотниками, которыхъ было единственное занятїе перепрыгивать черезъ рвы и плетни, и наполнять лѣса звукомъ роговъ. Охотники признались искренне, что гоняются за Удовольствїемъ и никакъ не могутъ настичь его. Люди сїи — подумалъ Гермесъ — не бѣгали бы по полямъ, если бы увѣрены были, что Счастье живетъ у нихъ дома.

Посланникъ боговъ, посѣтивъ Оксфордскій и Камбриджскій Университеты, нашелъ винные погреба въ совершенномъ порядкѣ, и сверхъ того полный магазинъ Академическихъ знаній. Одинъ изъ Профессоровъ, держа въ рукѣ квадрантъ, съ учениками своими снималъ высоту колокольни; другіе измѣряли скочокъ блохи, и вычисляли, сколько надобно сдѣлать такихъ скочковъ до Луны; но при всѣхъ сихъ важныхъ занятіяхъ не льзя было не замѣтить досады и неудовольствія. Гермесу было тамъ сказано, что никто не знаетъ Богини счастія, и что она также, какъ и Истина, безъ сомнѣнія спряталась во глубинѣ какого-нибудь колодезя.

Гермесъ осмотрѣлъ всѣ войска, морскія и сухопутныя, всѣ судилища — нѣтъ Счастія! спрашивалъ у людей всякаго возраста, пола и званія — напрасно! нѣтъ Счастія!

Наконецъ, онъ пришелъ въ Друриланской Театръ, уповая, что люди, представляющіе комедіи, осыпаемые похвалами и рукоплесканіями, должны быть довольны своимъ жребіемъ; но не успѣлъ появиться за кулисами, какъ вдругъ увидѣлъ страшной безпорядокъ, услышалъ ропотъ и брань; дѣло дошло бы до вопля, еслибъ не боялись остановить представленія.

Актеры спорили за роли; одинъ бранилъ Журналиста, другой Автора; тотъ хотѣлъ получить часть сбора за представленіе, иной требовалъ бенефиса; пожилыя актрисы были въ отчаяніи отъ того, что ихъ заставляютъ играть старухъ; другія разрывались отъ досады, слушая рукоплесканіе зрителей въ похвалу новой актрисѣ, въ первой разъ вышедшей на сцену. Одна изъ нихъ таяла отъ удовольствія, выказывая свои алмазы, не смотря на то, что любовникъ ея, отчаянно преданный игрѣ карточной, лишилъ ее прекраснаго солитера и готовился все остальное прибрать въ свои руки. Гермесъ заключилъ, что жилище Ѳесписа не есть жилище Счастія.

Крайне досадуя на неудачу въ своихъ поискахъ, ослабѣвъ отъ утомленія, и не зная, отъ кого бы увѣдомиться о мѣстѣ пребыванія Богини, онъ былъ въ совершенной нерѣшимости за что приняться, какъ вдругъ увидѣлъ на краю одного лѣса уединенную хижину, обмазанную иломъ и покрытую тростникомъ. Передъ нею на лугу паслось стадо овецъ; далѣе, козы взбирались на вершину отлогаго пригорка, покрытаго виноградникомъ. Гермесъ нѣсколько времени любовался пріятнымъ положеніемъ сего мѣста и рѣшился идти въ хижину.

Пастухъ сидѣлъ передъ пылающими угольями; на лицѣ его изображалось душевное спокойствіе, а опрятность одежды показывала довольство. Его подруга, которой кроткіе взоры и молчаніе ручались за нѣжную любовь, за почтительную покорность, работала на самопрялкѣ. Крылатый богъ, окинувши взоромъ все его окружавшее, съ крайнимъ удовольствіемъ увидѣлъ, что поиски его увѣнчаны желаемымъ успѣхомъ: въ самомъ дѣлѣ Богиня счастія находилась въ хижинѣ молодыхъ супруговъ, которые непритворною веселостію облегчали труды и заботы житейскія. По окончаніи съ обѣихъ сторонъ учтивыхъ привѣтствій, Гермесъ спросилъ Богиню, давно ли она поселилась у Дарбія и Анны? „Три недѣли" съ кротостію отвѣчала Богиня: „то есть съ того времени, какъ они сочетались; но, послѣ всего, мною видѣннаго, заключаю, что они долго не уживутся между собою; въ минувшую ночь хозяйка весьма неучтиво дала мнѣ знать, чтобы я искала себѣ другаго жилища; думаю, что на этой же недѣлѣ выду отсюда."

Симъ разговоръ кончился. Гермесъ привязалъ къ ногамъ крылья свои, приготовилъ кадуцей, простился съ Богинею и съ новобрачными, поднялся на воздухъ,

долетѣлъ до Олимпа и донесъ Юпитеру объ успѣхѣ своего посольства. Громовержецъ, негодуя на Богиню за неисполненіе воли своей, повелѣлъ Гермесу снова летѣть въ страны подлунныя, сыскать Богиню и привести ее въ обиталища небесныя. „Возьми съ собою *Терпѣніе*," говорилъ онъ далѣе Посланнику: „и оставь его на землѣ вмѣсто Богини счастія. Одно Терпѣніе можетъ быть удѣломъ смертныхъ, которыхъ вся жизнь есть смѣсь золъ съ несчастіемъ — смѣсь, произходящая отъ нихъ страстей, прихотей и своенравія. Если они не хотятъ принять къ себѣ Богиню счастія, то по крайней мѣрѣ пускай примутъ Терпѣніе и перестанутъ жаловаться." — Гермесъ проводилъ Счастіе обратно на небо, оставивъ на землѣ Терпѣніе, и поручивъ ему утѣшать родъ человѣческій; онъ сказалъ припомъ, что „если люди захотятъ Счастія, они получатъ его, но въ то время, когда Терпѣніе сдѣлаетъ ихъ достойными жить на небѣ."

Вильсонъ.

II.

Жизнь Локка.

Философъ тогда бываетъ достоинъ славы своей, когда его ученіе основано на правилахъ здраваго разсудка, а поведеніе сообразно съ ученіемъ. Локкъ заслужилъ свою славу. Сей глубокій Метафизикъ, вразумительно и ясно изтолковавшій дѣйствія ума человѣческаго, назначившій для народовъ предѣлы свободы благоразумной, сочиненіями своими и разговорами заставившій любить Религію, вѣчно будетъ жить въ памяти людей, которыхъ онъ просвѣтилъ, сдѣлалъ лучшими.

Локкъ произошелъ на свѣтъ отъ благородной фамиліи, жившей въ Графствѣ Сомерсетскомъ. Отецъ его сперва избралъ для себя службу гражданскую; потомъ, взявъ участіе въ войнѣ междоусобной, былъ Капитаномъ въ войскѣ Парламентскомъ. Локкъ родился въ Рингтонѣ не далеко отъ Бристоля и получилъ весьма хорошее воспитаніе. Онъ былъ посланъ въ Вестминстерское училище, потомъ въ Оксфордскую Христову Коллегію, гдѣ отличился быстрыми успѣхами и дарованіями. Посвятивъ себя Медицинѣ и получивъ Докторское достоинство, онъ отправлялъ практику въ Оксфордѣ.

Чувствуя слабость здоровья и не надѣясь получить большія выгоды отъ своей науки, Локкъ согласился принять на себя званіе Секретаря при Кавалерѣ Сванѣ, которой въ 1664мъ году отправлялся ко Двору Бранденбургскому въ качествѣ Посланника.

Не долго онъ находился при новой своей должности; по крайней мѣрѣ, сіе путешествіе доставило ему способы узнать людей и привыкнуть къ дѣламъ. Локкъ возвратился въ Оксфордъ и снова принялся за науки. Тамъ немедленно отличился онъ презрѣніемъ своимъ къ невразумительному схоластическому языку тогдашняго времени и удивительными успѣхами въ здравой Философіи; снискалъ себѣ покровительство Лорда Аслея, который сдѣлался потомъ извѣстнымъ подъ именемъ Графа Шафтесбури, и которому Медики совѣтовали пользоваться цѣлительными водами Астропскими, по причинѣ сдѣлавшагося у него въ груди нарыва. По приглашенію Графа, Локкъ сотовариществовалъ ему въ семъ путешествіи и много споспѣшествовалъ къ его излѣченію. Признательный вельможа обогатилъ молодаго Философа, который много лѣтъ сряду жилъ въ его домѣ и имѣлъ случай познакомить-

ся съ знаменитѣйшими мужами своего времени.

Тамъ онъ началъ трудиться надъ важнымъ сочиненіемъ своимъ *о разумѣ человѣческомъ*; скоро помѣшали ему продолжать работу, назначивъ его Секретаремъ къ Графу Шафтесбури, которой пожалованъ былъ Государственнымъ Канцлеромъ. Когда сей вельможа принужденъ былъ сложить съ себя санъ свой, Локкъ лишился мѣста; но Графъ Шафтесбури, удержавъ при себѣ званіе Предсѣдателя Коммерцъ-Коллегіи, опять опредѣлилъ его Секретаремъ; Локкъ оставался при новой должности до уничтоженія сего департамента, которое послѣдовало въ 1675мъ году.

Будучи увѣренъ въ непостоянствѣ міра и людей, Локкъ заблаговременно старался удалить препятствія возвратиться въ Университетъ, чтобы снова посвятить себя Философіи, въ такомъ случаѣ, когда встрѣтятся неудачи въ службѣ. Онъ въ самомъ дѣлѣ возвратился въ Оксфордъ, возобновилъ свои упражненія и занимался Медицинскою практикою. Опасеніе слѣдствій грудной болѣзни заставило его предпринять путешествіе въ Монтпелье, гдѣ, находясь нѣсколько времени, онъ имѣлъ удобной случай познакомиться съ знаменитѣйшими особами.

Въ 1779мъ году Графъ Шафтесбури, снова бывъ пожалованъ Канцлеромъ, пригласилъ Локка возвратиться въ Англію: но Локкъ не успѣлъ еще пріѣхать, какъ Фортуна отворотилась отъ Графа и заставила его удалиться въ Голландію, чтобы спастись отъ гоненія, которое равно и для нашего Философа имѣло вредныя слѣдствія: его лишили мѣста при Оксфордскомъ Университетѣ. Локкъ оставался въ Голландіи до возшествія Іакова II на престолъ Великобританскій; тогда другъ его Вильгельмъ Пеннъ изпросилъ для него прощеніе и позволеніе возвратиться въ Англію. Философъ не хотѣлъ слышать ни о какомъ прощеніи, чувствуя себя правымъ. Дворъ требовалъ черезъ Посла своего отъ Голландскаго Правительства, чтобы Локкъ былъ выданъ. Но Философъ, узнавъ о томъ заблаговременно, имѣлъ время скрыться, и въ тихомъ уединеніи занялся продолженіемъ безсмертнаго своего сочиненія.

Въ 1687мъ году Ученое Общество Амстердамское, которое еженедѣльно имѣло свои засѣданія для разсужденій о предметахъ философическихъ, приняло его въ число своихъ Членовъ. Локкъ, окончивъ сочиненіе, надъ которымъ трудился много лѣтъ, издалъ въ свѣтъ сокращеніе

онаго на Французскомъ языкѣ; желая узнать мнѣніе Публики, былъ весьма доволенъ имъ и рѣшился, по возвращеніи своемъ въ Англію съ Принцессою Оранжскою, въ 1689мъ году напечатать полное сочиненіе.

Всѣ почитали Локка невинною жертвою политическихъ раздоровъ и уважали его, какъ человѣка, одареннаго великими талантами; слѣдственно ему было бы не трудно изходатайствовать для себя важное мѣсто при Дворѣ; но его честолюбіе слишкомъ было ограничено. Вмѣсто блестящихъ титлъ и должностей, онъ избралъ себѣ званіе Коммиссара аппелляцій, приносившее не болѣе 200 фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода.

Локкъ никогда не наслаждался цвѣтущимъ здоровьемъ; страдая отъ частыхъ припадковъ, онъ принужденъ былъ удалиться въ Эссексъ въ помѣстье Кавалера Мачема, предложившаго ему убѣжище. Тамъ Локкъ мирно скончалъ дни свои въ обществѣ друзей, которые почитали его необходимо нужнымъ для своего удовольствія и счастія; тамъ жилъ онъ въ блаженномъ спокойствіи, которое весьма рѣдко достается въ удѣлъ Философамъ славнымъ; тамъ въ тихомъ уединеніи ничто не мѣшало ему упражняться въ

любезныхъ наукахъ. Локкъ издалъ свои творенія одно за другимъ: Трактатъ о правленіи, Письма о терпимости и другія мѣлкія сочиненія, касающіяся до споровъ и политики. Сіи драгоцѣнныя произведенія ума Локкова пріобрѣли ему великую славу, которая возрастала болѣе и болѣе, по мѣрѣ усилій его непріятелей, старавшихся затмить ее.

Въ 1695мъ году Король Вильгельмъ, во уваженіе дарованій Локка, пожаловалъ его Коммиссаромъ коммерціи и Американскихъ плантацій. Пять лѣтъ онъ исправлялъ сію должность; наконецъ принужденъ былъ оставить ее, по причинѣ жестокой одышки, и навсегда удалиться въ помѣстье Кавалера Мачема. Онъ провелъ остатокъ жизни своей въ изученіи Священнаго Писанія, которое всегда было правиломъ его поведенія, а въ послѣдніе дни — сладостнымъ утѣшеніемъ.

Локкъ встрѣтилъ смерть съ твердостію Христіянина — Философа. За день передъ кончиною, онъ совѣтовалъ Госпожѣ Мачемъ, сидѣвшей у его постели, считать здѣшнюю жизнь приготовленіемъ къ другой жизни лучшей, истинно блаженной. Локкъ, поблагодаривъ Бога за удѣлъ счастія, которымъ дано ему насладиться на сей юдоли плача, умеръ 28го Октября

1704го года, не показавъ ни малаго знака сожалѣнія. Всѣ знавшіе Локка почтили прахъ его слезами искренними. Его погребли въ Оатской церквѣ, и поставили надъ могилою простой памятникъ съ надписью, сочиненною самимъ Локкомъ.

Онъ весьма хорошо зналъ людей и дѣла; честностію своею заставлялъ всѣхъ почитать себя. Его благоразуміе, опытность, кроткое обхожденіе, снискали ему почтеніе отъ низшихъ, уваженіе отъ равныхъ, дружбу и довѣренность отъ особъ знаменитыхъ.

Локкъ имѣлъ врожденное побужденіе давать совѣты, и сдѣлался скупымъ на нихъ тогда уже, когда много разъ испыталъ, что всѣ совѣты вообще худо принимаются и очень рѣдко производятся въ дѣйство.

Разговоръ его обыкновенно былъ уменъ и важенъ; однакожъ при случаѣ Локкъ умѣлъ веселиться и забавлять очень пріятно; любилъ шутить и плѣнялъ даромъ своимъ разсказывать.

Онъ находилъ удовольствіе разговаривать съ Художниками и ремесленниками, утверждая, что въ знаніи Художествъ и рукодѣлій заключается болѣе Философіи, нежели во всѣхъ ученыхъ предположеніяхъ. Часто удавалось ему, говоря съ ремеслен-

никами, возбуждать въ нихъ новыя, полезныя понятія, относящіяся до ихъ искуства.

Локкъ иногда шутилъ надъ излишнею важностію нѣкоторыхъ Ученыхъ; онъ думалъ вмѣстѣ съ Ларошфуко, что важность часто служитъ личиною для людей посредственныхъ.

Онъ любилъ во всякомъ случаѣ употреблять въ дѣло свои дарованія и умствовать. Всякая полезная вещь обращала на себя Локково вниманіе. Онъ былъ равно способенъ къ дѣламъ великимъ и къ малымъ; говорилъ, что въ вещахъ самыхъ маловажныхъ требуется искуство и умѣнье, и всѣ силы ума своего устремлялъ на предметъ, о которомъ хотѣлъ имѣть понятіе.

(*Изъ Брит. Библ.*)

III.

Мысли и замѣчанія (*).

Монтань говорилъ: *что я знаю?* Это не такъ скромно сказано, какъ вообще думаютъ, и значитъ: *какая мнѣ нужда знать?* Истину сего доказываетъ его холодное равнодушіе вразсужденіи предметовъ весьма важныхъ.

(*) Изъ Франц. Мерк.

Платонъ и его ученики изъясняли систему міра *духовно*. Другіе изъясняли ее *вещественно* — но никого изъ сихъ послѣднихъ не названо *божественнымъ*.

Есть много людей, которые, не имѣя ни вѣры (foi), ни чести, ни любви къ ближнему, ни Религіи, совсѣмъ о томъ не заботятся; тѣ же самые люди за великой грѣхъ почитаютъ ошибку противъ обычаевъ свѣта. Они походятъ въ этомъ на Верреса, которой не уважалъ законовъ Римскихъ, но свято наблюдалъ *законы пиршества*.

Человѣка несчастнаго обыкновенно почитаютъ виноватымъ; не многіе жалѣютъ о немъ. Кажется, что люди не охотно изъявляютъ состраданіе. Если кто-нибудь начинаетъ говорить о несчастномъ, невинно терпящемъ бѣдствіе — всякой произноситъ сквозь зубы односложное *жаль*. Пускай же скажутъ, что этотъ человѣкъ заслуживаетъ свой жребій; примѣтьте, какъ слушатели обрадуются тому, что избавлены отъ несносной обязанности соболѣзновать.

Многіе принимаютъ *гигантское* за *великое*. Умы мѣлкіе хотятъ быть великими, и кажутся великими — чудовищами. Ваятель, хотѣвшій сдѣлать статую Александра изъ горы Аѳонской, такимъ обра-

зомъ, чтобы на каждой рукѣ можно было выстроить по одному городу, и между ногами пропустить море, имѣлъ самое гигантское намѣреніе. Но Александръ презрѣлъ Ваятеля; онъ любилъ только *великое*.

Зарядивъ ружье пулею, вы мѣтите нѣсколько выше цѣли, чтобы попасть въ желаемое мѣсто: пуля описываетъ кривую линію. Въ свѣтской жизни поступайте совсѣмъ напротивъ; чтобы попасть въ цѣль, надобно мѣтить ниже.

Во Франціи *смѣшное* несчастіе не почитается несчастіемъ; надъ нимъ шутятъ и смѣются.

Не говори глупцу ничего худаго о самомъ себѣ; онъ повѣритъ твоему слову и въ нужномъ случаѣ возпользуется имъ, чтобъ изобличить тебя.

Не старайтесь въ обществѣ казаться несчастнымъ; лучше принимайте на себя видъ печальнаго: въ свѣтѣ скорѣе согласятся *забавлять* васъ, нежели утѣшать.

Многихъ людей несправедливо почитаютъ высокомѣрными и всѣхъ презирающими: всмотритесь въ нихъ пристальнѣе, и вмѣсто гордости откроете застѣнчивость Умѣйте искусно обойтись съ ними, заставьте ихъ полюбить васъ, и уви-

дите въ нихъ людей самихъ кроткихъ и обходительныхъ.

Унижать того, кто унижаетъ другихъ, я почитаю дѣломъ человѣколюбія. Какъ вы думаете объ этомъ?

Сравненіемъ ничего не льзя доказывать, говоритъ простая пословица. Но наши остроумцы не знаютъ ее; они сравниваютъ, сравниваютъ, будутъ сравнивать даже до Страшнаго Суда, и ничего тѣмъ не докажутъ.

Не почитайте счастливымъ того, кто вамъ по наружности кажется счастливымъ. Можетъ быть, смотря на пурпуровую мантію, не видите струпьевъ, которые она покрываетъ.

Тотъ вообще нравится всѣмъ, кто скрываетъ умъ свой и не мѣшаетъ другимъ отличаться. Мы не любимъ того, кто унижаетъ насъ. Но нѣтъ правила безъ изключенія. Есть люди, которыхъ непремѣнно надобно увѣдомить, что они глупцы; тогда они признаются, что вы имѣете умъ и свѣдѣнія.

У сердца есть своя Математика, которая столько же вѣрна, какъ и всякая другая.

Покойной Лагарпъ часто повторялъ мнѣ слѣдующее: „Другъ мой! мнѣ стоило великихъ усилій заставить себя не вѣ-

рить; напротивъ того вѣра непримѣтнымъ образомъ взяла верьхъ надо мною."

Коріолисъ.

IV.

Вернетъ.

Изъ всѣхъ людей, прославившихся Живописью, никого Природа лучше не образовала для Живописи, какъ Вернета: едва вышедъ изъ дѣтства, онъ умѣлъ уже подражать Природѣ, какъ подражаютъ ей великіе Художники. На дорогѣ въ Италію, куда Вернетъ отправлялся учиться, тишина и противные вѣтры останавливали плаваніе; въ сіе время онъ срисовывалъ то, что на глаза ему попадалось: корабли, море, берегъ. По прибытіи въ Римъ, написалъ картину, представляющую видъ моря, и продалъ ее несравненно дороже, нежели могъ надѣяться. Такое начало ободрило Вернета и поселило въ немъ склонность къ сему роду Живописи. Можетъ быть, онъ не сдѣлался бы Живописцемъ морскихъ видовъ, если бы предпринялъ сухопутное путешествіе. Оригинальность, величіе, Поэзія — суть отличительныя черты Вернетовыхъ плановъ.

Вольтеръ сказалъ, что „Гомеръ былъ великій Живописецъ, а Вернетъ есть великій Поэтъ — вотъ въ чемъ состоятъ главныя достоинства того и другаго!“ Въ его картинахъ видно особенное искуство накладывать краски, искуство, ему одному свойственное; видна особенная живость штриха (touche). Люди, не имѣющіе большихъ познаній въ Живописи, тотчасъ узнаютъ оригинальность кисти Вернетовой — такъ она разительна!

Чтобы показать, до какой степени простиралась въ Вернетѣ пламенная страсть къ великимъ красотамъ Природы, довольно упомянуть, что во время одного путешествія, когда море кипѣло отъ бури, онъ, не думая объ опасности и желая только наслаждаться великолѣпнымъ зрѣлищемъ, велѣлъ привязать себя къ мачтѣ для большей удобности смотрѣть и замѣчать ужасный раздоръ между стихіями. Вообще принято почитать Вернета Живописцемъ морскихъ видовъ, совершеннѣйшимъ всѣхъ его собратій. Другіе умѣли съ большею точностію опредѣлить *тонъ краски*, умѣли лучше изобразить нѣкоторыя подробности; Клавдій Лорень лучше писалъ воздухъ и свѣтъ, небу и морю давалъ *тонъ краски* самой точной, самой истинной; Баккузенъ и другіе Голландцы

съ большею исправностїю рисовали корабли и имѣли лучшее познанїе о разныхъ оборотахъ. Но Вернетъ соединялъ вмѣстѣ *болѣе* важныхъ частей своего искуства, нежели кто либо изъ Живописцевъ; въ немъ *болѣе* жара, *болѣе* восторга и возвышенности; въ порядкѣ картинъ его господствуетъ единство совершенное, такъ что не льзя отнять малѣйшей части, не повредивъ цѣлаго. Въ его фигурахъ и изобрѣтенїе и начертанїе равно превосходны, и составляютъ вообще то, чему удивляются въ Вернетовыхъ картинахъ.

Вернетъ совершенно обнялъ умомъ единство, представляемое Природою въ разные часы дня. Отдѣлка многихъ подробностей также заслуживаетъ великое удивленїе. Кто умѣлъ изображать утесы истиннѣе, прекраснѣе, остроумнѣе, значительнѣе? какой Живописецъ могъ изобразить на картинѣ сцены столь живыя, столь трогательныя? Съ какою точностїю, съ какою выразительностїю Вернетъ представляетъ несчастныхъ жертвъ разъяреннаго моря! Иногда свѣтило дневное, скрываясь за облаками, слабыми лучами не охотно освѣщаетъ сїи плачевныя сцены; иногда оно во всемъ великолѣпїи своемъ сыплетъ яркїе огни на Океанъ безпредѣльный;

иногда картина освѣщена блѣдными лучами Мѣсяца, или вїющеюся молнїею.

Картины, бурю представляющїя, суть произведенїя ума великаго; равнаго удивленїя достойны изображенїя тишины въ разныя времена дня. Тамъ видите морской заливъ, котораго лазуревыя воды струятся и сверкаютъ среди прелестныхъ сельскихъ видовъ; или — спокойное море, по которому плывутъ корабли, движимые легкимъ вѣтромъ; или — мирные берега, на которыхъ счастливые рыболовы, занимаясь работою, поютъ любовь и свободу.

Одно прекрасное собранїе Французскихъ пристаней прославило бы всякаго другаго Живописца. Хотя Вернетово пламенное воображенїе лучше любило заниматься подводными гранитами и разъяренными волнами, нежели верфью, арсеналомъ и рядомъ обывательскихъ домовъ; однакожъ онъ изобразилъ пристани съ такою точностїю, что жители узнаютъ на картинахъ свои домы. Но большїя картины его имѣютъ всю привлекательность, какую только Генїй удобенъ вложить въ свое произведенїе, не только творческое, но и подражательное. Переднїя части ихъ обыкновенно украшены какими нибудь групами; вездѣ виденъ умъ и въ вымыслѣ и въ отдѣлкѣ.

Вернетъ былъ любимъ знаменитѣйшими людьми своего времени и уважаемъ всею Европою; въ продолженіе жизни своей онъ наслаждался славою, достойно заслуженною; славою, которая и теперь вѣщаетъ вселенной о великомъ Живописцѣ. Имя Вернетово всегда будетъ служить украшеніемъ Искуствъ и мѣста его рожденія.

(Изъ Франц. Журн.)

V.

О пиршествѣ у Г-жи Дессалинъ на островѣ Сен-Доминго (*).

Чтобы показать, какъ пышно живутъ Дворяне на островѣ Гайти, опишу вамъ данной Г-жею Дессалинъ, въ Воскресенье 12 го числа Февраля мѣсяца, праздникъ, котораго я самъ былъ свидѣтелемъ. Наканунѣ розданы билеты, печатанные на прекрасной бумагѣ съ золотыми краями. Вотъ ихъ содержаніе:

Калъ. 11 го Февраля 1804 го.

„Госпожа *Дессалинъ* проситъ Господина N. N. пожаловать къ ней въ 7

(*) Статья изъ Американскаго листка *Daily Adverdiser*, помѣщенная въ Польской Газетѣ Корресп. Варш.

часовъ въ вечеру на обѣдъ и на балъ, надѣясь, что посѣтитель не останется безъ удовольствія."

При томъ объявлено было, что спектакль начнется ранѣе обыкновеннаго, чтобы не потерять времени для бала, и что гости могутъ пріѣхать прямо въ Театръ, а оттуда уже всѣ вмѣстѣ отправиться въ домъ хозяйки. Спектакль въ самомъ дѣлѣ начался въ 5 мъ часу; Театръ былъ наполненъ *знатнѣйшими* Особами. По окончаніи спектакля, около осьмаго часа, толпа гостей прибыла къ воротамъ дома Гаитскаго Генерала — обширнаго зданія, стоящаго близь улицы, передъ которымъ находится прекрасная аллея, усыпанная пескомъ и по сторонамъ выложенная дерномъ. Дорогу отъ воротъ до дверей дома освѣщали около тысячи лампадъ. Наконецъ мы вошли въ большую залу, нарочно для сего праздника построенную, которой ширина въ 30, а длина въ 500 футовъ. Ея украшеніе составляли обои, цвѣты и вѣтви; 500 разноцвѣтныхъ лампадъ висѣли вокругъ залы; 5 большихъ подсвѣчниковъ стояли на столѣ; 12 большихъ зеркалъ закрывали стѣны; въ аркахъ и по угламъ залы стояли

мраморныя статуи. Столъ весь былъ уставленъ блюдами съ мясомъ, овощами, зеленью, птицами, пирожными, конфектами, винами *Шамланскимъ* и *Мадерскимъ*. За столомъ сидѣло 260 человѣкъ, а стояло и того болѣе. Генералъ Христофъ занималъ средину; на правой сторонѣ подлѣ него сидѣла Г-жа Дессалинъ, на лѣвой-супруга Христофова; потомъ — восемь черныхъ Генераловъ и столькожъ Полковниковъ; далѣе разныя знаменитѣйшія особы, какъ то гражданскіе чиновники и военные Офицеры, бывшіе на ту пору въ Капѣ. Сверхъ того присутствовалъ тамъ Капитанъ Англійскаго корабля съ своими Офицерами, около 30 ти Американцевъ, множество Французовъ, Мулатовъ и Мулатокъ. Стоявшіе около стола солдаты отпалкивали тѣснящихся простолюдимовъ, которые съ любопытствомъ смотрѣли на пирующихъ. Признаюсь вамъ искренне, что сей праздникъ походилъ болѣе на пиршество боговъ баснословныхъ, нежели на увеселенія человѣческія; я въ жизнь мою не видалъ ничего ему подобнаго. Генералъ Христофъ одѣтъ былъ въ алой, яркаго цвѣта, кафтанъ, вышитой золотомъ и выложенной позументомъ; на головѣ имѣлъ большую шляпу съ широкимъ позументомъ же; на ногахъ — сапоги,

вышитые золотомъ и съ кистями. Другіе Офицеры, сидѣвшіе за столомъ, равнымъ образомъ были великолѣпно одѣты, каждой по своему чину, а нѣкоторые изъ нихъ въ пышности наряда не уступали самому Генералу. На Г-жѣ Дессалинъ было щегольское платье. Волосы, или лучше, шерсть на головѣ ея украшена была искуственными цвѣтами, жемчугомъ и гребенками; на рукахъ она имѣла золотыя браслеты, а въ ушахъ драгоцѣнныя серьги. На пальцѣ у руки блисталъ перстень съ маленькими золотыми, осыпанными бриллїантами, часами, которые оцѣнены въ нѣсколько десятковъ тысячь долларовъ. Прочїя знатнѣйшїя дамы отличались жемчугомъ и блестящими бездѣлками; но страннѣе всѣхъ была одѣта супруга Генерала Христофа. Передъ окончанїемъ обѣда, Христофъ прокричалъ нѣсколько *Виватовъ*, на которые отвѣтствовано пронзительными визгами и громкими рукоплесканїями. Пили за здоровье Гаитскаго Генерала (Дессалина, которой не присутствовалъ на праздникѣ), за Короля Англїйскаго и за Президента Соединенныхъ Областей Американскихъ; при первомъ питїи кричали Негры, при второмъ — Англичане, при третьемъ — Американцы. Вставши, гости разошлись въ разныя сто-

роны дома и сада, чтобы дать время собрать со стола и приготовить нужное для бала. Лишь только загремѣла музыка, всѣ принялись за танцы. Я ходилъ по залѣ и смотрѣлъ на шумныя движенія. Болѣе всего танцовали контрдансы. Въ одномъ углу пригожій Французъ вертѣлся съ отвратительною Негритянкою; въ другомъ — Негръ, страшнѣе самаго чорта, леталъ въ *англезѣ* съ бѣлою, прелестною красавицею. Признаюсь, я внутренно жалѣлъ о бѣдныхъ дѣвушкахъ, принужденныхъ терпѣть такое униженіе; кровь кипѣла во мнѣ отъ злости, когда на мысль приходило мнѣ, что любезныя танцовщицы могутъ погибнуть отъ рукъ варваровъ, съ которыми танцовали. Не мудрено, если среди столь многолюднаго и столь опрятнаго общества носъ мой долженъ былъ страдать отъ несноснаго запаху, не смотря на безпрестанное куреніе, которымъ старались наполнять залу. Въ часъ послѣ полуночи мнѣ захотѣлось идти домой; но ворота были заперты, и караульные солдаты сказали мнѣ, что имъ приказано никого не выпускать на улицу. Я принужденъ былъ возвратиться въ залу, гдѣ разположился на креслахъ, заснулъ по-богатырски и пробудился уже передъ разсвѣтомъ; нѣкоторые около меня еще танцовали, другіе

хранѣли, лежа на полу, или растянувшись въ креслахъ. По возхожденіи солнца мы принялись доѣдать остатки отъ вчерашняго обѣда, потомъ простились съ хозяйкою и разошлись по домамъ.

VI.

Смѣлая догадка.

Многіе изъ Читателей конечно еще помнятъ анекдотъ о монахѣ и дамѣ, которымъ казалось, будто видятъ на Лунѣ то, чего ни одинъ Астрономъ открыть не могъ, ниже съ помощію снарядовъ Гершелевыхъ. Монахъ увѣрялъ, что безъ трубы зрительной удобно различаетъ соборной колоколъ отъ другихъ предметовъ; дама божилась, что простыми глазами ясно видитъ мущину, стоящаго на колѣняхъ передъ женщиною. Изъ этой посылки выводится слѣдствіе: Каждой изъ насъ на спутникѣ Земнаго Шара безъ труда найдетъ все, чего искать захочетъ. Не должно только пугать воображеніе излишнею строгостію; въ противномъ случаѣ бѣдное человѣчество лишилось бы многихъ выгодъ. Какимъ образомъ, на примѣръ, господа ученые рѣшили бы важные споры Богословскіе,

Философскіе, Историческіе? какъ согласили бы противорѣчія, встрѣчающіяся въ Писателяхъ, равно уважаемыхъ? Не прискорбно ли было бы слышать отъ мужей, заслужившихъ почетные парики, вмѣсто смѣлыхъ, *удовлетворительныхъ* отвѣтовъ смиренное — *не знаю*?

Кажется, гдѣ-то написано, что всякая Исторія есть не что иное, какъ басня, хорошо и складно сочиненная — истина, не утѣшительная для тѣхъ, которые готовятся жить въ памяти потомства! И такъ, если басня сія, впрочемъ *хорошо и складно сочиненная*, поселяетъ въ читателѣ непреодолимое сомнѣніе; если она, не объясняя темныхъ сказаній о произшествіяхъ, полагаетъ камень *краеугольный* для новыхъ заблужденій; въ такомъ случаѣ не позволено ли, не говоря ни да ни нѣтъ, съ благоразумною осторожностію сказать: это невѣроятно? Аристотель начинаетъ свою Метафизику словами: кто ищетъ просвѣщенія, тому надлежитъ умѣть сомнѣваться.

Крещеніе Великаго Князя Владиміра дѣлаетъ въ нашей Исторіи важнѣйшую эпоху. Преподобный Несторъ описываетъ сіе произшествіе ясно и правдоподобно, такъ что почти всѣ Россійскіе и Польскіе Хронографы основали свои сказанія

на его повѣствованіи — съ нѣкоторыми неважными отмѣнами. Несторъ назначаетъ мѣсто крещенія въ городѣ Корсунѣ на Лиманѣ, упомянувъ для предупрежденія всякаго недоразумѣнія, что многіе *невѣдущіе истины* говорятъ, будто Владиміръ крестился въ Кіевѣ, а иные — въ Василевѣ. Кому хотѣлось опредѣлить, гдѣ находился Корсунь; тотъ дѣлалъ свои догадки. Ломоносовъ, слѣдуя Польскимъ Авторамъ, признаетъ Корсунемъ Ѳеодосію; Татищевъ думаетъ, что нынѣшній Кинбурнъ есть мѣсто Владимірова крещенія; Болтинъ и другіе новѣйшіе Писатели наши полагаютъ, что свѣтъ Христіянства просіялъ для Россіи въ городѣ, котораго слѣды и развалины видны на полуостровѣ Таврическомъ между Балаклавою и Севастополемъ. Но никто (до временъ Татищева) не смѣлъ противурѣчить Россійскому Иродоту, никто не смѣлъ отвергать истины, принятой праотцами, утвержденной столѣтіями; никому не приходило на мысль сомнѣваться, что Волгскіе Болгары, Жиды отъ Козаръ, Паписты и Греки приходили къ Великому Князю съ предложеніями о принятіи вѣръ ихъ, что Владиміръ посылалъ десять мужей благоразумныхъ въ разныя Государства для испытанія Религій и для разсмотрѣ-

нія обрядовъ Богослуженій, и что, получивъ отъ нихъ обстоятельныя донесенія, избралъ для себя и для своего народа вѣру истинную, святую. Надобно было, чтобы Мельхиседекъ Борсчовъ, Архимандритъ Бизюкова монастыря, прислалъ покойному Татищеву нѣсколько старыхъ тетрадокъ, содержащихъ въ себѣ сказанія о Славянахъ, Новѣгородѣ и Русскихъ Князьяхъ старобытныхъ; надобно, чтобы въ сихъ тетрадкахъ упомянуто было имя Грека Іоакима, перваго Епископа Новгородскаго, о которомъ нигдѣ не говорится, какъ объ Историкѣ; надобно, чтобы въ сихъ тетрадкахъ ничего не сказано было объ испытаніи вѣръ и о посольствахъ; надобно, чтобы въ нихъ было написано: „По семъ иде Владиміръ на Булгары, и „побѣдя ихъ, миръ учини, и пріятъ крещеніе самъ и сынове его, и всю землю „Русскую крести. Царь же Булгарскій „Симеонъ присла Іереи учены и книги „довольны, и посла Владиміръ во Царь„градъ ко Царю и Патріарху, просити „Митрополита, они же вельми возрадо„вашася и прислаша Митрополита Миха„ила“ и проч. Татищевъ, разсудительный и прилѣжный собиратель Историческихъ матеріаловъ, по видимому колебался между сказаніями Іоакима и Нестора, враз-

сужденіи отправленія Пословъ отъ Великаго Князя, и подалъ поводъ покойному Сочинителю *Ольга повѣствованія о Россіи* къ столь смѣлой догадкѣ, что никакъ не должно досадовать на недовѣрчивыхъ читателей, если которые нибудь изъ нихъ отважились бы сомнѣваться въ ея справедливости.

Почтенной Сочинитель, исторически предложивъ о посольствахъ и прибавивъ свои примѣчанія, находитъ въ Несторовомъ повѣствованіи явныя прекословія; чтобы оправдать отца Россійской Исторіи, онъ прибѣгаетъ къ догадкамъ. Многія причины заставляютъ его думать, что Несторъ сочинялъ Лѣтопись свою не изъ устныхъ преданій и народныхъ сказокъ, но безъ сомнѣнія по древнимъ запискамъ, хранившимся въ Библіотекахъ; что найболѣе доказывается внесенными отъ слова до слова договорами. Изъ того Авторъ выводитъ слѣдующее заключеніе: Преподобный Несторъ, перебирая старыя бумаги, могъ найти въ нихъ не полныя тетради, а въ тетрадяхъ записки съ утраченными листами, и изъ сего сокровища, по видимому, почерпнулъ извѣстія для своей Лѣтописи о Владиміровомъ крещеніи. „И такъ, слѣдуя сему предположенію,“ продолжаетъ Авторъ: „дерзаю вскрыть завѣсу, исти-

ну бытія сего скрывающую, и показать въ несомнѣнныхъ доказательствахъ, что оно ничто иное есть, какъ — представленіе театральное (?).“ Далѣе Авторъ предполагаетъ, что Великій Князь Владиміръ былъ привержен къ идолопоклонству не по склонности, ниже по суевѣрію, но только по любострастію. Блаженная Ольга, воспитавшая Владиміра, съ младенчества пріучила умъ его къ понятіямъ о вѣрѣ православной; слѣдственно ничто не препятствовало ему бесѣдовать съ Христіянами и слушать отъ нихъ Евангельское ученіе. Могло статься, что Владиміръ наслышался о благочестіи отъ женъ своихъ и наложницъ, въ числѣ которыхъ Авторъ предполагаетъ множество Христіанокъ. Сколько милы слова ласковыя, прекрасными устами произносимыя, столько сильны убѣжденія. Исторія свидѣтельствуетъ, что почти всѣ вѣры принимаемы были сперва женщинами, а потомъ уже, по дѣйствію ихъ прельщенія, мущинами. Допустивъ сіи предположенія, по мнѣнію Автора, непремѣнно должно согласиться съ выводимымъ изъ того слѣдствіемъ, то есть, что святый Владиміръ принялъ Христіянскую вѣру по наущенію женщины. Ктожъ была сія женщина? Не Анна, не прекрасная сестра Византійскихъ

Императоровъ, но Греческая монахиня, плѣненная Святославомъ, бывшая потомъ его супругою, и доставшаяся сыну его Ярополку, а по смерти сего послѣдняго Владиміру, другому его сыну! Сія Гречанка — или для покаянія во грѣхахъ своихъ, или для пріобрѣтенія первенства предъ прочими женами — старалась удерживать Владиміра въ своихъ чертогахъ и выдумывала разныя упражненія, чтобы доставить супругу въ праздное время занятіе. Греки лукавы, а Владиміръ былъ любострастенъ и въ добавокъ еще сильно влюбленъ въ монахиню, бывшую, какъ сказано, женою отца его, брата и напослѣдокъ его самого; слѣдовательно она могла вымышлять для него забавы привлекательныя и разительныя, каковы суть театральныя представленія. Владиміру, продолжаетъ Авторъ, по тогдашнему невѣжеству онѣ конечно были незнаемы, а ей, какъ Гречанкѣ, бывшей въ монастырѣ, весьма извѣстны. Слѣдовательно, подражая монастырскимъ зрѣлищамъ, она легко могла сочинить убѣдительную Драму и велѣть рабамъ своимъ представить сную на театрѣ. Авторъ отдаетъ похвалу искусству, примѣченному имъ въ сочиненіи сей Драмы, и доказываетъ, что Несторъ, или не зная театральныхъ сочи-

ненїй, принялъ оную за бытїе, или зная, но не нашедъ лучшей причины, заставившей Владимїра креститься, прибѣгнулъ къ сему средству для удостовѣренїя пономенства, какимъ образомъ случилось сїе важное произшествїе. Драма содержитъ въ себѣ пять дѣйствїй. Хитрая Гречанка нечаянностїю хотѣла поразить зрѣнїе Владимїрово; для того въ первомъ дѣйствїи, по поднятїи занавѣса, является въ храминѣ, украшенной любострастною живописью, Государь — котораго Несторъ выдаетъ за самаго Владимїра — сѣдящїй на престолѣ въ сладостномъ восторгѣ, и окруженный вельможами, которые вмѣстѣ съ Государемъ восхищались прелестною живописью. Несторъ, по мнѣнїю Автора, не упоминаетъ о вельможахъ, потому что или нѣсколько строкъ недоставало въ запискахъ, или онъ не хотѣлъ имъ слѣдовать. Входятъ Послы Болгарскїе, и предлагаютъ о вѣрѣ Магометанской. Правила драматическаго искуства требуютъ, чтобы въ первомъ явленїи дать понятїе зрителю о содержанїи цѣлаго представленїя; Авторъ думаетъ, что правила сїи соблюдены въ точности; ибо зритель изъ рѣчи Пословъ заключаетъ, что должны слѣдовать испытанїя Религїй. Во второмъ дѣйствїи театръ перемѣняется; Государь

принимаетъ и отпускаетъ Пословъ Папскихъ. Въ третьемъ дѣйствіи приходятъ Жиды. Въ четвертомъ является Мудрецъ Константинопольскій, а въ пятомъ возвращаются Послы, отправленные отъ Государя въ разныя страны для разсмотрѣнія обрядовъ, наблюдаемыхъ при Богослуженіяхъ. По правиламъ драматическимъ, которыя, какъ полагаетъ Авторъ, въ тогдашнее время были въ Греціи въ употребленіи, надлежало при окончаніи зрѣлища вывести на театръ хоръ народа; это заставило сочинителя, или сочинительницу Драмы при окончаніи оной перемѣнить декораціи и представить народную площадь, на которой возвратившіеся Послы разсказали бы все видѣнное ими; это же ни мало не противно словамъ Нестора, написавшаго, что Владиміръ велѣлъ Посламъ говорить передъ *дружиною.* Когда Послы окончили рѣчь свою, хоръ возопилъ: „и не принесла бы бабка твоя, мудрѣйшая изъ всѣхъ человѣкъ, закона Греческаго, если бъ онъ не хорошъ былъ.“ Представляющій Князя спросилъ: „гдѣ пріимемъ крещеніе?“ а хоръ ему отвѣтствовалъ: „гдѣ тебѣ угодно.“ — Симъ зрѣлище кончилось. —

Здѣсь не почитается нужнымъ входить въ подробныя изслѣдованія, забавлялись ли Греки въ десятомъ столѣтіи зрѣлищами

театральными, сочиненными по правиламъ Аристотелевымъ; однакожъ мудрено повѣрить, чтобы въ то время имѣли о нихъ понятїе въ монастыряхъ, а особливо женскихъ. Грубая роскошь и сладострастїе господствовали при Дворѣ Византїйскомъ; дурной вкусъ и невѣжество были общимъ удѣломъ и знатныхъ и простолюдимовъ. Какїе памятники тогдашняго просвѣщенїя остались намъ? Богословскїя и Историческїя сочиненїя ни мало еще не доказываютъ, чтобы въ Константинополѣ при Цимисхїяхъ и Комнинахъ смиренные отшельники блистали талантомъ писать Драмы, раздѣленныя на дѣйствїя и явленїя. Церковные Учители первыхъ вѣковъ Христїанства и вѣрные ихъ послѣдователи явно возставали противу зрѣлищь и предавали анаѳемѣ и актеровъ и зрителей; ибо въ ихъ время театръ былъ школою постыднѣйшаго распутства. Для конскихъ ристалищь и для гимнастическихъ упражненїй, бывшихъ тогда въ великой модѣ, Авторы не нужны, а Комедїй писать было не кому; одни только уединенные монахи могли знать, что Талїя предала безсмертїю имена Аристофановъ и Менандровъ. Положимъ, что драматическїя представленїя въ самомъ дѣлѣ были въ обыкновенїи, и что монахиня была въ состоянїи

написать одну изъ нихъ; но какъ могло сбыться, чтобы Несторъ, знавши Греческій языкъ, вымышленную Поэму принялъ за Историческія записки? какъ думать, чтобы Нестору не были извѣстны даже малѣйшія подробности Владимірова крещенія, подробности столь важнаго произшествія, о которомъ безъ сомнѣнія современники его слышали по крайней мѣрѣ отъ дѣдовъ своихъ, бывшихъ свидѣтелями самаго крещенія?

Патріоту пріятно искать другихъ причинъ, заставившихъ Владиміра избрать вѣру спасительную, — не ласкъ, не прельщеній Гречанки. Христіянство быстро разпространялось по сѣверной части Европы, погруженной во мракѣ идолопоклонства. Въ Государствахъ и областяхъ, сопредѣльныхъ Россіи, на развалинахъ капищъ языческихъ возносились храмы во славу Бога, въ Троицѣ изповѣдуемаго. Болгары Дунайскіе, бывшіе нѣкогда подданными Святослава, и Славяне Моравскіе уже молились на Славянскомъ языкѣ и имѣли церковныя книги, переведенныя Меѳодіемъ и Константиномъ. Таврической Херсонесъ уже озаренъ былъ свѣтомъ Православія. Мечиславъ, Князь Польскій, уже насадилъ сѣмена Христіянскаго ученія во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, которыхъ часть, Червень-

ская земля, потомъ досталась Великому Владимїру. Въ самой столицѣ, въ самыхъ чертогахъ Княжескихъ не одинъ уже разъ курился ѳимїамъ на жертвенникѣ, истинному Богу сооруженномъ. Частыя сношенїя съ Греческими Императорами, военные походы въ ихъ владѣнїя, посольства, въ Константинополь отправляемыя, торговые договоры, заставили Русскихъ полюбить Греческїя знанїя, и имъ удивляться — какъ онѣ впрочемъ ни были тогда ограничены. Извѣстно, что Дворъ Княжескїй всегда имѣлъ нужду въ Греческихъ Художникахъ и Ученыхъ. Не говоря уже о тягостномъ сомнѣнїи въ истинѣ идолослуженїя, Владимїру не льзя было не видѣть, что сосѣди его по принятїи Христїянской вѣры примѣтнымъ образомъ перераждались, и изъ дикихъ варваровъ становились людьми кроткими, благонравными; какъ Государю мудрому и дальновидному, ему не льзя было не догадываться, что успѣхи разпространяющагося Христїянства рано или поздно должны имѣть для Россїи благодѣтельныя слѣдствїя. Вотъ причины, которымъ хочу приписывать Владимїрово желанїе сдѣлаться Апостоломъ вѣры и просвѣтителемъ своего народа! Пока не придумаю лучшихъ и вѣроятнѣйшихъ, буду доволенъ сими; но никогда не соглашусь театръ

почитать колыбелью нашего благочестія. Впрочемъ я не только не врагъ зрѣлищь, но даже великой до нихъ охотникъ и иногда могъ бы лицомъ своимъ служить Гогарду вмѣсто модели для смѣющейся или плачущей каррикатуры.... Но мое намѣреніе сначала было не говорить ни да, ни нѣтъ: надобно сдержать слово, чтобы не подпасть справедливымъ укоризнамъ, на которыя, въ наши просвѣщенныя времена, велемудрые Аристархи весьма нескупы.

Ѳ.

VII.

О Греческихъ женщинахъ (*).

Въ Греціи нѣкоторыя прекрасныя женщины обращали на себя общее вниманіе и возбуждали во всѣхъ удивленіе; а это заставляетъ думать, что тамъ красавицы были очень рѣдки. Въ самомъ дѣлѣ привычка могла бы утолить пламенные вос-

---

(*) Изъ Монитера. Сія статья занимательна по странности Авторова мнѣнія. Въ слѣдующемъ Нумерѣ Вѣстника напечатано будетъ опроверженіе, взятое изъ одного Французскаго Журнала.

Изд.

торги, раждающіеся отъ живыхъ впечатлѣній. Народъ не толпится около одного предмета, если находится множество другихъ, не уступающихъ первому въ достоинствѣ.

Естественно слѣдуетъ изъ того, что повѣствованія нѣкоторыхъ новѣйшихъ Писателей о красотѣ Греческихъ женщинъ должно скорѣе почесть любимою мечтою воображенія, нежели слѣдствіемъ прилѣжнаго, разборчиваго упражненія въ Исторіи.

Нигдѣ не находимъ, чтобы Греція славилась природными красавицами; напротивъ того Исторія сохранила намъ имена тѣхъ, которыхъ прелести были предметомъ общаго удивленія. Мы сперва позволили себѣ приписывать многимъ то, что принадлежало только нѣкоторымъ; потомъ уже захотѣли думать, будто женщины Коринескія и Аѳинскія всѣ были Лаисы и Аспазіи. Сіи и имъ подобныя прелестницы неограниченно господствовали надъ людьми знаменитыми и сильными въ цѣлой Греціи — новое доказательство малаго количества прекрасныхъ женщинъ, которыя были въ состояніи спорить о любовныхъ завоеваніяхъ.

Нынѣшнія красавицы не походятъ на старинныхъ. Въ наше время женщина держитъ у колесницы своей прикованными

одного или немногихъ обожателей, и тѣмъ ограничивается власть красоты ея; напротивъ того Греческія прелестницы господствовали надъ цѣлою націею.

Исторія свѣдѣтельствуетъ о высокой степени знаменитости, на которую возведена была Аспазія, и о почестяхъ, оказанныхъ Фринѣ при жизни ея, а Пиѳоникѣ по смерти. Мавзолей, воздвигнутый между Аѳинами и Элевзисомъ въ честь Пиѳоники, по увѣренію Павзанія и Плутарха, былъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ Греческихъ памятниковъ, сооруженныхъ на иждивеніи сокровищъ общественныхъ.

Весьма было бы трудно изъяснить причину такого общаго удивленія, если предположить хотя посредственное количество обыкновенныхъ красавицъ; а еще труднѣе, допустивъ, что Греческія женщины въ самомъ дѣлѣ были столь прелестны, какими ихъ представлять любитъ наше воображеніе.

„Прекрасная женщина," говоритъ Г. Павъ въ своихъ философическихъ изслѣдованіяхъ о Грекахъ: „такое дѣлала впечатлѣніе въ Греціи, что когда она являлась — а это было весьма рѣдко — имя ея переходило изъ устъ въ уста, отъ береговъ Пелопонеса до предѣловъ Македоніи; нѣжныя супруги не могли удерживать мужей своихъ; матери тщетно запрещали

сыновьямъ своимъ предаваться восторгамъ; наконецъ вся нацїя лежала у ногъ Лаисы; цѣлая Грецїя покорена была Сицилїянкою — чего не могли сдѣлать ни оружїе Персовъ, ни коварная политика Спартанцевъ.

Главная причина, заставившая Писателей ошибаться вразсужденїи красоты Греческихъ женщинъ, состоитъ въ забвенїи, что Аспазїи и Лаисы родились не въ Грецїи; Аспазїя родомъ была изъ Милета, Іонїйскаго города, Лаиса изъ Сицилїи, Фрина изъ Фокеи, Пиѳїоника изъ малой Азїи, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые Писатели.

Прилѣжно разсматривая Исторїю обществъ Азїи и Леванта, находимъ, что всѣ женщины, продаваемыя и покупаемыя для удовольствїя мущинъ, были привозимы изъ тѣхъ мѣстъ, откуда и нынѣ достаютъ прекрасныхъ невольницъ. Не знаемъ, какїя слѣдствїя имѣетъ смѣшенїе породъ; но извѣстно, что оно въ Грецїи не перемѣнило наружности женщинъ, и что всѣ блиставшїя красотою прелестницы были чужестранки, кромѣ весьма немногихъ, которыми доказывается главное наше предположенїе.

Упомянутый нами Г. Павъ старался объяснить, чему приписывать должно, что красавицы были столь рѣдки въ Грецїи, а

особливо въ Аттикѣ; онъ находитъ причиною тому наклонность къ нѣгѣ, противную той, которая образуетъ правильныя формы, дѣлаетъ крѣпкими и свѣжими тѣлесные органы.

„Достойно особливаго вниманія,“ говоритъ онъ: „что область Аѳинская, гдѣ родилось множество мущинъ, одаренныхъ тѣлесными совершенствами, не произвела на свѣтъ ни одной женщины, которая могла бы служить образцемъ красоты и изящества.“

„Если бы при недостаткѣ естественныхъ прелестей,“ продолжаетъ Г. Павъ: „онѣ презирали наряды; тогда союзъ, соединяющій оба пола, неминуемо ослабѣлъ бы. Для отвращенія сего зла, въ Аѳинахъ учреждено судилище, котораго цѣль и назначеніе были — принуждать женщинъ пріятнѣе наряжаться.

Но сіе странное судилище, называемое *Гинекокозмъ*, дѣйствуя съ излишнею строгостію, произвело то, чего совсѣмъ не ожидали. Аѳинянки предались щегольству въ нарядахъ, ввели въ обыкновеніе пагубную роскошь, приняли нелѣпыя моды и изъ румянъ сдѣлали такое злоупотребленіе, какое неизвѣстно было ни одной просвѣщенной націи. Излишніе наряды не могли замѣнить собою красоты, собственно такъ

называемой, къ которой пламенное воображенїе Грековъ имѣло непреодолимое стремленїе. „Нѣтъ большей розницы въ лицахъ человѣческихъ,“ говоритъ Г. Павъ: „какая видна между женщинами Греческими и Черкашенками, которыхъ разительный цвѣтъ лица и свѣжесть краски явно противуположны изнѣженной организацїи.“

Аѳинскїя дѣвушки безъ сомнѣнїя не устояли бы противъ мученїя, которое сносить ихъ заставляли, подъ видомъ исправленїя организацїи, если бы предварительно не томили ихъ голодомъ, для уменьшенїя питательныхъ соковъ. Дїоскоридъ свидѣтельствуетъ, что, не смотря на сїю непрїятную осторожность, для предотвращенїя дородности въ грудяхъ часто употребляемы были порошки, имѣющїе силу вязать и стягивать; впрочемъ бока соразмѣрны были другимъ частямъ тѣла.

Многїе Натуралисты увѣрены, что въ южной Грецїи, на островахъ Архипелага и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ малой Азїи, женщины по большой части дородны до безобразїя; записки путешествователей, которые свидѣтельствуютъ, что нынѣшнїя женщины въ Грецїи вообще всѣ отмѣнно толсты, оправдываютъ мнѣнїе Натуралистовъ.

Нѣкоторые новые путешественники, положась на старинной предразсудокъ о красотѣ Греческихъ женщинъ, изъ любопытства ѣздили по Архипелагу, надѣясь тамъ найти удивительныхъ красавицъ; они думали, что кровь островитянъ не столько перемѣшана, какъ кровь Грековъ Азїятскихъ и Европейскихъ; думали, что на островахъ живутъ Лаисы и Фрины. Въ послѣдствїи открылось, что обитательницы Архипелага уступаютъ въ красотѣ женщинамъ сѣверной и западной Европы.

Г. Ридзель, въ примѣчанїяхъ своихъ о Левантѣ, жалуется, что Турки и Венецїяне истребили кровь природныхъ Грековъ; однакожъ, по мнѣнїю Г-на Пава, сей путешественникъ не обратилъ вниманїя на то, что если свойственно климату Грецїи образовать прелестныя формы, то Натура не измѣнилась бы отъ случайнаго смѣшенїя, и прекрасныя лица снова появились бы въ отечествѣ прелестей.

Упомянутое выше о Греческихъ женщинахъ объясняетъ ошибку знаменитаго Монтескїё, которой, перетолковавъ по своему одно мѣсто въ Плутархѣ, утверждаетъ, будто въ Грецїи женщины не имѣли участїя въ истинной любви. Злоупо-

требленіе инстинкта приписывать должно заблужденію воображенія, а не закоренѣлому развращенію нравовъ. Лишь только появлялась въ Греціи прекрасная женщина, тотчасъ любовь обнаруживалась въ словахъ, въ поступкахъ, въ желаніяхъ всѣхъ Грековъ. Все у нихъ дышало любовію; но терзаемые воображеніемъ, покоренные всемощной его власти, они пламенѣли истинною страстію только въ то время, когда появлялась красота вещественная.

Греческія женщины не господствовали надъ мущинами; причиною тому было ихъ воспитаніе. Онѣ проводили юныя лѣта свои въ совершенномъ заключеніи, внѣ общества мущинъ, которые могли бы заблаговременно удержать въ границахъ страсть ихъ къ нарядамъ, могли бы научить ихъ пріятному обхожденію и искуству нравиться мужьямъ своимъ. Отъ сей уединенной жизни молодыхъ Аѳинянокъ происходило то, что большая часть изъ нихъ не имѣла понятія ни о любезности въ обхожденіи, ни объ искуствѣ плѣнять; отъ того онѣ, вышедъ за-мужъ, не знали приличій общественной жизни и казались неловкими. Впрочемъ онѣ пользовались великою свободою; Ксенофонъ объясняетъ, какая была тому причина.

„Для спокойствія домашняго и согласія,“ говоритъ онъ: „матерямъ семействъ оказывается великое уваженіе; слабостямъ ихъ снизходятъ, а проступки въ первой разъ прощаютъ, во второй — забываютъ о нихъ.“

Однакожъ, судя по словамъ Плутарха, кажется, что Греческія женщины были бранчивы, и что спокойствіе не всегда обитало въ семействахъ. По крайней мѣрѣ произшествіе, случившееся съ Горгіасомъ, заставляетъ насъ такъ думать. Сей славной Софистъ предпринялъ на Олимпійскихъ играхъ говорить передъ собраніемъ Рѣчь, въ которой убѣждалъ Греческихъ посланниковъ заключить общій миръ. Одинъ изъ слушателей сказалъ ему: „Какъ пришло тебѣ въ голову соглашать мнѣнія столь противуположныя, когда въ собственномъ твоемъ семействѣ, изъ трехъ только человѣкъ состоящемъ, вѣчная вражда господствуетъ и ежедневно произходятъ столь жаркіе споры, что сосѣды и друзья твои никогда не могутъ прекратить ихъ?“

Изо всего сказаннаго нами о Греческихъ женщинахъ и славнѣйшихъ прелестницахъ, которыя играли важныя роли, слѣдуетъ, что въ Греціи красота не почиталась вещію обыкновенною; что прекрасныхъ Гречанокъ было весьма немного; и что тѣ, которыхъ

имена дошли до насъ, были чужестранки; ибо Грецїя и въ нынѣшнее время столько же богата красавицами, какъ была она при Аспазїи Милетской, при Лаисѣ Сицилїйской и при Пиѳїоникѣ, уроженицѣ изъ малой Азїи.

VIII.

Станцы (*).

Я счастливъ былъ во дни невинности безпечной,
Когда мнѣ Богъ любви и въ мысль не приходилъ;
О возрастъ дѣтскихъ лѣтъ! почто ты былъ не вѣчной?

Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни волшебствъ, очарованїй,
Когда любовью свѣтъ и красенъ лишь и милъ:
Дождуся ли опять толь сладостныхъ мечтанїй?

Я счастливъ былъ.

(*) Эта бездѣлка уже давно мною переведена и извѣстна была моимъ прїятелямъ; нынѣ же я рѣшился напечатать ее для того, чтобъ не смѣшали моего перевода съ другимъ, который напечатанъ отъ неизвѣстнаго, подъ именемъ *лѣсеньки*, въ четвертой книжкѣ (М. Апрѣль) *Друга просвѣщенїя* на 1805 й годъ. *Авт.*

Я счастливъ былъ во дни надежды, увѣренья,
Когда Климены взглядъ меня животворилъ.
Одинъ желанія ужь были наслажденья!
Я счастливъ былъ.
Я счастливъ былъ во дни восторговъ
непрерывныхъ
И сердцу милыхъ бурь! какъ я тогда любилъ! —
Увы! тогда не пѣлъ я въ пѣсняхъ заунывныхъ:
Я счастливъ былъ.

Дм.

IX.

*Къ милой Е***.*

Я слушалъ Мару (*) — восхищался,
И слушать вѣкъ ее хотѣлъ....
Но взоръ мой болѣ наслаждался:
Я на тебя смотрѣлъ!

К. Ш — въ.

(*) Въ Концертѣ.

ПОЛИТИКА.

I.

Объ узаконенїи для блага Евреевъ, обитающихъ въ Имперїи Всероссїйской.

Еще въ концѣ прошлаго года человѣколюбивый АЛЕКСАНДРЪ даровалъ Евреямъ бытїе политическое. Вопреки всѣмъ усилїямъ здравой Философїи, предразсудокъ противъ сей нацїи тирански господствуетъ надъ умами простолюдиновъ, и даже такихъ людей, которые не считаютъ себя принадлежащими къ низшему классу народному; господствуетъ — и справедливость, любовь къ человѣчеству, Политика долженствуютъ молчать передъ заблужденїемъ. Къ стыду нашего вѣка, во многихъ городахъ Италїи и теперь еще запираютъ несчастныхъ потомковъ Израиля въ особыхъ улицахъ или частяхъ города, и принуждаютъ ихъ сносить оскорбленїя, унижающїя санъ человѣка. Давно ли Сенатъ Франкфуртскїй наложилъ на Евреевъ тридцать тысячь ефимковъ за то, что они *осмѣлились просить* о дозволенїи себѣ пользоваться правами гражданскими? Не трудно подобными примѣрами

ясно доказать, съ какою несправедливостїю угнетаютъ сей народъ въ просвѣщенныхъ Государствахъ Европы. Какая же причина тому? „Жиды отправляютъ запрещенную торговлю;“ такъ говорятъ ихъ ненавистники: „большая часть изъ нихъ суть ростовщики и продавцы краденыхъ вещей; всѣ они внутренно присягнули быть врагами тѣхъ нацїй, которыя дали имъ убѣжище; всѣ они почитаютъ дѣломъ богоугоднымъ обмануть Христїяниа; сверхъ того они живутъ неопрятно въ домахъ своихъ, и слѣпо преданы смѣшнымъ, нелѣпымъ своимъ обрядамъ.“ Вотъ преступленїя, за которыя осуждаютъ Евреевъ быть жертвами вѣчнаго гоненїя; но самой важнѣйшїй, самой благовиднѣйшїй упрекъ есть — невозможность перемѣнить характеръ и духъ Еврейской нацїи. Такъ думали многїе Политики — и миллїоны разумныхъ существъ, множество разсчетистыхъ купцовъ, искусныхъ промышленниковъ, прилѣжныхъ ремесленниковъ пресмыкались въ ничтожествѣ, и жили для того только, чтобы чувствовать свое ничтожество! Но АЛЕКСАНДРЪ царствуетъ для счастїя Своихъ подданныхъ, а Евреи составляютъ знатную часть ихъ въ Губернїяхъ, новопрїобрѣтенныхъ отъ Польши. АЛЕКСАНДРЪ знаетъ,

что пороки, Еврейской націи приписываемые, суть необходимыя слѣдствія сего закоренѣлаго угнетенія, которое давитъ ихъ въ продолженіе многихъ столѣтій; знаетъ, что гражданская и церковная терпимость есть вѣрнѣйшее средство сдѣлать Евреевъ полезными членами общества. Особо учрежденному Комитету было поручено собрать всѣ нужныя свѣдѣнія, относящіяся до Евреевъ, обитающихъ въ Имперіи Всероссійской, изслѣдовать безпорядки, отъ нихъ произходящіе, найти начало сихъ безпорядковъ, и, уничтоживъ его, остановить вредныя слѣдствія. Такимъ образомъ составилось новое учрежденіе объ Евреяхъ, котораго прекрасная цѣль есть образовать для Государства полезныхъ гражданъ, а націи Еврейской даровать отечество. Мысль великая, достойная счастливаго нашего времени!

Сами благомыслящіе Евреи признаются, что многіе изъ ихъ собратій не имѣютъ понятія о внутреннемъ достоинствѣ человѣка, и совсѣмъ не знакомы съ Моралью; но надобно ли страсть къ обманамъ и корыстолюбіе нѣкоторыхъ мѣлочныхъ торгашей почитать свойственными цѣлой націи? Не лучше ли заключить, что презрѣніе къ нимъ, собственное ихъ невѣжество и неувѣренность въ политической

безопасности суть виною зла сего? Разкроемъ новѣйшую Исторію Евреевъ, и увидимъ, что безпрестанно терпимыя гоненія заставили ихъ прибѣгнуть къ отчужденію отъ иновѣрцовъ. Не ошибаются ли тѣ, которые хотятъ вѣрить, будто Евреи почитаютъ дѣломъ богоугоднымъ обманывать Христіянъ; мы не можемъ обвинять ихъ въ семъ дѣлѣ и по тому уже, что Священное Писаніе Ветхаго Завѣта есть основаніе ихъ догматовъ. Самые умные Моралисты и глубокіе Политики признали неоспоримою истиною, что человѣкъ, обремененный игомъ рабства, влекущій дни свои въ униженномъ состояніи, носящій на себѣ печать презрѣнія, не способенъ мысленно возноситься до благороднаго, изящнаго, великаго. Онъ видитъ, что всѣ люди согласились притѣснять его, не находитъ нигдѣ безопаснаго убѣжища и занимается одною мыслію — облегчить свою долю, не разбирая, какими средствами, честными или безчестными. Скажутъ: онъ увѣренъ, что коварство и обманы не могутъ быть ничѣмъ оправданы. Соглашаюсь; но примѣръ безпрестаннаго гоненія развѣ недостаточенъ смѣшать въ человѣкѣ понятія и подавить въ немъ чувство справедливости? Извѣстно, что Еврейская нація многіе вѣки сряду

безпрестанно терпѣла гоненія отъ невѣжества и фанатизма; и такъ чему удивляться, если народъ сей наслѣдовалъ отъ предковъ своихъ особенныя понятія о благонравіи?

Сіи случайные пороки, слишкомъ уже много увеличенные, которыми жестоко упрекаютъ націю, достойную примѣчанія по своимъ несчастіямъ, по оборотливости, по способностямъ къ промышленности, по непобѣдимой привязанности къ вѣрѣ прародительской, сіи пороки не уже ли столько закоренѣлы, что всѣ усилія тонкаго Политика, клонящіяся къ ихъ истребленію, должны оставаться безполезными? Нѣтъ, конечно! Предположимъ, что для нынѣшнихъ Евреевъ не такъ легко оставить старинныя привычки; по крайней мѣрѣ прочность узаконенія заставляетъ надѣяться, что надъ дѣтьми ихъ совершится моральное перерожденіе. Безъ сомнѣнія тотъ будетъ однихъ мыслей съ нами, кто знаетъ свойство предразсудковъ, силу старинныхъ навыковъ и механизмъ обществъ вразсужденіи постепенной ихъ перемѣны. Великому ПЕТРУ было гораздо труднѣе преобразить Отечество; однакожъ Онъ преобразилъ его — вопреки всѣмъ предположеніямъ о невозможности сдѣлать Россію Европейскою Державою.

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что мы со временемъ будемъ имѣть своихъ Мендельзоновъ? АЛЕКСАНДРЪ повелѣлъ отворить двери Университетовъ и Гимназїй для молодыхъ Евреевъ, и позволилъ имъ безъ всякаго различїя воспитываться и учиться на равнѣ съ природными жителями, позволилъ обработывать природныя способности къ изящнымъ Художествамъ въ Императорской Академїи; предоставилъ право достигать до высшихъ степеней по части ученой. Сими статьями начинается Высочайше одобренное учрежденїе о Евреяхъ; Правительству нужно образовать полезныхъ гражданъ, а воспитанїе есть единственное къ тому средство.

Евреямъ обѣщана личная свобода, покровительство законовъ и многїя особенныя выгоды; за то требуется отъ нихъ трудолюбїя и дѣятельности. Въ Имперїи не можетъ быть терпимъ ни одинъ Еврей, не избравшїй для себя состоянїя. Отнынѣ Евреи должны раздѣляться на четыре класса: на земледѣльцевъ, на фабрикантовъ и ремесленниковъ, на купцовъ и на мѣщанъ. Отличившїеся знанїями и услугами Государству получатъ приспойное награжденїе. Никто не дерзнетъ ни словомъ, ни дѣломъ безпокоить и оскорблять

Еврея за Религїю, имъ исповѣдуемую. Вотъ существенное содержанїе спасительнаго узаконенїя для блага Еврейской нацїи, обитающей въ Имперїи Всероссїйской.

Дѣти и внуки нынѣшнихъ Евреевъ, осѣняемые крыломъ Орла Сѣвернаго, забудутъ, что Титъ и Адрїанъ, виновники ихъ несчастїя, жили на свѣтѣ; но каждой изъ нихъ съ живымъ чувствомъ благодарности произнесетъ: „и я сынъ Отечества!“ — и человѣколюбивый АЛЕКСАНДРЪ, Благодѣтель нацїй, пребудетъ вовѣки незабвеннымъ въ памяти ИМЪ осчастливленныхъ.

У.

II.

Невозможности.

Чего въ Англїи не считали невозможнымъ! Въ 1792 мъ году считали *невозможнымъ*, чтобы Французскїя войска устояли противъ соединенныхъ Державъ, возставшихъ на Республику.

Въ 1793 мъ и 1794 мъ годахъ было *невозможно*, чтобы финансы Французской Республики могли существовать долѣе одного мѣсяца.

Съ 1794 го по 1799 й годъ было *невозможно*, чтобы какое нибудь Правительство въ Европѣ захотѣло заключить миръ съ Францїею; — было *невозможно*, чтобы Бонапарте съ сорока - тысячнымъ войскомъ доплылъ до Египта; — было *невозможно*, чтобы онъ, или другой кто либо изъ Французовъ, могъ живой возвратиться изъ Египта; — было *невозможно*, чтобы съ горстью солдатъ удалось ему опрокинуть Директорїю; — было *невозможно*, чтобы онъ долѣе одного мѣсяца управлялъ Государствомъ въ качествѣ Перваго Консула; — было *невозможно*, чтобы Англїя признала его въ семъ званїи.

Въ 1805 мъ году было *невозможно*, чтобы Бонапарте за Мальту рѣшился вести войну.

Въ 1804 мъ году было *невозможно*, чтобы онъ рѣшился объявить себя Императоромъ, а всего *невозможнѣе*, чтобы хоть одинъ Государь въ Европѣ согласился признать его въ семъ достоинствѣ.

Въ нынѣшнемъ году почитали за *невозможное*, чтобы Г. Питтъ далъ новое образованїе Королевскому Кабинету, и что бы новосоставленное Министерство существовало болѣе шести недѣль.

Изъ всего этого видно, что нѣтъ ничего *невозможнаго*; и если бы впредь что-

либо такимъ называли, я всегда готовъ буду сказать то же самое, что говорилъ одинъ церковный Отецъ: credo, quia impossibile, вѣрю, потому что это невозможно!

(*Изъ Morn. Chron.*)

III.

Статья о новомъ Королевствѣ Италіи.

Лишь только Голландія успѣла получить себѣ Пансіонера отъ мощной руки Наполеоновой, какъ вдругъ Италія сдѣлалась жертвою властолюбія. Было объявлено, что Іосифъ Бонапарте — объ отъѣздѣ котораго въ Миланъ возвѣщено Европѣ съ такою торжественностію — отказался отъ власти самодержавной; мы знаемъ уже, какое непреодолимое отвращеніе имѣетъ отъ нее вся Наполеонова фамилія. По смиренному отреченію Іосифову можно было догадываться, что самъ Наполеонъ согласится обременить себя еще одною короною, и не захочетъ лишить Италію *единственнаго человѣка*, котораго Консульта въ Ліонѣ признала способнымъ обладать наслѣдствомъ Астольфовъ и Дезидеріевъ. Многіе утверждаютъ даже, что Французскіе и

Италїянскїе Журналы не объявили бы рѣшительнымъ образомъ о предполагаемомъ коронованїи Іосифа въ Миланѣ, если бы самъ Наполеонъ не находилъ нужными сихъ околичностей для постепеннаго открытїя своихъ намѣренїй, и если бы онъ не видѣлъ выгодъ своихъ въ провозглашенїи себя Королемъ Италїи уже въ то время, когда Европа привыкла бы почитать Іосифа будущимъ Королемъ Ломбардїи.

Не хотимъ думать, чтобы Государи Европейскїе, слѣдуя взорами за Г-мъ Бонапарте, удачно и безпрепятственно совершающимъ блестящїй свой подвигъ, начали спорить съ нимъ о значенїи словъ, и потребовали отъ него объясненїя, что онъ разумѣетъ чрезъ наименованїе *Королевство Италїи*, которымъ ему было угодно назвать прежнюю Ломбардїю? Предположимъ на часъ, будто Г. Бонапарте отвѣчалъ бы, что новая Монархїя подъ именемъ Королевства *Италїи* значитъ тоже, что прежняя Республика *Италїянская*; тогда можно было бы сказать ему, что въ такомъ случаѣ надлежало бы назвать ее Королевствомъ *Италїянскимъ* (Royaume Italien), а не Королевствомъ *Италїи* (Royaume d'Italie); ибо это не есть одно и то же. Но Государи не занимаются Грамматикою. Извѣстно, что одинъ Риторъ, разсуждая

съ Императоромъ Адріяномъ о Грамматикѣ, долженъ былъ замолчать, и послѣ признался друзьямъ своимъ, что не надобно оспоривать такого человѣка, которой имѣетъ въ своемъ разпоряженіи тридцать легіоновъ. Можетъ быть, и Г. Бонапарте имѣетъ такія же права господствовать надъ словами и дѣйствіями.

Надлежитъ рѣшить вопросы гораздо важнѣйшіе, которыми безъ сомнѣнія займутся Кабинеты Европейскіе. Въ какомъ отношеніи Король Италіи состоять будетъ къ прочимъ Государствамъ полуострова? Онъ показалъ уже опытъ леннаго правленія, давъ Княжеству Піомбинскому новаго Государя, васалла Франціи. Будетъ ли онъ требовать дани отъ младенчествующаго Короля Этрурійскаго, которой равнымъ образомъ ему обязанъ своимъ достоинствомъ? Будетъ ли онъ, въ качествѣ преемника Мартелей, обратно требовать себѣ того, что Пепинъ подарилъ Папѣ Стефану, и такимъ образомъ сдѣлавшись Государемъ наслѣдія Св. Петра, присвоитъ ли себѣ право на завладѣніе Королевствомъ обѣихъ Сицилій, отъ котораго Папы еще не отказались? Не станемъ въ Исторіи отъискивать правъ на всѣ сіи предполагаемыя требованія, а скажемъ только, что обладатель пространныхъ земель, отъ

береговъ Адижа до залива Спеццїи, соединенныхъ съ Имперїею, простирающеюся отъ Рейна до горъ Пиренейскихъ и отъ Океана до Средиземнаго моря, не захочетъ ли считать своими подданными тѣхъ Государей, которыхъ владѣнїя заняты Французскими войсками, которымъ не даетъ воли входить въ подробности внутренняго управленїя, отставляя отъ службы ихъ Министровъ и Генераловъ, и которыхъ наконецъ онъ явно оскорбляетъ, не уважая мнѣнїя Европы?

Исторїя возвѣститъ потомству, какимъ образомъ постепенно ослабѣвали старинныя правила, которыми прежде Кабинеты руководствовались. Исторїя сохранила намъ описанїе произшествїй, ознаменовавшихъ конецъ семнадцатаго столѣтїя, когда вся Европа вооружилась, чтобы не допустить внука Лудовика XIV до трона, которой принадлежалъ ему по праву наслѣдства; она же скажетъ, какъ въ началѣ девятьнадцатаго вѣка Г. Бонапарте объявилъ себя Королемъ Италїи, узаконилъ порядокъ наслѣдованїя сей новой Монархїи, далъ ей Конституцїю, не спросясь Государей, которые принимаютъ великое участїе въ столь важныхъ перемѣнахъ. Нѣтъ сомнѣнїя, что Г. Бонапарте о коронѣ Италїи скажетъ то же самое,

что сказалъ онъ о присоединеніи Піемонта ко Франціи: „это бездѣлица! этого надобно было давно ожидать!“ Но Государи Европы, которые въ самомъ дѣлѣ должны ежедневно ожидать новыхъ покушеній отъ Г-на Бонапарте, сочтутъ ли сіе приобреніе оправданіемъ будущаго его поведенія?

Да будетъ намъ позволено сказать еще нѣсколько словъ о чудесномъ феноменѣ въ политическомъ мірѣ и о непонятномъ бездѣйствіи тѣхъ, которыхъ Г. Бонапарте назначаетъ быть жертвами своего честолюбія. Европа наполнена слухами о новыхъ затѣяхъ и о нелѣпыхъ рѣчахъ, которыя Г. Бонапарте заставляетъ говорить передъ собою своихъ Министровъ и Государственныхъ Совѣтниковъ, и въ которыхъ ясно обнаруживаются гигантскіе виды ненасытнаго честолюбія; не смотря на то, Государи съ равнодушіемъ слушаютъ голосъ, угрожающій имъ бѣдствіями! Наполеонъ велитъ ставить себя выше Александра Македонскаго и Карла Великаго. Въ самомъ дѣлѣ его возвышеніе чудеснѣе всѣхъ завоеваній, которыми сіи великіе люди прославились! Александръ и Карлъ Великій сражались до тѣхъ поръ, пока не истребили всѣхъ своихъ соперниковъ; оба они не имѣли равнаго себѣ ни въ могуществѣ, ни въ

величїи. Г. Бонапарте старается то же сдѣлать, и не скрываетъ своихъ намѣренїй.

Не можемъ укорять Министра Талейрана, что онъ Г-на Бонапарте поставилъ выше Александра Македонскаго и Карла Великаго; онъ говорилъ то, что ему было приказано. Наполеону хочется превзойти Александра и Карла; Талейрану оставалось повиноваться волѣ своего Государя, однакожъ ему не надлежало разсказывать небылицы на счетъ великихъ людей, съ которыми сравнйваетъ Г-на Бонапарте. Министръ утверждаетъ, что геройская мысль о наслѣдственной власти никогда не входила въ голову Александра; между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что въ Македонїи было правленїе наслѣдственное, и что Александръ, заступивъ мѣсто отца своего Филиппа, безъ сомнѣнїя, не хвастаясь геройствомъ, могъ имѣть понятїе о власти наслѣдственной. Если сей завоеватель не заботился о наслѣдникахъ обширной своей Имперїи, это значило, что ему хотѣлось имѣть другаго Александра своимъ преемникомъ. Г-нъ Бонапарте предполагаетъ начать новую Династїю; Александръ желалъ лучше со славою окончить старую — а въ этомъ есть великая розница. Александръ самъ покорялъ Государства; Г. Бонапарте присвои-

вляетъ себѣ уже покоренныя — вотъ въ чемъ состоитъ выгода сего послѣдняго; но Талейранъ не замѣтилъ ее.

Упреки Г-на Талейрана противъ Александра и Карла Великаго также неосновательны, когда онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, будто они предали Имперіи свои на жертву безначалію. Мы сказали выше, что Александръ не могъ найти дѣтей *законныхъ*, *естественныхъ* или *усыновленныхъ*, которые были бы достойны занять престолъ Македонскій. Что принадлежитъ до Карла Великаго, всѣмъ извѣстно, что онъ вручилъ сыну своему Имперію, имъ основанную. Если по причинѣ слабости его преемника Имперія потерпѣла бѣдствія, въ томъ винить должно не Карла, но естественныя препятствія, часто встрѣчающіяся при основаніи новыхъ Династій и при намѣреніяхъ удержать за собою обширныя завоеванія.

(*Изъ Англ. Вѣд.*)

IV.

Примѣчанія на сочиненіе: Объ Англійской морской силѣ (*).

Французскій Авторъ сочиненія объ Англійской морской силѣ предпринялъ весьма человѣколюбивое намѣреніе изтребить предразсудокъ о важности Британскихъ флотовъ, и поставить читателя въ точкѣ, изъ которой онъ могъ бы предусмотрѣть, какой конецъ будетъ имѣть война между Англіею, повелительницею на моряхъ, и Франціею, сильною на твердой землѣ Державою. Сія точка есть — Исторія; изъ того, что случилось позади насъ, Авторъ хочетъ дать намъ понятіе о томъ, что передъ нами произойти долженствуетъ. Мы охотно и съ любопытствомъ слушали его поученіе; теперь да будетъ намъ позволено подойти къ нему ближе, всмотрѣться пристальнѣе и увидѣть, въ самомъ ли дѣлѣ фигуры намъ показанныя имѣютъ такой видъ, какой онъ давалъ имъ, и въ самомъ ли дѣлѣ явленія происходили по тѣмъ законамъ, о которыхъ мы отъ него слышали? Когда удостовѣримся въ томъ, тогда можемъ

(*) Изъ Архенгольцевой Минервы.

сдѣлать правдоподобныя заключенія о настоящемъ или о будущемъ.

„Лакедемонцы, не имѣя ни гаваней,“ — такъ пишетъ Авторъ: „ни морскихъ силъ покорили Аѳинянъ, тогда, какъ сіи послѣдніе удивляли всю Грецію и Азію своими блестящими подвигами на влажной стихіи.“ Кого изъ просвѣщенныхъ читателей не удивитъ такое изреченіе? По чему не признать честолюбія Демагоговъ, моровой заразы, соперничества и неспособности военачальниковъ причинами, по которымъ Пелопонесская война окончилась несчастнымъ образомъ для Аѳинянъ, не смотря на то, что во все ея продолженіе они сражались славно? У Лакедемонцевъ не было флотовъ? Такъ, пока Спарта не имѣла морской силы, пока храбрые сыны ея сражались только на сушѣ — до тѣхъ поръ побѣда была на сторонѣ Аѳинянъ. Спарта замѣтила это, построила корабли, научила воиновъ своихъ мореходству и побѣдила на водахъ непріятеля, уже пришедшаго въ безсиліе отъ многихъ постороннихъ несчастныхъ приключеній. Развѣ не при Аргосѣ Потамосѣ Лизандеръ овладѣлъ Аѳинскимъ флотомъ, и тѣмъ привелъ къ концу войну съ Аѳинами? Развѣ Аѳинская Республика не сдѣлалась скоро потомъ опять

соперницею своей побѣдительницы, и именно посредствомъ морской силы?

Далѣе Авиторъ утверждаетъ, что Тиръ, Кареагенъ, Родосъ и Александрія покорены такими непріятелями, которые вовсе не имѣли кораблей. А развѣ у Александра не было флота, когда онъ двигнулся для завоеванія Азіи? Овладѣніе Персидскою Монархіею и многочисленными ея войсками сухопутными для Филиппова сына было нечто иное, какъ путешествіе, и притомъ весьма легкое; но съ морскимъ городомъ Тиромъ надлежало вести войну очень важную. Никакое военное дѣйствіе столько не заняло, не научило великаго Македонянина, никакой подвигъ не стоилъ ему такихъ усилій, какъ семимѣсячная осада сего города. Развѣ двухъ сотъ трехвесельныхъ кораблей, которыя при осадѣ Тира употреблены были Александромъ, не можно назвать флотомъ?

Какъ Сципіонъ отправился къ Кареагену? не на корабляхъ? Римъ, уже утвердившій господство свое надъ многими побѣжденными имъ народами, не имѣлъ морской силы? не кораблями помогали ему подвластныя приморскія области, когда онъ не устыдился напасть на небольшой островъ Родосъ?

Когда Александрія была морскою независимою областію? должно ли главной городъ Государства, на которое нападать можно сушею и морями, ставить наравнѣ съ морскими Державами? не одну ли участь имѣли Египетъ и его столица?

Изъ Древней Исторіи Авторъ ведетъ насъ въ Исторію среднихъ вѣковъ. Въ самомъ ли дѣлѣ такъ *скоро* померкъ блескъ Венеціи, Генуи, Пизы? Когда Государства въ теченіе *столѣтій* господствовали надъ народами, можно ли сказать, что они *скоро* померкли? Спрашиваемъ, сіи всемірные, завистливые купцы не ослабилиль сами себя междоусобными войнами, прежде нежели принуждены были пасть подъ копьями и штыками внѣшнихъ непріятелей? Надлежало прежде истощиться силамъ сихъ приморскихъ областей; надлежало прежде изсякнуть источникамъ ихъ богатства по причинѣ новаго пути, открытаго для торговли; надлежало придти въ уныніе ихъ духу высокомѣрному и предпріимчивому, прежде нежели иностранныя Державы, послѣ политическаго почти всеобщаго перерожденія составя огромныя массы, могли вознестись выше сихъ малыхъ областей. Надобно привести себѣ на память союзъ Камбрайской. Папа, Императоръ, Короли Французскій и Ис-

панскій, почти всѣ Князья Италіянскіе вооружились противъ одной Венеціи. Сія Республика, нѣкогда славившаяся мудросіпію своей Дипломатики, дѣлаетъ великую ошибку, проигрываетъ сраженіе при Гіаррадуѣ, уступаетъ превосходству силы, и если не безъ вреда, по крайней мѣрѣ *съ честію* возвращается назадъ — и сею послѣднею выгодою она обязана своему положенію при морѣ, отъ стороны котораго непріятели ни на что не могли противъ ее покуситься.

Можно привести въ примѣръ Испанію, Португалію и другія Государства; но не для того, чтобы доказать, будто морская Держава всегда теряетъ, сражаясь съ сухопутною, и теряетъ именно отъ того, что она морская. Напротивъ того Исторія повѣствуетъ намъ, что сіи Государства во времена своего величія были равно сильны на моряхъ и на сушѣ, и что причины ихъ упадка должно искать во внутренныхъ злоупотребленіяхъ, которыя подавили могущество, унизили духъ народный, ослабили войска морскія и сухопутныя.

Въ самомъ ли дѣлѣ Англія есть одна только земля, которую отважный человѣкъ покорилъ съ помощію кораблей? А Греція, Египетъ, Карѳагенъ — сколько могъ бы я насчитать приморскихъ зе-

мель! — развѣ не покоряли народовъ? Голландія не кораблями ли завоевала сама себя у Испанцевъ? не кораблями ли Европа во всѣхъ частяхъ свѣта покорила, и нынѣ покоряетъ неизмѣримыя, или лучше, неизмѣренныя области? Сама Франція не сдѣлала ли важныхъ пріобрѣтеній въ отдаленнѣйшихъ частяхъ свѣта посредствомъ кораблей? Правда — не во гнѣвъ Господамъ Французамъ — она отъ кораблей же и потеряла свои завоеванія.

Война между Англіею и Франціею въ четырнадцатомъ и пятьнадцатомъ столѣтіяхъ происходила на сухомъ пути, слѣдственно и судьба сихъ Королевствъ въ то время зависѣла отъ успѣховъ или неудачь на твердой землѣ.

Автору кажется, что тысячами примѣровъ доказать можно, будто морская Тактика есть одна изъ тѣхъ наукъ, *которой совсѣмъ не нужно учиться*, и что ученики не рѣдко побѣждали своихъ учителей. Примѣры, Авторомъ не упоминаемые, были бы гораздо сильнѣе тѣхъ, которые приведены имъ для доказательства истины своего мнѣнія; напротивъ того, сіи послѣдніе свидѣтельствуютъ, что онъ ошибается.

Какъ? у Аѳинянъ не было флота до войны Персидской? Точно ли, первый Ѳеми-

стоклъ приказалъ, какъ можно поспѣшнѣе, построить нѣсколько кораблей, на которыхъ онъ напалъ на непрїятеля и разбилъ его, не смотря на то, что Аѳиняне были весьма неопытны въ мореходствѣ?"

Безъ сомнѣнїя, Французъ девятнадцатаго столѣтїя не лучшее имѣетъ свѣдѣнїе о состоянїи Аѳинъ, нежели Иродотъ, современникъ войны Персидской. Онъ пишетъ (*), что Аѳиняне убѣждены были отъ Аристагораса послать къ Іонїйцамъ, хотѣвшимъ свергнуть съ себя иго Царя Персидскаго, на помощь двадцать кораблей, и сїи-то корабли, продолжаетъ Историкъ, были причиною зла, постигшаго Грековъ и варваровъ. Іонїйцы съ Аѳинскимъ флотомъ вспомогательнымъ завоевали городъ Сарды. Дарїй, услышавъ, что Аѳиняне флотомъ своимъ помогли мятежнымъ подданнымъ его покорить Сарды, и разпалясь гнѣвомъ, велѣлъ подать себѣ лукъ; положилъ на него стрѣлу и пустилъ ее къ небу, вскричавъ: „О Юпитеръ! дай мнѣ средства отмстить Аѳинянамъ!" Потомъ приказалъ одному изъ рабовъ своихъ, чтобы, когда Царь будетъ садиться за столъ, онъ кричалъ по три раза: „Государь! помни объ Аѳинянахъ!"

(*) Lib. V. Cap. 97 et sequen.

Діонисій Галикарнасскій повѣствуетъ (*), что Аѳиняне выслали противъ Эгины флотъ, состоявшій изъ семидесяти кораблей, въ числѣ которыхъ было двадцать Коринѳскихъ.

По свидѣтельству того же Писателя (**), Милтіадъ отправлялся противъ острова Пароса съ семидесятью кораблями, принадлежавшими исключительно однимъ Аѳинамъ.

Ѳемистоклъ въ походѣ противъ Корцирянъ и морскихъ разбойниковъ имѣлъ подъ начальствомъ своимъ сто кораблей Аѳинскихъ.

Просимъ читателя справиться съ Исторіею Иродота, которой именно говоритъ (***), что Аѳинская морская сила была единственнымъ спасеніемъ Греціи, и что сухопутныя ополченія Лакедемонскія непремѣнно должны уступить Персамъ.

И такъ, какой Историкъ сказалъ, будто Аѳиняне до Персидской войны не имѣли ни кораблей, ни людей искусныхъ въ наукѣ мореходства, и будто по вторженіи Персовъ въ области Греческія, Ѳеми-

(*) Lib. VI. Cap. 89.
(**) Ibid. Cap. 132.
(***) Lib. XVII. Cap. 139.

спокль всесильнымъ словомъ своимъ мгновенно превратилъ лѣса въ корабли, а гражданъ Аѳинскихъ въ искусныхъ мореходцевъ?

Равнымъ образомъ передъ историческою критикою изчезнетъ вся чудесность первыхъ морскихъ побѣдъ, одержанныхъ Римлянами надъ Карѳагенянами, и все явится очень естественнымъ. Надобно ли слѣпо вѣрить Римскимъ Историкамъ, которые по большей части жили во времена Августовы? Не льзя ли думать, что національное тщеславіе заставило ихъ покрыть завѣсою неизвѣстности первобытныя морскія произшествія, чтобы изумить читателя внезапнымъ появленіемъ колоссальнаго флота? Развѣ не видно изъ самыхъ повѣствованій Историковъ Римскихъ, что еще при Царяхъ Римскіе корабли плавали по Средиземному морю? Не находимъ ли въ Лѣтописяхъ Республики извѣстій о Римскомъ флотѣ, бывшемъ подъ начальствомъ Дуумвира Валерія, которой, задолго до первой войны Пунической, имѣлъ дѣло съ Тарентскими морскими разбойниками? Не уже ли Римляне не получили никакихъ свѣдѣній объ искуствѣ кораблестроенія и мореплаванія отъ Грековъ, обитавшихъ въ Нижней Италіи? Если они ѣздили водою въ Грецію для получе-

нія законовъ, не уже ли искуство мореплаванія считали вещію маловажною, не заслуживающею занять ихъ вниманіе? Въ сію минуту нахожу извѣстіе объ одномъ Римскомъ флотѣ, состоявшемъ изо ста пяти-весельныхъ и двадцати трехъ-весельныхъ кораблей.

Сципіонъ появился на морѣ съ семнадцатью кораблями и былъ взятъ въ плѣнъ со всею своею флотиллією. Дуиллій — примѣтивъ, сколь неравное должно быть сраженіе между его просто сдѣланными судами, которыми управляли неопытные матросы, и кораблями Кареагенскими, господствовавшими надъ влажною стихією — выдумалъ способъ сраженія, въ которомъ его воины были искуснѣе непріятелей. Онъ прицѣпилъ желѣзными крючьями свои корабли къ Кареагенскимъ, помѣшалъ чрезъ то непріятелю дѣлать обороты, а Римлянамъ далъ средство сражаться обыкновеннымъ образомъ, то есть вблизи, въ чемъ внуки Ромуловы, какъ извѣстно, были совершенные учители.

Авторъ далѣе приводитъ морскіе подвиги Лудовика XIV и ПЕТРА Великаго. Но Франція прежде Лудовика имѣла флотъ, матросовъ и свѣдущихъ Офицеровъ; не смотря на то, сему Государю стоило великихъ усилій, потребны

были умы Кольбертовъ, чтобы купеческій флотъ превратить въ военной.

Примѣръ ПЕТРА Великаго доказываетъ, какихъ трудовъ стоитъ выучить людей искуству мореплаванія, и познакомить ихъ съ влажною стихіею. Долговременныя и усильныя старанія Государя неутомимаго, твердаго въ Своихъ намѣреніяхъ, Его примѣръ, Его могущество, введеніе Наукъ и Художествъ, приглашеніе чужестранцевъ — вотъ что нужно было, прежде нежели Россія могла стать на ряду съ морскими Державами, не смотря на то, что сама Натура, кажется, назначила ей мѣсто между ними.

И такъ изъ упомянутыхъ примѣровъ совсѣмъ не видно, что морская Тактика есть наука, которой учиться совсѣмъ не нужно, и что всякое Государство будетъ повелѣвать на моряхъ, лишь только захочетъ. Напротивъ того Исторія показываетъ намъ, что *народъ грубый и непросвѣщенный можетъ дѣлать завоеванія на сухомъ пути*; что *для мореходства требуется долговременное упражненіе, разныя искуства и знанія, и сверхъ того природная способность, обработанная опытностію*; и что *тѣмъ до высшей степени совершенства доведено въ наше время искуство мореплаванія*,

тѣмъ болѣе должны стараться націи о средствахъ имъ пользоваться, если хотятъ имѣть Нептуновъ трезубецъ въ рукахъ своихъ.

Целлеръ.

V.

Разныя извѣстія.

Нынѣшняя Оппозиція въ Англіи состоитъ изъ двухъ обществъ, Фоксистовъ и Гренвилистовъ. Тѣ и другіе соединенными силами стараются низвергнуть Г-на Питта, и разнятся между собою только въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ и видахъ. Лордъ Гренвиль объявилъ, что ему пріятно было слышать о связяхъ Короля Георга съ Россіею, и что весьма благоразумно предпринято не вступать со Франціею ни въ какіе переговоры безъ предварительнаго сношенія съ Державами твердой земли. Напротивъ того Фоксъ полагаетъ, что Англіи не надлежало заботиться о мнѣніи постороннихъ Государствъ, и что должность требовала отъ Министровъ выслушать мирныя предложенія. Изъ того видно, что Г. Фоксъ явно нападаетъ на Питта, а Лордъ Гренвиль хочетъ принудить его къ примиренію съ собою,

и потомъ заступить мѣсто Лорда Мюльграва. Весьма также вѣроятно, что онъ ищетъ способовъ дѣйствовать въ Кабинетѣ, стараясь доставить главное начальство надъ казначействомъ Марграфу Букингаму, своему брату. Сей Марграфъ имѣетъ Орденъ *Подвязки*, и 124,000 фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода.

Лордъ Мельвиль, морской Министръ, обвиненный за слабое управленїе денежною казною и за допущенїе казначею своему Троттеру отдавать въ ростъ государственныя суммы, сложилъ свое званїе по части Адмиральтейства. Г. Вайтбридъ, нападавшїй на него въ Нижнемъ Парламентѣ, симъ не удовольствовался, предложилъ Членамъ просить Короля объ удаленїи Лорда Мельвиля отъ всѣхъ должностей и объ изгнанїи его навсегда изъ Совѣта. Однакожъ сей строгой противникъ взялъ назадъ свой голосъ. Лордъ Мельвиль перенесъ великїя огорченїя; не смотря на то, доброе имя его осталось неповрежденнымъ. Всѣмъ извѣстно, что вина его состоитъ только въ послабленїи въ разсужденїи своего казначея; онъ показывалъ видъ, будто ничего не знаетъ о разсчетахъ Троттера, которые впрочемъ казнѣ не нанесли никакого ущерба, ибо деньги отданы были въ вѣрныя руки. Самъ Ко-

роль отлично уважаетъ Лорда Мельвиля; услышавъ о жаркихъ спорахъ въ Парламентѣ по сему предмету, Его Величество сказалъ: „надѣюсь, что, не смотря на обвиненія противъ Лорда Мельвиля, дѣло кончится въ его пользу, и всѣ останутся увѣренными въ его честности и въ усердіи къ націи.“ Лордъ Мельвиль въ продолженіе долговременной службы своей оказалъ отечеству важныя услуги. Онъ раздѣлялъ труды Питта, Лорда Гренвиля и Лорда Спенсера, и споспѣшествовалъ къ возведенію Англіи на верхъ славы, когда прочія Государства Европы ослабѣвали. Сорокъ лѣтъ жизни его были посвящены на службу отечества, которая увѣнчана блестящими почестями и наградами. Питтъ принимаетъ великое участіе въ защищеніи своего друга. Званіе Лорда Адмиралтейства остается до сихъ поръ празднымъ; думаютъ, что оно будетъ возложено или на Г-на Йорка, или на Лорда Гакесбури.

Въ Лондонѣ получено извѣстіе, что Французы оставили островъ Доминику, и что Рошфортская эскадра отплыла въ Мартинику и Гваделупу, взявъ прежде знатную контрибуцію съ Англійскихъ колоній, простирающуюся, по увѣренію нѣкоторыхъ, до 16000 фунтовъ стерлинговъ. — Наконецъ большая тайная экспе-

дицїя подъ начальствомъ Генерала Грайга вышла въ море. Ея назначенїе до сихъ поръ неизвѣстно; ибо не льзя положиться на слухи, которые противорѣчатъ одинъ другому.

Изъ Восточной Индїи получаются извѣстїя весьма непрїятныя. Англїйская Остъ-Индская Компанїя имѣетъ въ Голькарѣ врага очень опаснаго. Сей начальникъ Маратовъ часъ отъ часу болѣе усиливается, и получилъ уже немаловажные успѣхи въ сраженїяхъ съ отрядами войскъ Великобриттанскихъ. Мониторъ объявляетъ, что армїя Голькарова простирается до ста тысячь человѣкъ, не считая запаснаго корпуса, состоящаго изъ однихъ Европейцевъ; Французскїй Генералъ Декень, начальствующїй на островѣ Ильде-Франсѣ, присоединилъ къ нему двѣ роты легкой артиллерїи и множество Офицеровъ Генеральнаго Стаба. По послѣднимъ письмамъ изъ Бомбая видно, что Голькаръ подступилъ къ городу Дели.

*

Во ожиданїи прибытїя въ Миланъ Г-на Бонапарте, которой еще находится въ дорогѣ, въ семъ городѣ торжественно возвѣщено народу о Наполеоновомъ возшествїи на престолъ Королевства Италїи

Въ 31 й день Марта публично читанъ въ Миланѣ новой Статутъ государственный, а въ послѣдовавшїе дни въ прочихъ главныхъ городахъ департаментовъ, въ Пармѣ и Пїяченцѣ. Изъ сего заключить должно, что оба упомянутые города съ ихъ Герцогствами будутъ присоединены къ новому Королевству. Генуезскому Дожу приказано явиться съ депутацїею въ Миланъ для увеличенїя пышности коронованія. Говорятъ даже, что Королева - Правительница Этрурїйская и Король обѣихъ Сицилїй должны присутствовать на семъ праздникѣ.

Увѣряютъ, что флотъ Тулонскїй, при попутномъ вѣтрѣ, дѣйствительно вышелъ въ море. Онъ состоитъ изъ одиннадцати линейныхъ кораблей, шести фрегатовъ и двухъ корветтъ. Думаютъ, что ему велѣно сперва напасть на малую эскадру Адмирала Орда, стоящаго передъ Кадиксомъ, потомъ соединенными силами вмѣстѣ съ Испанскимъ флотомъ искать Адмирала Нельсона, которой, какъ извѣстно, давно уже отплылъ отъ береговъ Тулонскихъ. Кажется, что флотъ Брестскїй выходилъ изъ гавани только для задержанїя Англичанъ при Ламаншскомъ заливѣ. Можетъ быть, скоро услышимъ объ отплытїи соединенныхъ эскадръ при Фер-

ролѣ. Сколько флотовъ! Надобно ожидать важныхъ произшествій.

*

Г. Джефферсонъ, снова выбранный Президентомъ Республики Соединенныхъ Областей Американскихъ, торжественно присягалъ въ Сенатѣ и говорилъ прекрасную Рѣчь о тѣхъ обязанностяхъ, которыя онъ предположилъ исполнить въ продолженіе своего управленія кормиломъ Республики.

*

Европейская Турція въ скоромъ времени опять сдѣлается театромъ кровопролитій. Сербы поклялись не щадить Турковъ. Главноначальствующій надъ недовольными, Черный Георгъ издалъ новую прокламацію ко всѣмъ Сербамъ, способнымъ носить оружіе; онъ убѣдительно приглашаетъ ихъ служить отечеству и угрожаетъ смертію непослушнымъ. Съ тѣхъ поръ Сербы толпами стекаются со всѣхъ сторонъ подъ его знамена. Войско недовольныхъ раздѣлено на три главныя части; первая разположена на границахъ Босніи по рѣкѣ Дринѣ, для возпрепятствованія непріятелю ворваться въ Сербію; второе отдѣленіе занимаетъ берегъ Моравы и защищаетъ границы со стороны Булгаріи; третіе, многолюднѣйшее обѣихъ первыхъ, вмѣстѣ съ генеральною квартирою находится въ окре-

стностяхъ Остроницы, и наблюдаетъ надъ Бѣлградомъ, часъ отъ часу болѣе стѣсняя сей городъ. Кромѣ того, при Дунаѣ и при Савѣ разставлены небольшіе отряды наблюдательные для охраненія всѣхъ дорогъ и проходовъ, которыми можно войти въ Сербію. — Вообще въ семъ Княжествѣ господствуетъ великое движеніе; начиная отъ Сабача, до Бѣлграда, Остроницы и Дубака всѣ деревни совершенно пусты; мущины, способные носить оружіе, соединились съ войскомъ, а женщины, дѣти и старики спрятались въ лѣсахъ. Черный Георгъ съ осмью тысячами отборнаго войска (въ томъ числѣ конницы было 5000) занялъ Раваницу, весьма знатный монастырь, построенный Лазаремъ, Королемъ Сербскимъ, и бывшій потомъ его столицею. Еще прежде овладѣнія симъ мѣстомъ, начальникъ Сербовъ взялъ приступомъ укрѣпленный городокъ Кузаніецу, и приказавъ Христіянамъ удалиться, умертвилъ всѣхъ Турковъ, охранявшихъ крѣпость. Судя по приготовленіямъ Чернаго Георга, по его намѣреніямъ и по силѣ его оружія, надобно думать, что онъ въ скоромъ времени рѣшится на что нибудь весьма важное. Въ его войскахъ наблюдается строгой порядокъ.

*

Теперь живетъ въ Познанѣ человѣкъ, по имени Яковъ Малиновскій, которому отъ роду 158 лѣтъ. Онъ есть сынъ бѣднаго земледѣльца и родился въ 1667 мъ году въ Олечовѣ, что въ нынѣшней западной Галиціи. Лишась въ малолѣтствѣ родителей своихъ, онъ не помнитъ, кому обязанъ воспитаніемъ до пятьнадцатилѣтняго возраста, то есть до того времени, когда нѣкоторые дворяне, выѣхавшіе изъ домовъ своихъ по причинѣ свирѣпствовавшей тогда заразы, вывезли его съ собою въ отдаленныя провинціи. Онъ видѣлъ комету, появившуюся не задолго передъ моровою заразою; лично зналъ Яна Собіескаго, Польскаго Короля, и помнитъ Карла XII, бывшаго въ Польшѣ со Шведскимъ войскомъ. Онъ имѣлъ счастіе видѣть ПЕТРА Великаго, когда вмѣстѣ съ прочими товарищами былъ захваченъ и представленъ сему Государю, который милостиво приказалъ освободить его. Сей старецъ шестьдесятъ лѣтъ слишкомъ исправлялъ должность звонаря въ монастырѣ Кармелитскомъ, и еще не болѣе года прошло, какъ онъ за слабостію здоровья взялъ увольненіе. Онъ никогда не пилъ ни вина, ни водки; а пиво очень слабое началъ уже употреблять въ послѣдніе

годы; кофе, по его мнѣнію, есть самое здоровое питье, которому онъ обязанъ сохраненіемъ силъ своихъ; болѣе любилъ кушанье хлѣбенное, и рѣдко употреблялъ мясное; рыбы и раковъ совсѣмъ не ѣдалъ, и даже не могъ терпѣть ихъ запаху; не нюхалъ и не курилъ табаку въ жизнь свою. Всего страннѣе, что въ молодости онъ не любилъ женщинъ, и сочетался бракомъ уже на 80 мъ году отъ роду; на девятьдесятомъ прижилъ дѣтей близнецовъ, сына и дочь. Съ первою женою провелъ тридцать лѣтъ; овдовѣвъ, снова возложилъ на себя бразныя узы, и носилъ ихъ десять лѣтъ. По смерти второй супруги хотѣлъ опять жениться на сестрѣ покойницы, но не получилъ на то разрѣшенія отъ духовной власти; теперь проводитъ съ нею остатокъ дней своихъ въ связи пріятельской.

(*Изъ Польск. Газ.*)

*

Варшавскіе Польскіе Актеры, въ знакъ почтенія и признательности къ своему начальнику, Войцеху Богуславскому, извѣстному Драматическому Писателю и Актеру, наканунѣ имянинъ его безденежно дали блестящій спектакль, употребивъ на всѣ издержки собственныя деньги. Послѣ Комедіи, Драмы и Концерта,

которыми забавляли зрителей, одинъ изъ Актеровъ отъ имени всего общества благодарилъ публику за удостоенїе присутствїемъ своимъ ихъ торжественной благодарности такому Художнику, которому Польской театръ обязанъ своимъ бытїемъ и нынѣшнимъ состоянїемъ. Публика изъявила свое удовольствїе и одобрила благородной поступокъ признательныхъ Артистовъ.

(*Изъ Полск. Газ.*)

*

Въ Парижскомъ Журналѣ напечатано, что одна незамужняя женщина родила дѣвочку, которой физической составъ заслуживаетъ вниманїе любопытныхъ. Вотъ образованїе этаго страннаго рабенка: пуповина на лбу; шеи совсѣмъ нѣтъ; вмѣсто глазъ пустыя впадины; одна ноздря простирается до самаго глаза, другая оканчивается нѣсколько ниже; носъ очень сплюснутъ; одно ухо походитъ на уши Сатировъ; печенка снаружи; на лѣвой ногѣ шесть пальцевъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ видъ большаго пальца на рукѣ; наконецъ, на нижней части спины хвостъ, похожїй на мышїй. Младенецъ умеръ при самомъ рожденїи.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ 1805.

№ 11.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

ОДА

На разрушенїе Вавилона.

(Выбранная изъ Пророка *Исаїи.* Главы 14. ст. 5 — 28).

Свершилось! — Нѣтъ его! — Сей градъ,
Гроза и трепетъ для вселенной,
Величья памятникъ надмѣнной,
Упалъ!..... Еще вдали горятъ
Остатки роскоши полмертвой! —
Тиранъ погибъ тиранства жертвой,
Замолкъ торжествъ и славы кличь!
Яремъ позорной прекратился
Желѣзной скиптръ переломился,
И сокрушенъ народовъ бичь! —

Таковъ ЕГОВА, Царь побѣдъ! —
Таковъ Предвѣчный правды Мститель! —
Скончался въ мукахъ нашъ мучитель,
Изсякло море нашихъ бѣдъ! —
Воскресла радость, миръ блаженный;
Подвигнулся Ливанъ священный,
Главу подъемлетъ къ небесамъ;
Въ восторгѣ кедры встрепетали:
Ты умеръ наконецъ, вѣщали,
Теперь, чего страшиться намъ?...

*

Трясется адъ, сомнѣнья полнъ,
Тебя срѣтая въ мрачны сѣни;
Бѣгутъ испуганныя тѣни,
Какъ въ бурю сонмы бѣлыхъ волнъ!
Цари, Герои царствъ прешедшихъ
Встаютъ съ престоловъ потемнѣвшихъ,
Чудовище земли узрѣть;
Какъ? — ты, равнявшійся съ богами, —
И ты теперь сравнялся съ нами,
Не думавъ, вѣчно умереть! —

*

Почто теперь тебѣ во слѣдъ
Величье, пышность не дерзаетъ? —
Почто теперь не услаждаетъ
Твою надмѣнность звукъ побѣдъ?
Ты не взялъ ничего съ собою;
Какъ тѣнь, изчезло предъ тобою
Волшебство льстивыхъ, свѣтлыхъ дней. —
Ты въ жизнь копилъ себѣ мученье;

Твой домъ есть ночь; твой одръ — гніенье,
Покровъ — кипящій рой червей! —

*

Высоко на горахъ небесъ
Свѣтило гордое блистало;
Вчера всѣхъ взоры ослѣпляло;
Сегодни смотрятъ — блескъ изчезъ. —
Вчера смирялъ народы въ страхѣ;
Смиренъ сегодни тлѣетъ въ прахѣ! —
Вчера мечталъ съ собою ты:
„Взнесусь, пойду надъ облаками,
„Поставлю тронъ между звѣздами,
„Попру Сіона высоты,

*

„Простру повсюду гнѣвъ и страхъ,
„Устрою небеса чертогомъ
„И буду въ немъ всесильнымъ Богомъ!“ . . .
Изрекъ, и превратился въ прахъ!
Идетъ сегодня путникъ бѣдной,
И зритъ въ пустынѣ трупъ твой блѣдной
На пищу брошенный звѣрямъ!
Стоитъ, не вѣритъ въ изумленьи;
Потомъ въ сердечномъ сокрушеньи
Возводитъ взоръ свой къ небесамъ:

*

Не се ли ужасъ нашихъ дней? —
Не сей ли, варварской десницей,
Содѣлалъ цѣлой міръ темницей,
Жилищемъ глада, бѣдъ, скорбей? . . .
Никто предъ смертію не станетъ! — —

Но память добрыхъ не увянетъ!
Ихъ прахъ святится отъ сыновъ. —
Благою славой огражденный,
Слезами бѣдныхъ оживленный,
Онъ спитъ въ обители отцовъ! —

*

Единъ твой трупъ въ позорѣ и срамѣ
Лежитъ на грозномъ полѣ брани!
Земля послѣдней, бѣдной дани
Не хочетъ дать твоимъ костямъ. —
Своей земли опустошитель,
Народа своего гонитель
Лежишь межъ трупами враговъ,
Лишенный чести погребенья;
А тамъ, — свиститъ духъ бурный мщенья
Противъ сыновъ твоихъ сыновъ!

*

Рази, губи, карай злой родъ,
Прокляты вѣтви корня злова!
Въ нихъ скрыта язва, гибель нова!
Въ нихъ новой плѣнъ для насъ растётъ! —
Всесильный рекъ: — „Я самъ возстану,
Приду, одѣнусь въ бури, гряну,
И истреблю все племя злыхъ.
Въ градахъ ихъ звѣри поселятся;
Ихъ земли моремъ поглотятся,
Погибнетъ съ шумомъ память ихъ!“

*

Изрекъ! — и святъ Его обѣтъ,
И вѣчно нерушимо слово! —

Изрекъ! — событіе готово! —
Израиль! — лести въ Богѣ нѣтъ! . . .
ЕГОВА сломитъ рогъ тиранства,
И узы тягостные рабства
Огнемъ и кровію сожжетъ;
Подниметъ руку надъ вселенной,
И — кто удержитъ громъ разженной!
Кто съ Богомъ брани въ брань пойдетъ? . . .

А. А. А.

II.

Историческія извѣстія о Желѣзной Маскѣ (*).

Первое историческое извѣстіе о рожденіи и воспитаніи несчастнаго Принца, котораго Кардиналы Решельё и Мазаринъ скрыли отъ свѣта, и которой, по повелѣнію Лудовика XIV, провелъ всю жизнь свою въ тюремномъ заключеніи. Писано самимъ воспитателемъ не задолго предъ своею кончиною.

Несчастный Принцъ, мною воспитанный, надъ которымъ я имѣлъ надзираніе до самой моей смерти, родился въ 5й день Сентя-

---

(*) Взятыя изъ записокъ Дюка Ришельё. Сіи записки о Желѣзной Маскѣ не многимъ еще извѣстны, даже въ чужихъ краяхъ. Если онѣ столько же справедливы, сколько

бря 1638 года, около девяти часовъ съ половиною послѣ полудня, въ то самое время, когда Король ужиналъ. Его братъ, нынѣ царствующій, родился въ полдень, того же числа, во время обѣда. Чѣмъ болѣе радовались рожденію нынѣшняго Короля (Лудовика XIV), тѣмъ печальнѣе встрѣтили появленіе на свѣтъ брата его, и тѣмъ болѣе старались таить сіе произшествіе. Когда бабка повивальная донесла Лудовику XIII, что Королева, его супруга, скоро разрѣшится отъ бремени другимъ младенцемъ, онъ приказалъ удалить изъ комнаты всѣхъ, кромѣ Канцлера Франціи, повивальной бабки, Великаго Омонье, Духовника Королевина, и меня; намъ надлежало быть свидѣтелями рожденія другаго Принца и совершенія воли Королевской.

Уже давно предвѣщено было, что Королева разрѣшится отъ бремени двумя младенцами. За нѣсколько дней передъ симъ, появившіеся въ Парижѣ какіе-то пастухи утверждали, будто имѣютъ о

любопытны, то вопросъ о Желѣзной Маскѣ можно почитать рѣшеннымъ — вопросъ, которой сто лѣтъ былъ для Европы загадкою. *Изд.*

томъ достовѣрное свѣдѣнїе посредствомъ сверхъ-естественнаго откровенїя. Потомъ разнеслись слухи въ Парижѣ, что если Королева въ самомъ дѣлѣ родитъ двухъ Дофиновъ, то одинъ изъ нихъ будетъ виною великаго несчастїя для Францїи. Архїепископъ Парижскїй велѣлъ взять подъ стражу провѣщателей и содержать ихъ въ Гошпиталѣ Лазаря; ибо они произвели безпокойство и волненїе въ народѣ. Самъ Государь крайне былъ озабоченъ, боясь несчастныхъ слѣдствїй для всего Королевства. Предвѣщанїе пастуховъ сбылось. Можетъ быть они предузнали о томъ по теченїю звѣздъ; можетъ быть Провидѣнїю было угодно отвратить несчастїе, угрожавшее Францїи (*). Кардиналъ Ришельё, къ которому Король посылалъ нарочнаго съ увѣдомленїемъ о мнимомъ пророчествѣ, отвѣчалъ, что „надобно заблаговременно взять осторожныя мѣры; что рожденїе двухъ Дофиновъ есть дѣло возможное; что въ такомъ случаѣ надобно будетъ скрыть другаго Дофина, ибо легко можетъ ему придти охота сдѣлаться

(*) Можетъ быть. Болѣе нечѣмъ извинить нелѣпое суевѣрїе, господствовавшее тогда при Дворѣ Французскомъ. Кажется, и самъ Авторъ имѣлъ теплую вѣру къ Астрологїи. *Изд.*

Королемъ и для достиженія своей цѣли составить партію противъ брата."

Король былъ въ мучительной неизвѣстности. Болѣзненные стоны Королевы показывали приближеніе другихъ родовъ. Мы велѣли доложить Королю, которой приходилъ въ большее смятеніе, по мѣрѣ того, чѣмъ болѣе удостовѣрялся въ истинѣ скораго рожденія другаго младенца. Велѣвши впустить Епископа Омонье въ комнату Королевы, онъ сказалъ ему: „Будьте неотлучно при моей супругѣ до тѣхъ поръ, пока она не разрѣшится; я мучусь, безпокоясь о ней." Скоро потомъ онъ позвалъ къ себѣ всѣхъ насъ, и сказалъ въ слухъ, такъ чтобы могла слышать Королева: „Вы будете отвѣчать вашими головами, если разгласите о рожденіи втораго моего сына; это должно оставаться тайною Государственною, для предотвращенія пагубныхъ слѣдствій: ибо законъ Салійскій ничего не опредѣляетъ о наслѣдствѣ Престола въ случаѣ рожденія двухъ Принцевъ."

Пророчество сбылось. Когда Король, какъ сказано выше, сидѣлъ за вечернимъ столомъ, супруга его разрѣшилась отъ бремени вторымъ Дофиномъ, гораздо прекраснѣйшимъ перваго; невинной младенецъ безпрестанно кричалъ и плакалъ, какъ будто раскаеваясь, за чѣмъ пришелъ въ

мїръ сей, въ которомъ опредѣлено ему претерпѣть много бѣдствїй. Канцлеръ сочинилъ протоколъ о семъ рожденїи удивительномъ, единственномъ въ Исторїи Францїи; Король не одобрилъ его и сжегъ въ нашемъ присутствїи. Надлежало нѣсколько разъ снова приниматься за работу, пока наконецъ Его Величество осталcя довольнымъ. Омонье предлагалъ Королю, что совсѣмъ не должно таить рожденїя Принца; но Король былъ не преклоненъ, утверждая, что „имѣетъ на то важныя причины Государственныя."

Насъ заставили подписать клятвенное обѣщанїе въ ненарушимомъ храненїи сей важной тайны. Сперва подписалъ Канцлеръ, потомъ Великїй Омонье, Духовникъ Королевы, я, бабка повивальная и Лѣкарь. Король взялъ къ себѣ нашу присягу съ протоколомъ, и я болѣе никогда уже не видалъ ихъ. Помню, что Его Величество говорилъ съ Канцлеромъ о формѣ присяги, и потомъ долго разговаривалъ съ нимъ тихимъ голосомъ о Кардиналѣ, чего однакожъ мнѣ не льзя было слышать. Новорожденное дитя отдано было подъ присмотръ повивальной бабкѣ, которая сказывала мнѣ, что ей часто угрожали смертною казнїю, если осмѣлится хоть одно слово выпустить о Принцѣ. Намъ,

свидѣтелямъ рожденія, также строжайше было запрещено упоминать о томъ.

Никто изъ насъ не нарушилъ клятвы. Его Величество ничего столько не боялся, какъ войны междоусобной, которую послѣ его смерти близнецы порфирородные могли бы возпламенить въ Государствѣ. Кардиналъ старался питать въ Государѣ страхъ сей, взявъ на себя попеченіе о надзираніи надъ младенцемъ. — Король приказалъ намъ осмотрѣть несчастнаго Принца; по освидѣтельствованіи найдено, что онъ имѣетъ одну бородавку выше лѣваго локтя, другую меньшую на бедрѣ и наконецъ желтоватое пятнышко на шеѣ. Намѣреніе Короля было — въ случаѣ смерти первороднаго сына, сдѣлать сего наслѣдникомъ Престола. По сей причинѣ Его Величество потребовалъ, чтобы мы приложили свои печати на протоколѣ подъ печатью Королевскою. Неизвѣстно мнѣ, что сдѣлалось съ пастухами, пророчествовавшими о рожденіи Принца; сказать правду, я не имѣлъ охоты и спрашивать о томъ. Вѣроятно, Кардиналъ назначилъ для нихъ *надежное* пристанище.

Г-жа Перонетъ содержала Принца, какъ собственнаго своего сына. Его считали за незаконнорожденнаго младенца,

одолженнаго бытїемъ своимъ одному изъ тогдашнихъ Вельможъ: судя по тщательному воспитанїю и по издержкамъ, на него употребляемымъ, заключали, что онъ былъ любимой сынъ весьма богатаго человѣка.

Когда Принцъ нѣсколько подросъ, Кардиналъ Мазаринъ, послѣ смерти Кардинала Ришелье, взявши на себя попеченїе о надзиранїи надъ нимъ, поручилъ его мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я скрытнымъ образомъ старался воспитывать его и учить, какъ сына Королевскаго. Г-жа Перонетъ неотлучно находилась подлѣ Принца до самой своей смерти; любила его нѣжно, и еще болѣе взаимно была имъ любима. Принцъ жилъ и воспитывался, какъ прилично сыну и брату Королевскому, въ моемъ сельскомъ домѣ, въ Бургони.

Въ продолженїе внутреннихъ смятенїй во Францїи, я часто разговаривалъ съ Королевою — Матерью. Ея Величество крайне боялась, чтобы юной Король когда нибудь не узналъ о своемъ братѣ; боялась, чтобъ это не было поводомъ къ войнѣ междоусобной, ибо Врачи утверждали, что тотъ изъ близнецовъ, который родился послѣ своего брата, зачался въ матерней утробѣ прежде, слѣдственно имѣетъ большее право на корону — впро-

чемъ другіе Врачи несогласны съ симъ мнѣніемъ (*).

Сколько ни безпокоилась Королева, но не рѣшилась уничтожить письменнаго свидѣтельства о рожденіи своего сына. Она также имѣла намѣреніе — въ случаѣ смерти Короля, старшаго сына — объявить о правахъ несчастнаго Принца и торжественно признать его своимъ сыномъ, не смотря на то, что имѣла еще одного. По сей-то причинѣ — какъ сама много разъ сказывала мнѣ — она тщательно берегла въ своей шкатулкѣ письменное свидѣтельство.

Я воспиталъ Принца такъ, какъ желалъ бы самъ быть воспитаннымъ; никакой Принцъ не могъ получить лучшаго моральнаго образованія. Въ томъ только могу упрекать себя, что я неумышленно сдѣлалъ его несчастнымъ. На девятнадцатомъ году возраста ему сильно захотѣлось узнать о своемъ состояніи. Онъ видѣлъ, что я твердо рѣшился ни-

---

(*) Какимъ же образомъ узнали сіи Врачи о тайнѣ, которая извѣстна была весьма немногимъ особамъ, присягнувшимъ не разглашать о ней? Читатели замѣтятъ еще нѣкоторыя противурѣчія; совсѣмъ тѣмъ сіе извѣстіе достойно примѣчанія. *Изд.*

когда не открывать ему сей тайны; видѣлъ, что чѣмъ неотступнѣе просилъ меня, тѣмъ болѣе находилъ во мнѣ упорности. Съ того времени онъ рѣшился скрывать свое любопытство; рѣшился заставить меня думать, будто въ самомъ дѣлѣ почитаетъ себя моимъ сыномъ, рожденнымъ отъ незаконнаго ложа. Я часто говорилъ ему, когда онъ безъ свидѣтелей называлъ меня батюшкою, что онъ ошибается; однакожъ не старался удерживать его чувствованій, которыя, можетъ быть, онъ умышленно изъявлялъ, чтобы вывѣдать тайну. Я оставилъ его во мнѣніи, будто онъ сынъ мой; казалось, что онъ успокоился, но въ самомъ дѣлѣ безпрестанно искалъ способовъ узнать о своемъ истинномъ званіи.

Такъ прошли два года. Наконецъ, по моей неосторожности, въ которой имѣю причины упрекать себя, Принцъ узналъ тайну. Ему было извѣстно, что Король съ нѣкотораго времени иногда присылалъ ко мнѣ нарочныхъ. По несчастію, онъ добрался до моей шкатулки, въ которой хранились письма отъ Королевы и отъ обоихъ Кардиналовъ. Онъ успѣлъ прочитать часть сихъ писемъ, а о прочемъ легко догадался по остротѣ ума своего, которою Природа щедро надѣлила его. Я узналъ

послѣ, что ему попалось на то самое письмо, которое обнаруживало тайну.

Помню, что съ тѣхъ поръ онъ перемѣнилъ свое обхожденіе со мною; сдѣлался пасмурнымъ и суровымъ, бывъ прежде почтительнымъ и привѣтливымъ: однакожъ мнѣ не льзя было узнать причину такой перемѣны. Я никакъ не могъ дойти, какимъ образомъ удалось ему перерыть мою шкатулку; онъ самъ никогда не хотѣлъ признаться мнѣ, какія употребилъ къ тому средства; можетъ быть, не почиталъ нужнымъ объявлять о своемъ соучастникѣ, или хотѣлъ утаить самое средство.

Кромѣ того онъ имѣлъ неосторожность потребовать отъ меня портреты Королей, умершаго и владѣющаго. Я отвѣчалъ ему, что портреты, которые имѣю у себя въ домѣ, очень дурно написаны, и что ожидаю, пока искуснѣйшіе Живописцы приготовятъ лучшія изображенія. Это не удовлетворило моего питомца. Спустя немного, онъ попросилъ у меня дозволенія побывать въ Дижонѣ. Послѣ я увѣдомился, что его намѣреніе было, увидѣвъ портретъ Короля, ѣхать въ Сен-Жанъ-де-Люсъ (гдѣ въ то время Дворъ имѣлъ свое пребываніе по случаю бракосочетанія) взглянуть на своего брата и сравнить

сходство лица его съ своимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ удалось мнѣ узнать о причинѣ путешествія, я боялся спускать его съ глазъ моихъ.

Молодой Принцъ былъ собою прекрасенъ, какъ богъ любви; этотъ же самой божокъ помогъ ему достать портретъ брата. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ понравилась ему бывшая въ моемъ домѣ одна молодая служанка; онъ старался приласкаться къ ней, склонилъ ее на свою сторону, и выманилъ у нее портретъ Короля, не смотря на то, что я людямъ своимъ строго запретилъ отдавать ему какія-либо вещи. Принцъ узналъ себя въ портретѣ, которой имѣлъ съ нимъ великое сходство. Въ ярости онъ вбѣжалъ въ мою комнату и вскричалъ, указывая на портретъ: „это братъ мой, а это я!“ потомъ показалъ мнѣ письмо отъ Кардинала Мазарина, которое досталъ изъ моей шкатулки.

Послѣ сего произшествія, крайне опасаяся, чтобы Принцъ не бѣжалъ отъ меня, я отправилъ нарочнаго къ Королю съ извѣстіемъ о нечаянномъ открытіи тайны и просилъ наставленія въ разсужденіи дальнѣйшихъ предпріятій. Немедленно получено чрезъ Кардинала Королевское повелѣніе обоихъ насъ взять подъ стражу и

содержать впредь до объявленія воли Монаршей; при чемъ дано знать Принцу, что онъ поведеніемъ своимъ на обоихъ насъ навлекъ несчастіе. Я находился при немъ въ заключеніи даже до сего времени, въ которое, по опредѣленію Верховнаго Судіи, долженствую оставить міръ сей. Совѣсть заставляетъ меня объявить моему питомцу о возможности избавиться отъ темницы, въ такомъ случаѣ, когда Король умретъ бездѣтнымъ. Вынужденная присяга не можетъ препятствовать открытію чудесныхъ произшествій, которыя потомству должны быть извѣстны.

Второе историческое извѣстіе. Вольтеръ, собравши достовѣрныя сказанія о Желѣзной Маскѣ, повѣствуетъ слѣдующее въ книгѣ своей: *Вѣкъ Лудовика* XIV.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Кардинала Мазарина, случилось произшествіе, которому не было примѣра; всего страннѣе, что никто изъ Историковъ не зналъ о немъ. Одинъ неизвѣстный арестантъ, молодой, прекрасной, благороднаго вида, роста болѣе нежели обыкновеннаго, былъ посланъ съ великою скрытностію въ замокъ острова Св. Маргариты, что на берегу Прованскомъ. Сей арестантъ, находясь въ дорогѣ, имѣлъ на лицѣ своемъ

маску, которой нижняя часть, бывъ сдѣлана со стальною пружиною, не препятствовала ему ѣсть; было приказано умертвить арестанта, еслибъ онъ отважился открыть лице свое. Онъ содержался на островѣ до тѣхъ поръ, пока одному Чиновнику, именемъ Сен-Мару, Губернатору Пиньероля, бывшему у Двора въ довѣренности, въ 1690мъ году, не пожаловано мѣсто Бастильскаго Губернатора. Сей Чиновникъ, взявъ арестанта съ собою изъ острова Св. Маргариты, повезъ его, также закрытаго маскою, въ Бастилью. Маркизъ Лувуа, еще до перемѣщенія, посѣщалъ его на островѣ, разговаривалъ съ нимъ стоя, и съ глубокимъ почтеніемъ. Незнакомой, по прибытіи въ Бастилью, занялъ самые лучшіе покои въ замкѣ: ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ особенно любилъ весьма тонкое бѣлье и кружева. Игралъ на гитарѣ. Кушанья для него готовили самыя вкусныя, и Губернаторъ рѣдко передъ нимъ садился. Старой Докторъ Бастильской, которой часто пользовалъ неизвѣстнаго въ болѣзненныхъ припадкахъ, сказывалъ, что никогда не видалъ его лица, хотя не рѣдко осматривалъ языкъ его и другія части тѣла. По свидѣтельству сего же Доктора, арестантъ былъ весьма строенъ, имѣлъ цвѣтъ тѣла темноватой; плѣнялъ тономъ своего голо-

са, никогда не жаловался на судьбу свою и не подавалъ никакого знака догадываться о своемъ состоянiи. Одинъ весьма извѣстный Врачь, зять упомянутаго Докпора, бывшiй прежде въ службѣ Маршала Ришелiё, увѣрялъ меня въ справедливости сихъ извѣстiй; Г. Бернавиль, преемникъ Сен-Мара, такъ же не одинъ разъ подтверждалъ мнѣ слова Докторова зятя.

Незнакомой умеръ въ 1703мъ году и погребенъ ночью въ приходѣ Св. Павла. Всего удивительнѣе, что въ то время, когда арестантъ посланъ былъ на островъ Св. Маргариты, ни одинъ изъ людей, извѣстныхъ въ Европѣ, не пропалъ безъ вѣсти. Не льзя сомнѣваться, что сей незнакомой былъ человѣкъ знаменитой. Вотъ, что случилось въ первые дни послѣ его прибытiя на островъ. Самъ Губернаторъ носилъ къ нему блюда съ кушаньемъ, запиралъ дверь и опять уходилъ отъ него. Однажды арестантъ, написавъ нѣчто ножемъ на серебрянной тарелкѣ, выбросилъ ее за окно къ стоящей на берегу подъ башнею лодкѣ; рыбакъ, которому лодка принадлежала, поднявъ тарелку, принесъ ее къ Губернатору. Устрашенный Губернаторъ спросилъ рыбака: „читалъ ли ты, что написано на тарелкѣ, и видѣлъ ли

кто-нибудь ее въ рукахъ твоихъ?" — Я не умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ; теперь только я поднялъ тарелку, и никто не видалъ ее. — Крестьянинъ былъ взятъ подъ стражу и содержанъ до тѣхъ поръ, пока Губернаторъ не развѣдалъ, что онъ дѣйствительно безграмотенъ и что никто не видалъ тарелки. „Ступай съ Богомъ" сказалъ ему Губернаторъ: „ты счастливъ, что не умѣешь читать." Изъ числа особъ, которымъ непосредственно извѣстно сіе произшествіе, одна достойная всякаго вѣроятія и теперь еще въ живыхъ находится. Г. Шамильяръ былъ послѣдній изъ Министровъ, знавшихъ о сей удивительной тайнѣ; зять его, Маршалъ Фейльядъ, сказывалъ мнѣ, что онъ передъ смертію тестя своего, на колѣняхъ стоя, заклиналъ его объявить, кто такой былъ человѣкъ, извѣстной подъ именемъ *Желѣзной Маски*; Шамильяръ отвѣчалъ, что это тайна Государственная, и что онъ присягнулъ никому не открывать ее. — Многіе изъ моихъ современниковъ подтверждаютъ истину сказаннаго, и я не знаю произшествія, ни болѣе удивительнаго, ни менѣе подверженнаго сомнѣнію.

Третіе историческое извѣстіе. Многіе анекдоты объ Арестантѣ съ желѣзною маскою

дошли къ намъ отъ Ленгета, которой слышалъ ихъ отъ престарѣлыхъ Офицеровъ и чиновниковъ, во время долговременнаго своего заключенія въ Бастильи. Слѣдуютъ нѣкоторыя обстоятельства сихъ анекдотовъ.

1.

Арестантъ имѣлъ на лицѣ маску, не желѣзную, но бархатную, по крайней мѣрѣ во время его пребыванія въ Бастильи.

2.

Самъ Губернаторъ служилъ ему и перемѣнялъ на немъ бѣлье.

3.

Ему строжайшимъ образомъ было запрещено говорить, или снимать маску, когда выходилъ слушать обѣдню. Въ противномъ случаѣ инвалиды, у которыхъ ружья заряжены были пулями, имѣли повелѣніе стрѣлять въ арестанта. Онъ самъ наблюдалъ крайнюю осторожность, и старался скрывать себя.

4.

Послѣ его смерти, всѣ мебели, бывшія въ его употребленіи, сожжены; полъ и потолокъ въ его комнатѣ выломаны; всѣ углы и закоулки, всѣ мѣста, гдѣ только можно было спрятать лоскутокъ бумаги, пересмотрѣны; словомъ, ничего не было

упущено для открытія, не оставилъ ли онъ какого нибудь знака о своемъ званіи.

5.

Священники не знали ни имени его, ни возраста. Я нашелъ въ Журналѣ Бастильскомъ записку объ его погребеніи слѣдующаго содержанія:

„1703 Года Ноября 19 го дня въ Бастильи умеръ Маршіали, имѣя отъ роду около сорока пяти лѣтъ. Тѣло его погребено 20 го числа подлѣ церкви Св. Павла въ присутствіи Майора Розаржа и Бастильскаго Штабъ-Лѣкаря Рейля, которые оба здѣсь подписались.

Розаржъ. Рейль."

Извѣстно, что послѣ его смерти было приказано сжечь безъ изъятія все, что служило для его употребленія, какъ-то: бѣлье, платье, тюфяки, одѣяла, даже двери отъ его комнаты, кровати и стулья. Серебрянной столовой приборъ его переплавленъ; стѣны комнаты, въ которой онъ жилъ, соскоблены и вновь выкрашены; даже подъ поломъ искали, не брошена ли какая нибудь бумага, или записка.

Изъ сихъ извѣстій и отрывковъ историческихъ ясно видно, что Арестантъ съ желѣзною маскою былъ двойнишный братъ Лудовика XIV. Маршалъ Ришелье

съ давнихъ лѣтъ хранилъ въ тайнѣ извѣстія объ Арестантѣ съ желѣзною маскою. Аббатъ Сулави нѣкогда попросивъ у него позволеніе говорить о семъ предметѣ, сказалъ ему: „Вы, по благосклонности своей, изволили сообщить мнѣ важныя бумаги, относящіяся до Исторіи вашего времени; вы пожаловали мнѣ многія извѣстія о тайныхъ произшествіяхъ. Могу ли послѣ этого просить васъ объ оказаніи еще одной милости? Скажите мнѣ, что надлежитъ думать о Желѣзной Маскѣ? Весьма полезно будетъ, если позволите мнѣ въ вашихъ Запискахъ открыть потомству тайну, столь важную. Лудовика XIV давно уже нѣтъ на свѣтѣ; тринадцать лѣтъ уже прошло послѣ смерти Лудовика XV; нашъ Король добръ и милостивъ; онъ въ свое царствованіе дозволяетъ намъ пользоваться выгодами свободнаго книгопечатанія; особы, которыя участвовали въ храненіи тайны, уже всѣ померли. Чего теперь опасаться правительству, въ разсужденіи произшествій, случившихся передъ симъ за сто лѣтъ? Связи ваши съ покойнымъ Королемъ, съ его любимицами, которыя всегда хотѣли знать тайны, со всѣми старыми Чиновниками придворными, которые съ особливымъ любопытствомъ старались развѣдывать о таинственномъ узникѣ, сіи

связи, безъ сомнѣнія, доставили вамъ средство получить достовѣрныя свѣдѣнія. Вы объяснили тайну Вольтеру, но онъ не осмѣлился открыть ее свѣту. Скажите, не правда ли, что узникъ былъ братъ Лудовика XIV и что Лудовикъ XIII не зналъ объ его рожденіи?"

Казалось, что Маршалъ пришелъ въ замѣшательство отъ сихъ вопросовъ. Ему не хотѣлось объявить истины, но не хотѣлось также отказать Аббату въ отвѣтѣ. И такъ онъ сказалъ только, что неизвѣстный арестантъ не былъ ни Герцогъ Монмутъ, ни Графъ Вермандоа, ни Дюкъ Бофоръ, ниже братъ Лудовика XIV отъ незаконнаго ложа, какъ многимъ Писателямъ угодно было разсказывать; все это и Лудовикъ XV называлъ бреднями. Однакожъ, прибавилъ Маршалъ, многіе весьма важные анекдоты сдѣлались извѣстными. — Маршалъ признался также, что дѣйствительно приказано было умертвить арестанта, если бы онъ отважился открыть себя. Ришельё кончилъ короткой разговоръ сей признаніемъ, что ему извѣстна тайна. „Но все, что могу сказать, — продолжалъ онъ — состоитъ въ слѣдующемъ: арестантъ, умершій въ началѣ нынѣшняго столѣтія, наконецъ не былъ опасенъ; напротивъ того, когда Лудо-

викъ XIV началъ самъ править Королевствомъ, онъ заключенъ въ темницу по важнымъ причинамъ Государственнымъ."

Аббатъ Сулави написалъ отвѣтъ сей въ присутствіи Маршала и далъ ему прочесть. Маршалъ требовалъ поправки въ нѣкоторыхъ словахъ; но когда Аббатъ просилъ прибавить нѣсколько замѣчаній, которыя, не обнаруживая тайны, удовлетворили бы любопытство Французовъ, Маршалъ сказалъ: „прочтите написанное Г-мъ Вольтеромъ объ арестантѣ и подумайте о томъ прилѣжно."

(*Изъ иностр. Журн.*)

III.

Мнѣніе о Вольтерѣ, какъ объ Историкѣ.

Школьникъ, выучившій наизусть Французскую Исторію, разположенную по вопросамъ и отвѣтамъ, отставной Каноникъ, въ жизнь свою ничего не читавшій, кромѣ *Городской поварихи*, добренькая старушка, просвѣтившая умъ свой безпрестаннымъ чтеніемъ прологовъ — кричатъ тономъ учительскимъ: „Вольтеръ есть Историкъ самой несправедливой, самой невѣрной!"

Съ другой стороны, кажется, ученая Европа согласилась, что Робертсонова Исторія Карла V принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ произведеній изтекшаго столѣтія. Одно введеніе доставило бы славу безсмертную своему Автору. Выпишемъ же отъ слова до слова изъ втораго Тома мѣсто, достойное вниманія. Вотъ оно:

„Я ни одинъ разъ не ссылался на Вольтера, совсѣмъ не потому, чтобы презиралъ творенія сего необыкновеннаго человѣка, котораго смѣлый, все объемлющій умъ упражнялся во всѣхъ родахъ Словесности. Въ большей части онъ оказался превосходнымъ; вездѣ пріятно занимаетъ, вездѣ наставляетъ Читателя; жаль только, что мало оказывалъ уваженія къ Религіи.

Онъ былъ путеводителемъ въ ученыхъ моихъ изысканіяхъ; показывалъ мнѣ не только событія, на которыхъ нужно было останавливаться, но даже на слѣдствія, которыя выводить надлежало. Если бы онъ упоминалъ названія сочиненій, содержащихъ въ себѣ сказанія о подробностяхъ произшествій, тогда трудъ мой уменьшился бы большею половиною, а многіе изъ читателей, полагающіе Вольтера

въ числѣ Авторовъ пріятныхъ и занимательныхъ, увидѣли бы въ немъ *Историка ученаго, глубокомысленнаго.*

Теперь спрашиваемъ во всей тучѣ этой саранчи, озлившейся противъ Вольтеровой тѣни, есть ли хотя одинъ человѣкъ, которой могъ бы уничтожить свидѣтельство знаменитаго Историка, описавшаго дѣянія Карла V?

Должно замѣтить, что онъ былъ Священникъ и Докторъ Богословіи: если не соглашался со всѣми мнѣніями Вольтера, по крайней мѣрѣ не думалъ, чтобы частная причина могла заставить не уважать чрезвычайныхъ дарованій великаго Мужа.

Не хотимъ Г-на Шатобріана ставить на ровнѣ съ Робертсономъ, однакожъ здѣсь его свидѣтельство не можетъ быть подозрительнымъ. Онъ говоритъ ясно и вразумительно въ своей книгѣ: *Духъ Христіянства*: „Послѣ Боссюэта, Вольтеръ есть первый Французскій Историкъ.“

(*Изъ Пар. Журн.*)

IV.

Ванъ - Дикъ (*).

Ванъ - Дикъ былъ ученикомъ, другомъ и совмѣстникомъ Рубенса. Его картины историческія, которыхъ главное достоинство состоитъ въ изящности красокъ, въ согласіи, въ движеніи и выразительности, однѣ пріобрѣли бы творцу своему великую славу; истину сего доказываютъ его произведенія, хранящіяся въ Музеумѣ, а особливо картина *Св. Мартенъ* и такъ называемая *Мать Состраданія*, два мастерскіе образца силы, богатства и согласія живописнаго тона. Но онъ болѣе занимался писаніемъ портретовъ, удивительныхъ произведеній кисти его, и въ семъ родѣ Искусства, утвердившемъ и разпространившемъ славу его, имѣлъ весьма немногихъ соперниковъ. Безъ сомнѣнія, талантъ чрезвычайный и единственный писать портреты, заставилъ его исключительно заниматься симъ родомъ Живописи, такъ что, за множествомъ работы, ему не оставалось времени на другія упражненія. Ван-

(*) Изъ Монитера. Для угожденія читателямъ Вѣстника, любящимъ Живопись, будетъ сообщено еще нѣсколько извѣстій о славнѣйшихъ Художникахъ. *Изд.*

Дикъ, пробѣгая славное поприще свое, пожиналъ лавры и сокровища.

Достоинство кисти его состоитъ: въ совершенствѣ краски, въ легкой и остроумной замашкѣ, въ разположенїи свѣта и тѣни, разположенїи тѣмъ болѣе удивительномъ, что скрыто искуство Живописца; но главная, отличительнѣйшая черта есть — соединенїе плѣняющей прїятности съ убѣдительною разительностїю. Кажется, въ начертанныхъ имъ лицахъ видите Героевъ, которыхъ Поэты представляютъ намъ кроткими, чувствительными, сострадательными среди семейства и страшными на полѣ брани. Онъ получилъ первыя понятїя объ изяществѣ колорита и къ нимъ навыкъ въ школѣ Рубенсовой; въ Венецїи трудился надъ усовершенствованїемъ того и другаго; созерцанїя Натуры увѣнчало подвигъ его блестящими успѣхами.

Рубенсъ чувствовалъ во всей силѣ Поэзїю красокъ; Ван-Дикъ лучше обнялъ умомъ своимъ истину и тонкость. Упражненїе въ списыванїи портретовъ необходимо требуетъ напряженнаго вниманїя, глубокихъ изысканїй, чтобы достигнуть до точки совершенства въ подражанїи цвѣтамъ (couleur) изображаемыхъ предметовъ; чѣмъ прилѣжнѣе кто старается писать

съ натуры, тѣмъ болѣе глаза его пріучаются къ истинной гармоніи. Историческая Живопись не требуетъ такой строгой точности. Рисовка Ван-Дика отличается огнемъ (*) и правильностію. Онъ не имѣетъ Рубенсовой силы, не имѣетъ его величія въ характерѣ, но превосходитъ его правильностію. Ван-Дикъ удивительнымъ образомъ рисовалъ портреты; никогда кисть его не производила головы безъ ума, безъ жизни, безъ величественной наружности. Одинъ Тиціанъ можетъ спорить съ нимъ въ портретной Живописи; оба они изобилуютъ красотами, но въ разныхъ видахъ, и сіе различіе произходитъ отъ разности ихъ моделей. Тиціанъ изображалъ Италіянцевъ съ величественными лицами, на которыхъ цвѣтетъ здоровье; отъ того и картины его величественнѣе, важнѣе, суровѣе, нежели портреты его соперника. Напротивъ того Ван-Дикъ почти всегда писалъ съ Фламандцевъ и Англичанъ, которыхъ цвѣтъ лица живѣе и

(*) Переводившій сію статью, при всемъ стараніи своемъ, не могъ обойтись безъ смѣлыхъ Метафоръ; впрочемъ это не есть руководство для начинающихъ учиться Живописи, но статья, писанная для занятія свѣтскихъ читателей. *Изд.*

нѣжнѣе; отъ того колоритъ его ярче, свѣжѣе, разнообразнѣе, нежели на картинахъ Тицїановыхъ.

Портреты Ван-Диковы осиротѣвъ, лишась родственниковъ, никогда не лишаются друзей, никогда не имѣютъ въ нихъ недостатка. Переселившись изъ чертоговъ въ купеческїе магазины, они находятъ толпу любителей, которые — не заботясь, похожи ли они на тѣхъ, съ кого писаны — наперерывъ стараются достать ихъ въ свои руки, и охотно платятъ за нихъ большїя денежныя суммы. Какая розница между ими и портретами высокородныхъ, оставшихся безъ потомства, прародителей! Сїи изображенїя, бывъ извлеченными изъ древнихъ замковъ — гдѣ долгое время благоговѣли передъ ихъ знатностїю — въ готическомъ нарядѣ своемъ являются на нашихъ улицахъ и набережныхъ, переносятъ дождь и вѣтеръ, и часто умираютъ для свѣта, не дождавшись щедраго для себя охотника, не смотря на то, что ихъ отдали бы за низкую цѣну.

Весьма удивительна разность въ денежныхъ суммахъ, платимыхъ охотниками за портреты Ван-Диковы и за большую часть произведенїй другихъ Живописцевъ, а особливо Ригода. Кажется, разность талантовъ не соотвѣтствуетъ соразмѣрно-

сти въ деньгахъ. Постараемся отыскать причины тому; главнѣйшія суть двѣ — превосходство одного передъ другимъ въ краскахъ и въ разположеніи свѣта и тѣни. Головы Ригода, будучи окружены принадлежностями блестящими, не сильно поражаютъ зрителя; самые вычеты его, въ разсужденіи отдѣлки подробностей, не всегда точны, и главныя ихъ части не имѣютъ того дѣйствія, какое имъ надлежало бы имѣть. Но въ портретахъ Ван-Диковыхъ голова господствуетъ надо всѣми частями; поле, одежда и другія принадлежности отдѣланы съ искуствомъ, но голова привлекаетъ къ себѣ взоры каждаго; самыя руки, съ прекрасными формами, съ прекраснымъ цвѣтомъ занимаютъ только второе мѣсто въ картинѣ. Взглянувъ на голову, увидите все торжество Искуства; увидите то, что въ самой Натурѣ заставляетъ смотрѣть на себя съ перваго раза. Ван-Дикъ умѣлъ лучше, нежели Ригодъ, пользоваться тѣми минутами, въ которыя удобнѣе и съ большею точностію подражаютъ истинѣ — сими счастливыми минутами, когда, такъ сказать, Натура встрѣчается къ душею Художника на концѣ его кисти. Картины Ригода отработаны *прилѣжнѣе*; Ван-Диковы — *совершеннѣе*. Портреты Ригодовы *прекрасны*; Ван-

Диковы — *живы.* Еще къ тому должно прибавить, что Ван-Диковы костюмы гораздо пріятнѣе, гораздо приличнѣе самому Искуству, нежели одежда, въ которую Французскій Художникъ наряжалъ свои лица; а особливо огромные парики придаютъ смѣшной видъ его портретамъ; отъ того картины Ригода не во многихъ кабинетахъ находятся.

Въ Музеумѣ хранится множество славнѣйшихъ изображеній Ван-Диковыхъ, между которыми почитается чудомъ Искуства портретъ Жана Ришардо, Президента Тайнаго Совѣта въ Нидерландахъ. Могъ ли самъ Ришардо имѣть такую выразительность! — Одна изъ лучшихъ картинъ его есть такъ называемая *Обѣтъ Дѣвѣ Маріи* (ex voto à la Vierge), богатое и согласное соединеніе исторической Живописи съ портретною; на ней представлены лица самыя разительныя, самыя живыя, какія когда либо Искуство производило. Ни въ чемъ нѣтъ столько ума, жара, прелестей, какъ въ головахъ, выгравированныхъ Ван-Дикомъ, посредствомъ крѣпкой водки; ни въ чемъ столько не видно его чувства тонкаго, нѣжнаго, пламеннаго, какъ въ сихъ произведеніяхъ плѣняющихъ, легкихъ, — но образцовыхъ.

Живопись портретная останется въ употребленіи долѣе нежели всякая другая; она переживетъ господствующую страсть къ Живописи. Будетъ время, когда перестанутъ восхищаться прекрасными картинами; но никогда не перестанутъ чувствовать удовольствіе, смотря на образъ человѣка любимаго. Если время и произшествія когда-нибудь истребятъ художества и слѣдовъ ихъ не оставятъ въ мірѣ; онѣ воскреснутъ въ портретахъ: любовь снова дастъ имъ бытіе. Портретами доказывать можно превосходство Живописи передъ Поэзіею; старшая сестра должна уступить младшей преимущество въ подражаніи Натурѣ. Поэзія трогаетъ пѣснями и описаніями; одна Живопись даетъ видѣть Натуру. Сіе Искусство благодѣтельное, на зло гнусному корыстолюбію и тиранству, соединяетъ насъ съ предметами любви нашей; ни пространныя моря, ни желѣзные заклепы, ни жестокіе мучители не могутъ насъ разлучить съ образомъ милой подруги; сама смерть не въ силахъ у насъ *совсѣмъ* отнять существа, любезныя сердцу. Мать, потерявшая сына, терзаемая горестію, не требуетъ пѣнія Поэзіи; нѣтъ! никакая Поэзія не выразитъ ея чувствованій! Она прибѣгаетъ съ прозьбою къ Живописи, молитъ о возвра-

щенїи своего сына — и благотворное Искусство часто возвращаетъ ей образъ, сокрывшїйся навѣки отъ смертныхъ.

Не трудно понять, что Ван-Дикъ, обладая безцѣннымъ даромъ живописать портреты, снискалъ всеобщую любовь и пользовался отличнымъ уваженїемъ тѣхъ, которые имѣли въ немъ нужду. Онъ прїобрѣлъ великую славу и богатство; но увы! Судьба дорого продаетъ свои благодѣянїя! Ван-Дикъ умеръ на сороковомъ году, ослабѣвъ отъ безпрестанныхъ трудовъ и напряженїя. Но сїи труды были торжествомъ Искуства, были источникомъ наслажденїй.

Телассонъ.

V.

Мысли и замѣчанїя.

Скажите женщинѣ сперва, что она имѣетъ *дурное сердце*, потомъ, что у нее *глаза не хороши*: на первое она дастъ отвѣтъ, что вы ошибаетесь; услышавъ второе, готова будетъ назвать васъ бездѣльникомъ.

Я люблю оспоривать матерїалистовъ доводами логическими; ибо доводы сердца имъ неизвѣстны. Если въ самомъ дѣлѣ

между человѣкомъ и животнымъ другой нѣтъ розницы, кромѣ организаціи, то по чему страсти, свойственныя одному человѣку, имѣютъ силу, совершенно отличную отъ побужденій, общихъ ему съ прочими животными? Прошу изъяснить, по чему гордость, сребролюбіе, любовь (здѣсь говорится не о любви между людьми разныхъ половъ), по чему, говорю, сіи страсти такую берутъ власть надъ человѣкомъ, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, торжествуютъ надъ голодомъ, жаждою, сномъ, даже надъ страхомъ самой смерти? Видимъ ли это въ животныхъ?

Веселой духъ и чувствительное сердце часто живутъ въ одномъ тѣлѣ. Объ этомъ уже было говорено; какая нужда! повторимъ. Истинная чувствительность застѣнчива; она всячески старается прятаться, и боится, чтобы ее не примѣтили. Кто безпрестанно, къ стати и не къ стати, кричитъ о чувствительности; тотъ — не имѣетъ ее. Рѣдкую вещь не показываютъ всѣмъ мимоходящимъ. Образъ чувствительности видите въ недотрогѣ. Не прикасайтесь къ цвѣтку сему: онъ вдругъ свернется подъ вашими пальцами.

Нѣтъ вещи, столь мало намъ извѣстной, какъ собственное наше сердце. Мы разсуждаемъ, стараемся узнать нашъ раз-

умъ; а о сердцѣ — не думаемъ. Не смотря на то, по большей части слѣпо исполняемъ повелѣнія сердца, думая, что повинуемся внушенію разума. Весьма нужно заниматься наблюденіемъ сердца; не безъ удивленія откроемъ въ немъ объясненіе на многіе предметы, о которыхъ мы тщетно совѣтовались съ разумомъ.

Мнѣніе есть своенравная женщина, насмѣхающаяся надъ многочисленною толпою своихъ обожателей, которые, не смотря на худой пріемъ, клянутся ей въ вѣрности и почтеніи.

Есть люди, которымъ нравится грубость въ обхожденіи. Они увѣряютъ, что подъ сею негодною корою обитаетъ прямодушіе. Можетъ быть это и правда; но за чѣмъ думать, что тамъ вѣрно достанете хорошаго вина, гдѣ на вывѣскѣ объявляется о продажѣ пива?

Монтескіё называетъ самоубійство дѣломъ, весьма выгоднымъ для героизма, потому что оно каждому даетъ средства окончить ролю свою на театрѣ свѣта тамъ, гдѣ захочется. Если бы Карлъ I — продолжаетъ Монтескіё — если бы Іаковъ II были воспитаны въ Религіи, дозволяющей убивать себя, то они не подвергнулись бы: одинъ постыдной смерти, другой — постыдной жизни. Нѣтъ

сомнѣнія — говоритъ тотъ же Авторъ — что люди стали менѣе свободны, мужественны, способны къ великимъ дѣламъ, нежели въ то время, когда имѣли полную власть надъ самими собою, когда каждую минуту могли свергнуть съ себя власть постороннюю. — Не нарушая почтенія, должнаго уму знаменитаго Автора, почитаю себя обязаннымъ оспорить заблужденіе, столь опасное. Мученики, кажется, примѣромъ своимъ доказали, что можно быть *свободнымъ*, *мужественнымъ*, *способнымъ на дѣла великія*, изповѣдуя вѣру, запрещающую самоубійство, но дозволяющую умирать геройски. Если бы Карлъ I умертвилъ себя въ ту минуту, когда узналъ о присланныхъ солдатахъ Кромвелевыхъ для взятія его подъ стражу — тогда онъ сдѣлалъ бы поступокъ, недостойный своего званія; но Карлъ презрѣлъ судей своихъ, не отвѣчалъ на ихъ вопросы и умеръ съ равнодушіемъ Христіанина - Героя. Какое торжество Религіи!

Судьба захотѣла, чтобы мы тѣмъ страстнѣе любили, чѣмъ менѣе насъ любятъ. Препятствія для любви суть то, что вѣтры для пожара. Ничего нѣтъ милѣе счастія, которымъ не наслаждаемся. Но когда насъ полюбятъ; когда губы наши прикоснутся къ чашѣ блаженства —

тогда душа пресыщается и страсть погасаетъ. Истинное счастїе было бы удѣломъ смертныхъ, еслибъ возможно, будучи любимымъ, любить такъ, какъ будто бы насъ не любили... Можетъ быть есть изъ этого исключенїе; можетъ быть есть сердца, въ которыхъ любовь отъ любви не погасаетъ.

Корїолисъ.

VI.

Почт-Амтъ въ Неаполѣ.

Идучи съ площади Largo del Castello къ Molo, видите глухой переулокъ, въ которомъ въ почтовые дни на многихъ деревянныхъ доскахъ разкладываются реэстры полученныхъ писемъ. Тамъ во всякое время найдете толпу народа и примѣтите нѣкоторыя странности, какихъ нигдѣ нѣтъ, кромѣ Неаполя. Письма означены нумерами, а имена тѣхъ, кому они принадлежатъ, вписаны въ реэстры по алфавиту; надобно замѣтить, что имена, не прозванїя, и то не всѣ — ибо Князья должны искать писемъ своихъ подъ литерою P (Principe). Здѣсь собирается множество такихъ людей, которые, не умѣя грамотѣ,

хотятъ знать, нѣтъ ли къ нимъ писемъ. Досужій грамотѣй, стоящій со связкою лоскутковъ бѣлой бумаги, пользуясь невѣжествомъ своихъ собратій, достаетъ себѣ спокойное пропитаніе. Любопытный подходитъ къ нему, кладетъ въ руку нѣсколько копѣекъ и называетъ себя по имени; грамотѣй пробѣгаетъ глазами реэстры; нашедъ желаемое имя, записываетъ нумеръ на лоскуткѣ бумаги и отдаетъ его своему просителю, которой идетъ въ Почт-Амтъ и, безъ дальнихъ околичностей, получаетъ письмо. Не спрашиваютъ, имѣетъ ли онъ на то право, или нѣтъ; требуется только, чтобы заплачены были деньги за пересылку. Письма заграничныя не вносятся въ реэстры, но лежатъ кучею въ комнатѣ. Чужестранцу, пришедшему спрашивать о письмахъ, указываютъ на кучу и заставляютъ самаго рыться въ ней, сколько угодно. Ему позволяется выбирать, что захочетъ, лишь только заплатилъ бы деньги. Не нужно сказывать, какіе отъ того произходятъ безпорядки. Всякой чужестранецъ хорошо сдѣлаетъ, если письма свои будетъ надписывать на имя какого-нибудь изъ здѣшнихъ банкировъ.

Не одинъ записыватель нумеровъ нашелъ здѣсь серебрянную руду для своихъ

кармановъ; онъ только съ большею, нежели другїе, удобностїю достаетъ ее. На дворѣ, подъ открытымъ небомъ, стоитъ полдюжины столиковъ; за столиками сидитъ полдюжины человѣкъ, въ изношенныхъ кафтанахъ и съ изношенными лицами. У каждаго изъ нихъ по перу въ рукѣ; перегнутый полулистъ бумаги лежитъ въ готовности; стоитъ только обмакнуть перо въ чернилицу и краснорѣчїе польется рѣкою во всѣ четыре части свѣта. Напротивъ писца находится стулъ, на которомъ приходящїй можетъ садиться и сказывать мысли свои, а писецъ обработываетъ ихъ по своему умѣнью. Тамъ видите сидящую старуху, въ другомъ мѣстѣ матроса, въ третьемъ солдата, здѣсь пригожую дѣвушку; всѣ они имѣютъ отцовъ, матерей, прїятелей, странствующихъ близко и далеко, въ старомъ свѣтѣ и новомъ; каждой хочетъ мѣняться мыслями съ любезнымъ человѣкомъ, но не каждой можетъ сдѣлать это безъ посторонней помощи. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одна старушка толковала съ безносымъ (какихъ здѣсь очень много) Авторомъ писемъ, которой, чтобъ не потерять ни минуты, заблаговременно написавъ на верьху бумаги: *Неаполь. 2го Ноября* 1804 *года*, слушалъ безконеч-

ное содержанїе посланїя къ сыну старушки, странствующему Богъ знаетъ гдѣ. Слезы и кашель перерывали слова, которыя уже по крайней мѣрѣ двадцать разъ повторены были; казалось, что языкъ былъ здоровѣе всѣхъ членовъ ея тѣла. Безносый человѣкъ терпѣливо слушалъ, сокращалъ обилїе мыслей и клалъ ихъ на бумагу. По окончанїи и по прочтенїи письма, услужливый писецъ подалъ перо старухѣ для подписанїя, на которое однакожъ она, для нѣкоторыхъ, ей извѣстныхъ причинъ, не согласилась, и просила, чтобы вмѣсто ее онъ самъ исполнилъ этотъ обрядъ. Секретарь подписалъ ея имя, сложилъ письмо, запечаталъ облатомъ, надписалъ наверху почетной титулъ ея сына, и подалъ ей для дальнѣйшаго отправленїя. Мать лѣвою рукою ухватила письмо — въ которомъ изображалось только ея желанїе, но не чувство сердечное, не любовь матерняя — а правою вынула изъ кармана нѣсколько копѣекъ и опустила въ давно уже протянутую руку безносаго. Между тѣмъ какъ старуха пошла въ Почт-Амптъ, писецъ съ поспѣшностїю приготовилъ другой листокъ бумаги, не зная и не заботясь, радость, или печаль онъ ввѣритъ ей. — Вообще вся сїя переписка производится весьма откровенно, и Почт-Амптъ

не имѣетъ никакой нужды — какъ водится въ нѣкоторыхъ Христіянскихъ Государствахъ — разпечатывать частныя письма; вмѣсто того онъ посылаетъ своихъ служителей, чуткихъ и догадливыхъ, которые, ходя между народомъ, слушаютъ, о чемъ пишутъ въ письмахъ; впрочемъ голосистые матросы и солдаты сказываютъ въ слухъ свои мысли писцамъ, дѣлая сильныя тѣлодвиженія и даже ударяя по столу кулаками. Гораздо труднѣе для Почт-Амтскаго агента подслушать стыдливую дѣвушку. Я видѣлъ и дѣвушекъ, которыя, сидя подлѣ писцовъ, сказывали имъ свои мысли; бьюсь объ закладъ, что письмо одной изъ нихъ было къ *вѣрному*, или къ *невѣрному*, которой увезъ съ собою ея сердце; однакожъ другихъ доказательствъ на мои предположенія не имѣю, кромѣ тихаго шептанья, потупленнаго взора, перемѣняющейся краски на щекахъ дѣвушки и лукавыхъ взглядовъ писца, которому носъ не мѣшалъ косо посматривать обоими глазами.

Сіи разсчетистые господа учредили канцелярію на улицѣ не только для отправленія писемъ, но и для того, чтобы читать получаемыя, по требованію неумѣющихъ разбирать рукописи. И такъ во дни приходящей почты сцена перемѣ-

няется на улицѣ; въ то время перья отдыхаютъ, а работаютъ только губы. Легко догадаться, что здѣсь наблюдатель также найдетъ для себя много любопытнаго. Напряженное вниманіе слушателя, перемѣна страстей, удовлетворенная или обманутая надежда, съ другой стороны совершенное равнодушіе читателя, одинакій голосъ при чтеніи печальныхъ и радостныхъ писемъ — вотъ явленія, которыхъ нигдѣ на улицѣ не увидите, кромѣ въ одномъ только Неаполѣ.

Публичное письмоводство ежедневно производится съ большею или меньшею дѣятельностію; Италіянцы не стыдятся своего невѣжества — и это есть главная черта характера, которою они отличаются отъ Французовъ. Простолюдимы во Франціи столько же умѣютъ читать и писать, какъ и въ Италіи, однакожъ они не согласятся на улицѣ выказывать свое незнаніе. Французъ гордится, не смотря на свое невѣжество; Италіянецъ не умѣетъ быть гордымъ.

Коцебу.

VII.

О рукописяхъ Неккера, изданныхъ Г-жею Сталь, его дочерью.

Рукописи Неккера, оставшїяся послѣ его смерти и нынѣ изданныя въ свѣтъ Г-жею Сталь, извѣстною сочинительницею *Дельфины*, служатъ яблокомъ раздора для Парижскихъ Журналистовъ. Онѣ состоятъ изъ мѣлкихъ сочиненїй, нѣкоторыхъ мыслей въ отрывкахъ и небольшаго Романа подъ названїемъ: *Пагубныя слѣдствїя одной ошибки.* Г-жа Сталь намѣрена издать публичную жизнь отца своего; здѣсь приложено описанїе только частной его жизни. Неккеръ прибылъ въ Парижъ на пятнадцатомъ году, будучи въ бѣдномъ состоянїи, и посвятилъ себя торговлѣ. На тридцать пятомъ году онъ женился; до самого того времени постоянно упражнялся въ дѣлахъ по купеческому промыслу. Его дарованїя сначала обнаружились на засѣданїяхъ Индїйской компанїи, гдѣ произнесъ онъ Рѣчь предъ собранїемъ. Скоро послѣ того Республика Женевская сдѣлала его своимъ Министромъ въ Парижѣ. Неккеръ никогда не хотѣлъ брать жалованья за отправленїе возложенной на него должности; даже и въ то время, когда былъ пожалованъ Французскимъ

Государственнымъ Министромъ финансовъ. Онъ посвятилъ себя единственно общественнымъ дѣламъ, предоставивъ женѣ своей управленіе пріобрѣтеннымъ имѣніемъ. Строгая честность его и благородная чувствительность извѣстны каждому. Когда Мирабо просилъ у него о доставленіи себѣ Министерскаго мѣста, Неккеръ отвѣчалъ, что „онъ слишкомъ уменъ и знаетъ, сколько мораль необходима въ обществѣ; однакожъ, судя по его поведенію, вмѣстѣ съ нимъ служить не можно.“ Мирабо не переставалъ отлично уважать Неккера и заказалъ сдѣлать бюстъ его, для украшенія сельскаго своего дома. Неккеръ провелъ жизнь свою въ занятіяхъ и въ благотворительности. Онъ не старался гнать своихъ непріятелей, но будучи жестоко оскорбленъ ихъ нападеніями и клеветами, сложилъ съ себя званіе Министра. Ему предлагали Министерскія мѣста въ Неаполѣ, въ Польшѣ, въ Россіи и проч., но онъ любилъ Францію, и не хотѣлъ согласиться ни на какія предложенія. Живучи въ уединеніи, онъ сочинилъ книгу о финансахъ, которая обогатила многихъ книгопродавцовъ, и которой вышло болѣе ста тысячь экземпляровъ. Не упоминаемъ о послѣдовавшихъ обстоятельствахъ жизни его и объ его сочиненіяхъ; то и другое

непосредственно сопряжено съ Исторїею Революцїи, которая многимъ извѣстна.

(*Изъ Франц. Журн.*)

VIII.

О Г-нѣ Павѣ и объ его мнѣнїи, въ разсужденїи Греческихъ женщинъ.

Изъ числа Писателей изтекшаго столѣтїя, Г. Павъ всѣхъ отважнѣе сбросилъ съ себя узду, налагаемую на Ученыхъ строгою критикою и прилѣжною разборчивостїю; совсѣмъ тѣмъ ни одного Антикварїя во Францїи не читаютъ такъ много и съ такого охотою, какъ Г-на Пава. Не возможно не удивляться этой надежной увѣренности, этѣмъ смѣлымъ ссылкамъ, которыми онъ такъ хорошо умѣетъ возбуждать вниманїе читателя, которому кажется, что Г. Павъ теперь только прїѣхалъ изъ Аѳинъ и изъ Спарты. Онъ разсказываетъ вамъ о нравахъ тамошнихъ жителей, объ ихъ политикѣ, объ искусствахъ, о домашнихъ несогласїяхъ, о частной жизни, — и разсказываетъ, какъ человѣкъ, которой все видѣлъ своими глазами, имѣлъ случай развѣдать о всѣхъ произшествїяхъ, о всѣхъ тайнахъ; гово-

ритъ о дѣлахъ важныхъ и не важныхъ, великихъ и малыхъ, съ какою-то особенною свободностїю, съ видомъ нерадѣнїя, которое заставляетъ всему вѣрить. Я долго, вмѣстѣ съ другими, благоговѣлъ передъ сочиненїями сего Писателя, принятыми во Францїи съ такимъ отличїемъ; но скоро долженъ былъ увѣриться, что господствующая въ Г-нѣ Павѣ страсть — есть привязанность къ ложнымъ мнѣнїямъ и охота разсказывать о вещахъ неслыханныхъ.

Думаю, что Г. Павъ, судя по нравамъ Грековъ и по ихъ узаконенїямъ политическимъ, имѣлъ основательныя причины заключить о степени униженїя прекраснаго пола; но не знаю, для чего было нужно выдумывать странной парадоксъ о безобразїи Греческихъ женщинъ. Я видѣлъ этотъ парадоксъ снова появившимся въ Монитерѣ, гдѣ полагаются только на Г-на Пава, которой однакожъ никакимъ свидѣтельствомъ древнихъ Авторовъ не доказываетъ истины своего мнѣнїя; хочу объявить себя Рыцаремъ Греческихъ красавицъ.

По словамъ Г-на Пава, ничто не было въ Грецїи столь рѣдко, какъ прекрасная женщина. Появленїе красоты почиталось чудомъ. Тогда головы у всѣхъ начинали кружиться; тогда вся Грецїя была въ движенїи . . . Этой-то рѣдкости

въ красавицахъ должно приписывать всѣ шалости, которымъ Греки предавались; ибо — продолжаетъ Г. Павъ — предположивъ весьма посредственное число обыкновенныхъ красавицъ природныхъ, не льзя объяснить всеобщаго восхищенія при появленіи прекрасной женщины.

Г-ну Паву, для оправданія своего мнѣнія, надлежало бы привести въ свидѣтельство древнихъ Авторовъ, которые говорили о Греческихъ женщинахъ, какъ о существахъ безобразныхъ. По крайней мѣрѣ должно бы сослаться на общія показанія, которыми можно было бы опровергнуть, на примѣръ, Анакреона. Сей Стихотворецъ говоритъ, что Ахайя есть жилище красоты. Но нашъ Критикъ не ссылается ни на кого.

Мнѣ кажется, по одному внушенію общаго смысла, можно объяснить возхищеніе Грековъ при появленіи красавицы тѣмъ, что Греки одарены были страстями живыми и пылкими. Нѣтъ никакого другаго доказательства. Руководствуясь образомъ сужденія Г-на Пава, надобно будетъ заключить, что гдѣ болѣе восхищаются геройскими подвигами, тамъ они рѣже.

Г. Павъ думаетъ, что однѣ прелестницы славились красотою въ Греціи... Не стану вычислять всѣхъ извѣстныхъ

Гречанокъ, которыя плѣняли прелестями, не бывъ прелестницами; умолчу и объ Еленѣ, которая также не бывъ прелестницею — по крайней мѣрѣ по промыслу — славилась болѣе всѣхъ славныхъ; скажу только въ короткихъ словахъ, что въ Греціи однѣмъ прелестницамъ было позволено свободно являться въ обществѣ, слѣдственно ихъ только и хвалить было можно.

Далѣе говоритъ, что „славныя красотою прелестницы были не Гречанки, что онѣ родились не въ Аттикѣ. . . .“ Откуда же онѣ пріѣзжали? Изъ острововъ Іонійскихъ. А развѣ острова Іонійскіе были не Греческіе? развѣ они были населены не Греками? развѣ Іонія и острова были не Аттическія колоніи?

Что должно думать о Писателѣ, которой съ важностію говоритъ: „Ученые до сихъ поръ полагали, что Аѳинянки одѣвались въ узкія платья, и сжимали тѣло свое самымъ мучительнымъ образомъ для выпрямленія стана.“ Кто же сіи Ученые? Это тайна, извѣстная только одному Г-ну Паву. Однакожъ любопытно было бы узнать имена сихъ Господъ, которые, вопреки памятникамъ древности, изображаютъ Аѳинянокъ толстыми и нескладными.

Въ Аѳинахъ — если вѣрить Г-ну Паву — учреждено было судилище, которое имѣло обязанность смотрѣть за женскими нарядами, и налагать пени на гражданокъ, не умѣвшихъ прїятно одѣваться. — Будемъ скромны; воздержимся отъ смѣха. Въ Аѳинахъ въ самомъ дѣлѣ было судилище, составленное изъ двадцати Членовъ, такъ называемыхъ *Гинекономовъ*, которые имѣли смотрѣнїе за благонравїемъ женщинъ и, какъ вѣроятно, за пристойностїю въ нарядахъ; ибо она нераздѣльно сопряжена съ благонравїемъ. Каждому извѣстно сїе учрежденїе и Монтескїё говоритъ точно то же. Но Г-ну Паву кажется, что Монтескїё ошибся; ему кажется, что кромѣ *Гинекономовъ* еще были *Гинекокозмы*, которые занимались только однѣмъ наблюденїемъ за женскими нарядами. Кто знаетъ сколько нибудь по Гречески, тому извѣстно, что раздѣленїе словъ сихъ ни къ чему не служитъ, и что оба онѣ имѣютъ одно значенїе.

Всѣ люди — то есть просвѣщенные — въ Европѣ имѣютъ одно общее понятїе о красотѣ, равно какъ всѣ одинакаго мнѣнїя объ Гомерѣ; симъ едино мыслїемъ обязаны статуямъ Гречанокъ, столь *обиженныхъ Природою*. Голова Минервы, Юноны, Венеры, вездѣ — отъ Стокгольма до Мальты,

отъ Москвы до Дублина, до Филадельфіи, если хотите — почитается образцомъ изящества, образцомъ, которому удивляются подражатели и любители прекрасной Натуры, не смотря на мѣстныя отличія въ каждой странѣ, въ каждомъ народѣ, обитающемъ на столь обширной поверхности.

Послѣ этого, какъ можно думать, чтобы образцы красоты, которые сохранились до нашихъ временъ въ статуяхъ — въ сихъ слабыхъ подражаніяхъ Натурѣ — сдѣланы были въ такой землѣ, въ такомъ народѣ, гдѣ женщины лишены самаго лучшаго своего преимущества? Какъ думать, чтобы полъ сей, которому Натура, по словамъ Анакреона, опредѣлила красоту въ дополненіе всѣхъ даровъ своихъ, представлялъ Греческимъ Художникамъ отвратительныя формы, станъ перетянутый, наружность обезображенную дородностію, черты непріятныя, прелести поддѣланныя, и чтобы — какая нелѣпость! — среди такихъ женщинъ родились чудеса подражанія красотѣ женской?

Эту задачу надлежало бы рѣшить основательнѣе, еслибъ она не была парадоксомъ, вышедшимъ изъ головы, наполненной мечтами; лучше пускай она остается

въ неизвѣстности, подобно всѣмъ странностямъ велемудрыхъ Софистовъ, прославившихся въ концѣ истекшаго вѣка.

(*Изъ Франц. Журн.*)

IX.

О Спектаклѣ на Петровскомъ Театрѣ, 10 Маїя.

Никакая переведенная на Русскїй языкъ Драматическая пїеса, а особливо Комедїя, не занимаетъ меня столько, какъ оригинальная Русская. Отъ чего это? Отъ того, что законы, нравы, обыкновенїя, мѣстныя обстоятельства моего Отечества мнѣ извѣстнѣе, нежели иностранныя. Смотря на Французскую, или на Нѣмецкую Комедїю, нахожусь въ положенїи человѣка, пришедшаго въ какое-нибудь общество незнакомыхъ людей, разговаривающихъ о предметахъ для него новыхъ; смотря на Русскую пїесу, похожу на собесѣдника, сидящаго въ кругу прїятелей, которыхъ свойства, склонности, образъ мыслей, поведенїе и даже обстоятельства мнѣ совершенно извѣстны; тутъ удобнѣе могу замѣтить всякую счастливую мысль, понять всю тонкость игры въ словахъ,

отгадать, что за чѣмъ должно слѣдовать, наконецъ видѣть, по чему одно прилично, по чему другое сказано не у мѣста. „Для насъ несравненно пріятнѣе и полезнѣе видѣть на театрѣ нашихъ знакомцевъ, нежели тѣхъ, которыхъ мы не знаемъ и не хотимъ знать (*).“

Г. Ильинъ доставилъ зрителямъ гораздо болѣе удовольствія, удачно переложивъ на Русскіе нравы Комедію *Влюбленный Нелюдимъ* (**), нежели когда бы онъ только перевелъ ее — одно труднѣе другаго. Оставляя знатокамъ находить погрѣшности въ сей піесѣ — погрѣшности, которыхъ самъ Авторъ не скрываетъ — скажу, что вечеръ 10 го Маія былъ для меня однимъ изъ самыхъ пріятнѣйшихъ. Даже *Подложной Кладъ*, Гофманова маленькая Комедія, также Г-мъ Ильинымъ принаровленная къ Русскимъ обычаямъ, показалась мнѣ шуткою очень забавною, которую самъ Мольеръ не постыдился бы назвать своею. Удовольствіе Публики и громкія рукоплесканія служатъ доказательствомъ, что Авторъ достигъ

(*) Вѣстн. Европ. Часть II. Стр. 236.

(**) Подлинникъ сочиненъ на Французскомъ языкѣ Г-мъ Демутье и называется Альцестъ въ деревнѣ, или Исправленной Нелюдимъ. *Изд.*

своей цѣли — а болѣе ничего ему и не нужно.

Но нѣтъ! есть люди, которые перецѣнивши живыхъ и мертвыхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, одушевленныя существа и бездушныя, все видимое и невидимое, скучаютъ безъ дѣла, и всякое новое появленїе, чего бы то ни было, считаютъ драгоцѣнною для себя находкою, лакомствомъ для злословїя. По мнѣнїю сихъ людей, *Влюбленный Нелюдимъ* есть Комедїя соблазнительная, потому что въ ней упоминается имя Графа Петра Александровича Румянцова - Задунайскаго; потому что Скордумъ (дѣйствующее лице, которому данъ характеръ человѣка непостояннаго, болтливаго и легкомысленнаго) жалуется на неблагодарность Отечества; что утверждаетъ, будто надобно вездѣ давать деньги, чтобы отворили двери, будто ничего незначущїй выскочка не смотритъ на человѣка заслуженаго, будто приказные крючки сноснѣе лукавства и хитростей Придворныхъ, будто Придворные стараются всякаго одурачить. Симъ Господамъ также не нравится, за чѣмъ Скордумъ пожалованъ Губернаторомъ въ *Пензу*, а не въ другое мѣсто? за чѣмъ упоминаются слова: Дворъ, Министры?

Оставимъ ихъ въ покоѣ. —

Для успѣховъ отечественной Словесности желать должно, чтобы вмѣсто Пурсоньяковъ и Барполовъ, вмѣсто Нотаріусовъ въ черныхъ платьяхъ и Докторовъ въ Испанскихъ парикахъ выводимы были на театръ лица, намъ болѣе извѣстныя, и говорили бы о такихъ предметахъ, которые къ намъ ближе.

С. Н.

X.

Смѣсь.

Г-жа Д*, пригласивъ къ себѣ обѣдать Г-на Е*, строго запретила маленькому сыну своему упоминать о носѣ. Дитя, сидѣвшее за столомъ противъ Г-на Е*, много разъ показывало нетерпѣливое желаніе говорить, но мать не переставала знаками напоминать ему о молчаніи. Наконецъ дитя, вышедъ изъ терпѣнія, вскричало: „Маменька! для чего вы запретили мнѣ говорить о носѣ? у Г-на Е* совсѣмъ нѣтъ носа!“

Къ стати упомянемъ, что въ Парижѣ недавно напечатана Поэма въ трехъ пѣсняхъ, подъ названіемъ: *Искуство сморкать носъ* (?), сочиненная стихами на Французскомъ языкѣ Г-мъ Грелье, питомцемъ

Медицинскаго Училища. Въ первой пѣсни воспѣтъ носъ; во второй — носовой платокъ; въ третьемъ изъяснены отношенія платка къ носу. На что разбирать подробности Поэмы? Одно названіе уже ручается за достоинство сочиненія, и показываетъ, какія трудности Автору преодолѣть надлежало!

*

Стихотворецъ Попе былъ весьма слабаго сложенія и собою очень нескладенъ; его тѣло можно уподобить ящику Пандоры, въ которомъ находились всѣ зла Физическія. Имѣя впрочемъ хорошія качества душевныя, онъ былъ грубъ и непривѣтливъ. Однажды, сидя съ нѣкоторыми Учеными въ кофейномъ домѣ Бортоновомъ и разбирая съ ними Греческую рукопись Комика Аристофана, онъ находилъ какое-то мѣсто совсѣмъ неизъяснимымъ. Начался громкой споръ. Молодой человѣкъ, сидѣвшій передъ каминомъ, вслушался въ разговоръ и просилъ, чтобы ему показали сомнительное мѣсто. „Такъ, такъ, Господа!“ сказалъ Попе съ ядовитою колкостію: „въ самомъ дѣлѣ этотъ молодой учитель объяснитъ намъ все дѣло; послушаемъ его!“ Этотъ беретъ книгу и, посмотрѣвши въ нее, объявляетъ, что все затрудненіе произходитъ отъ вопро-

сительнаго знака, которой по ошибкѣ пропущенъ. — Ученые находятъ догадку его справедливою. Попе, будучи въ крайней досадѣ, вѣроятно отъ того, что ошибся въ своемъ мнѣнїи, спрашиваетъ Эллениста: „пожалуйте разтолкуйте намъ, Господинъ учитель! что есть знакъ вопросительный?“ Съ охотою, отвѣчаетъ молодой человѣкъ съ видомъ величайшаго презрѣнїя: вопросительный знакъ есть маленькая изуродованная фигура, которая спрашиваетъ. — Сказываютъ, Попе былъ восхищенъ остротою этой шутки и простилъ колкую насмѣшку.

*

Въ концѣ прошлаго года классъ Нацїональнаго Института, занимающїйся Французскимъ языкомъ и Словесностїю, въ публичномъ своемъ засѣданїи опредѣлилъ награжденїе Г-ну Ожеру за его Похвальное слово Стихотворцу Боало. Сїе Похвальное слово равняется въ достоинствѣ съ сочиненными въ честь Лафонтена, Мольера и Расина и увѣнчанными отъ прежней Французской Академїи. Когда Дюкло былъ Секретаремъ Академїи, въ то время боялись хвалить Боало, потому что Дюкло не любилъ Стихотворства и обыкновенно говаривалъ о хорошихъ стихахъ: „они похожи на прозу,“ думая, что тѣмъ

великую похвалу имъ приписываетъ; Мармонтель, заступившій его мѣсто, также не любилъ Боало. Напротивъ того новѣйшіе Критики полагаютъ, что внѣ Боаловой школы нѣтъ спасенія для Поэзіи. Г. Ожеръ почитаетъ добрымъ знакомъ, что послѣ пагубной революціи опять начинаютъ обращаться къ тѣни Боаловой; онъ благоговѣетъ предъ его законами, которые нѣкогда были столь благодѣтельными для Французскаго Парнасса. Рецензенты единодушно отзываются, что давно уже не выходило въ свѣтъ прозаическаго сочиненія, столь прекраснаго.

*

Въ Англіи съ нѣкотораго времени вошли въ великое употребленіе стальныя вещи. Шпажные ефесы, граненыя перла, часовыя цѣпочки, банты на шляпахъ, пуговицы и пряжки по большой части дѣлаются изъ стали. Нигдѣ такъ хорошо не льзя видѣть, до какой степени совершенства доведена сія отрасль промышленности въ Англіи, какъ при Дворѣ, которой можно почесть точкою соединенія самыхъ лучшихъ стальныхъ издѣлій. Принцесса Валлисская и Графиня Цихи сдѣлали себѣ великолѣпное изъ краснаго бархата платье, *вышитое* серебромъ и *сталью*. Эта новая мода всѣмъ очень понравилась и дѣ-

лаетъ эпоху въ исторіи вышиванья женскаго платья. Вообще съ нѣкотораго времени сталь заняла мѣсто серебра и золота во многихъ купеческихъ лавкахъ.

Двенадцать Врачей, двенадцать Хирурговъ и двенадцать Аптекарей согласились учредить въ Парижѣ Заведеніе *для лѣченія и для выдачи приданаго за невѣстами.* Они обязываются пользовать мущинъ и выдавать за мужъ дѣвушекъ. Чтобы имѣть участіе въ сихъ выгодахъ, каждой отецъ семейства долженъ платить обществу еженедѣльно по 1 франку и 5 сантимовъ. За сію подать *Заведеніе* принимаетъ на себя обязанность предохранять и лѣчить его, жену и дѣтей отъ всякой заразы, язвы, лихорадки, чирьевъ, колотья, чахотки, болѣзни въ легкомъ, разслабленія, водяной болѣзни, паралича, худокровности, біенія сердца, кровотеченія, худосочности, головной боли, глазной болѣзни, водобоязливости, падучей болѣзни, возпаленія въ легкомъ, одышки, подагры, кашля, лома въ костяхъ, и проч. и проч. и проч. Каждый отецъ семейства, въ продолженіе своего недуга, будетъ получать — кромѣ посѣщеній, рецептовъ, предписаній, совѣтованій, лѣченій и лѣкарствъ — ежедневно по два франка. Когда число подписавшихся воз-

растетъ до десяти тысячь, въ то время отцы семейства подадутъ списки о своихъ дочеряхъ, достигшихъ до совершеннаго возраста, изъ которыхъ ежегодно будетъ выдаваемо въ замужство по двадцать четыре дѣвушекъ, считая по двѣ на каждой городъ. Когда число подписавшихся умножится до двадцати тысячь, въ то время будетъ выходить за мужъ по сороку восми дѣвушекъ, и каждая получитъ въ приданое пять сотъ франковъ. — Не подумаете ли, что сія статья взята изъ Мольеровой Комедіи? Нѣтъ! все это написано въ объявленіи отъ Медицинскаго Общества. Пускай же теперь еще сомнѣваются въ успѣхахъ усовершенствованія человѣческаго рода!!

(*Изъ Пар. Журн.*)

ПОЛИТИКА.

I.

Письмо отъ Испанца къ Англоману (*).

Мадритъ, 1805.

Съ прискорбіемъ увидѣлъ я изъ твоего письма, достойный другъ мой, что ты одобряешь ложныя умствованія Англомановъ. Прилично ли доброму Испанцу, одаренному чувствительнымъ сердцемъ, прилично ли другу человѣчества такъ ослѣпляться и хвалить націю, по своей системѣ непріязненную цѣлому свѣту, а особливо Испаніи? Не сумнѣвайся, что Англія вознеслась на верьхъ мнимаго величія, не своею храбростію, не числомъ жителей, не богатствомъ земныхъ произведеній (а это суть основанія истиннаго могущества), но безпрестанными нарушеніями правъ народныхъ, систематическими происками, имѣющими цѣлью — собственное возвышеніе на развалинахъ Государствъ чужестранныхъ.

(*) Изъ Монитёра. Все заставляетъ думать, что письмо сіе сочинено не за горами Пиренейскими. *Изд.*

Не трудно было бы доказать это цѣлымъ рядомъ очевидныхъ, убѣдительныхъ произшествій; но для сего надлежало бы написать большую книгу, между тѣмъ какъ безпристрастный читатель, разкрывъ Исторію двухъ послѣднихъ вѣковъ, ясно увидитъ, что Англія есть Государство по природѣ непріязненное всѣмъ націямъ. Ея правила Политическія далеко превзошли правила Махіавеля. Сѣять вражду въ Кабинетахъ, подкупать Министровъ, не уважать вѣрности общественной, попирать ногами всѣ права — вотъ обыкновенныя оружія, которыми она постоянно дѣйствуетъ и — по несчастію — съ великимъ успѣхомъ!

Пагубная война за Испанское наслѣдство, не смотря на неосновательныя требованія Австрійскаго Дома, никогда не началась бы, еслибъ Англія не раздула пламени несогласія; симъ средствомъ ей удалось унизить Францію, природную непріятельницу свою, привести въ изнеможеніе Испанію, разорить даже собственныхъ своихъ союзниковъ и наконецъ воспользоваться плодами сихъ опустошеній. Англія завладѣла Гибралтаромъ въ такое время, когда крѣпость сія находилась совершенно въ беззащитномъ состояніи, между тѣмъ какъ, будучи въ союзѣ съ Эрц-

герцогомъ, она не должна была сїе завоеванїе считать собственностїю, одной себѣ принадлежащею. Еще прежде того, Англичане въ мирное время отняли у насъ Ямайку, которая сдѣлалась первымъ мѣстомъ соединенїя, откуда они начали выходить и селиться въ Америкѣ, чтобы наносить пагубные удары нашимъ колонїямъ и нашей торговлѣ. Надлежало бы написать цѣлые Томы, для изображенїя всѣхъ насильственныхъ поступковъ, всѣхъ злодѣйствъ, которыя они безпрестанно позволяли себѣ дѣлать противъ насъ, и въ самое мирное время, прежде объявленїя войны, захватывая наши флоты и корабли, плывущїе изъ Америки. Не упоминаю о жестокости ихъ, когда они снабжали дикихъ огнестрѣльнымъ оружїемъ и муницїею, съ намѣренїемъ возмутить ихъ противъ насъ, и заставить ихъ вести войну съ нами, — и все это для того только, чтобы вредить намъ, и все это въ мирное время. Какихъ оскорбленїй, какихъ убытковъ они не причинили намъ по предмету рубки Кампешскаго лѣса? Какое коварство употребили они на ярмаркѣ въ Порто-Бело, къ ущербу казны Королевской, пользуясь правомъ привозить туда товары на одномъ кораблѣ! Благодаря ихъ вѣроломству, этотъ одинъ корабль замѣ-

нилъ собою цѣлой флотъ! Они выгружали днемъ товары, которые ночью тайнымъ образомъ подвозили изъ Ямайки. Не будемъ уже говорить о чрезвычайномъ количествѣ запрещенныхъ товаровъ, которыми они торгуютъ въ нашихъ владѣнїяхъ Американскихъ, хотя терпимъ отъ того чрезвычайные убытки. Когда наша береговая стража старалась воздерживать наглость сихъ опасныхъ разбойниковъ, Правительство Англїйское не замедлило неотступно требовать удовлетворенїя, выдумавъ разныя произшествїя, которыхъ совсѣмъ не было; а это ясно доказываетъ, что запрещенная торговля не есть только предметъ разсчетовъ нѣкоторыхъ частныхъ людей, но что само Правительство питаетъ ее и защищаетъ. Вотъ причина упадка нашихъ мануфактуръ и нашей торговли. Много ума и дѣятельности требовалось отъ нашего Правительства, въ прежнее и нынѣшнее царствованїе, для прекращенїя сихъ насилїй и для оживленїя нашей торговли, приведенной, по милости Англичанъ, въ бѣднѣйшее состоянїе. Какой Испанецъ не будетъ раздраженъ противъ нацїи, виновницы всѣхъ нашихъ несчастїй!

Способъ подкупать деньгами есть одинъ изъ самыхъ любимыхъ у Англїи, когда дѣло идетъ о совершенїи вѣролом-

ныхъ намѣренїй. Славной Вальполь говорилъ: „Всякой человѣкъ есть вещь продажная; вся трудность при покупкѣ состоитъ въ умѣньи опредѣлять цѣну.“ Англичане, слѣдуя сему ненавистному правилу, съ гинеями въ рукахъ нападаютъ на людей разныхъ нацїй, которые могутъ быть полезны для нихъ и, по несчастїю, находятъ очень много продажныхъ душъ, жертвующихъ имъ драгоцѣнными выгодами своего отечества. Почитаю неоспоримымъ и яснымъ, что Французской революцїи совсѣмъ не было бы, еслибъ Англїя не разсыпала золота своего для произведенїя оной въ дѣйство и для того, чтобы Французовъ вовлечь въ бездну золъ, отъ которыхъ еще и теперь они стенаютъ.

У меня есть весьма пространная переписка между двумя особами, изъ которыхъ одна находилась при Дворѣ Версальскомъ, другая при Берлинскомъ; изъ сей переписки, напечатанной гораздо прежде революцїи, видно, что Англичане еще съ 1780 года трудились надъ симъ ненавистнымъ планомъ. Будучи раздражены пособїями, оказанными Францїею Соединеннымъ Областямъ Американскимъ для избавленїя ихъ отъ тиранскаго ига, они съ того времени рѣшились мстить, возпламеняя духъ вра-

жды и независимости, раздуваемый въ семъ Королевствѣ Неккеромъ и его сообщниками. Они нашли между самыми Французами людей, одобрившихъ нелѣпыя ихъ затѣи, а успѣхъ въ ихъ коварныхъ намѣреніяхъ оправдалъ мнѣніе Сочинителей упомянутой переписки. Провидѣнію, которое не рѣдко самое зло превращаетъ въ добро, было угодно сдѣлать, чтобы непосредственно за революціонною бурею слѣдовалъ новой порядокъ, ужасной для Англіи. Махіавелическое Правительство сего Королевства, бывъ предувѣрено въ сей истинѣ, всѣми силами старалось низвергнуть Францію въ продолженіе безначалія. Оно видитъ, что нынѣшнее могущество его скоро изчезнетъ въ политической системѣ Европы; что тиранское господствованіе на моряхъ есть отсвѣтокъ пламени, готоваго погаснуть; что неправедная война, въ которую оно вовлечено своимъ ненасытнымъ честолюбіемъ, исполинскими шагами приближаетъ его къ политическому ничтожеству. Оно видитъ, что ужасной колоссъ Національнаго-долга, часъ отъ часу возрастая, угрожаетъ ему неминуемымъ банкрутствомъ; что народъ отягченъ чрезвычайными поборами; что одни только богатые люди могутъ съ нуждою содержать себя, и что наконецъ

мануфактуры находятся въ совершенномъ упадкѣ какъ отъ недостатка рукъ, занятыхъ оружїемъ для защиты Государства, такъ и по неимѣнїю способовъ продавать издѣлїя скоро и выгодно. Сїи обстоятельства, столь тѣсныя и непрїятныя, только раздражаютъ гордость Англїйскаго Правительства, вмѣсто того, что должны бы возбудить въ немъ желанїе мира. Видя, что вся Европа смѣется надъ слабыми его усилїями, оно, по примѣру древняго Тира, хочетъ передъ концемъ бытїя своего, употребить въ дѣйство всѣ замыслы безсильнаго неистовства, разторгая священное условїе народовъ жестокостями, свойственными однимъ Каннибаламъ. Причина спала: теперь всѣмъ извѣстенъ ходъ и направленїе намѣренїй сего Правительства; оно само не старается уже благовидными умствованїями прикрыть свое вѣроломство; почитаетъ позволеннымъ все, что находитъ для себя полезнымъ: въ томъ состоитъ главное правило его. Индїя, которую оно попираетъ ногами, служитъ яснымъ тому доказательствомъ. Когда оно позвало къ суду Губернатора Гастинга, обличеннаго въ неслыханныхъ несправедливостяхъ — которыя однакожъ были весьма прибыточны для Англїи — и когда Парламентъ, вмѣсто наказанїя, осудилъ его заплатить денеж-

ную пеню; Индїйская Компанїя за него взнесла всю сумму! Не ясно ли симъ обнаруживается, любезной другъ, коварство сей хищной нацїи? По ея правиламъ, тамъ не должно смотрѣть на преступленїе, гдѣ идетъ дѣло о прибыткѣ.

„Но патрїотизмъ Англичанъ — ты говоришь — заслуживаетъ похвалы и удивленїе.“ Что называешь ты патрїотизмомъ? Не уже ли этотъ духъ самолюбїя, которой гнушается всѣмъ, что чуждо Англїи? которой вопїетъ, что свобода, богатство и счастїе ей одной принадлежитъ? которой осуждаетъ весь мїръ терпѣть бѣдность, угнетенїе? Сей народъ, гордящїйся своимъ патрїотизмомъ, занимается ли согласованїемъ своихъ выгодъ съ выгодами другихъ народовъ? Не тиранское ли угнетенїе колонїй заставило Американцевъ свергнуть иго зависимости, изъ опасенїя, чтобъ не быть безжалостно замученными? Англичане показали этотъ странной патрїотизмъ, когда вели войну съ своими собратїями. Они возмутили дикихъ и принудили ихъ разорять селенїя бѣдныхъ колонистовъ, которые не брали въ войнѣ никакого участїя; Ирокезцы, предводительствуемые Брандтомъ и Бутлеромъ, Англїйскими Офицерами, опустошали жилища беззащитныхъ колонистовъ, уродовали ихъ,

похищали женъ и дѣтей ихъ, разоряли плантаціи — хотя всѣ сіи жестокости ни къ чему не служили болѣе, кромѣ только къ удовлетворенію неистоваго мщенія. Дикіе народы, не захотѣвшіе быть орудіями столь свирѣпаго гоненія, содѣлались жертвами кровожадныхъ Англичанъ, которые, соскучивъ рѣзать и колоть, бросали въ лѣсахъ зараженныя платья, чтобы несчастные погибали отъ язвы! Вотъ слѣдствія народнаго самолюбія, которое ты называешь патріотизмомъ! Былиль Англичане храбры отъ него, когда въ Саратогѣ цѣлая армія ихъ положила оружіе передъ милиціею голодною и невыученною? Куда дѣвался патріотизмъ, когда Генералъ Корнваллисъ, бывъ прежде жестокимъ варваромъ, сдѣлался потомъ трусомъ и предалъ все свое войско Вашингтону? Прочти Исторію сего народа; ты не найдешь въ ней ни одного изъ геройскихъ подвиговъ, раждаемыхъ истиннымъ патріотизмомъ; Исторія свидѣтельствуетъ, что Англичане всегда были вѣроломные, жестокіе, измѣнники, трусы; ибо всякой трусъ жестокъ. Вотъ слѣдствія того, что называешь ты пышнымъ именемъ Патріотизма!

„Страшно могущество Англіи,“ прибавляешь ты: „ея положеніе, господствованіе

на моряхъ, владѣнія въ Индіи, обширная торговля даютъ ей возможность не бояться никого и предписывать законы вселенной; ибо Нептуновъ трезубецъ есть скипетръ міра." — Это обыкновенныя доказательства Англомановъ; но стоитъ только разобрать ихъ — и всѣ сіи выгоды тотчасъ изчезнутъ. Никакое Государство не можетъ хвалиться прочностію своей силы, если она основывается на одной только торговлѣ; Исторія доказываетъ сію истину рядомъ многихъ произшествій, которымъ должны уступить всѣ софизмы. Тиръ, Карѳагенъ, Генуа, Венеція, Португалія, Голландія постепенно достигли до высочайшаго степени богатства посредствомъ торговли; но ихъ величіе обрушилось, не имѣя твердаго основанія, которое состоитъ въ многолюдномъ населеніи, въ плодородіи края. Торговое могущество Англіи заступило мѣсто Голландіи, послѣ ея упадка; Англія вознеслась до послѣдняго степени величія, а это и доказываетъ о близкомъ ея паденіи. Ея Правительство, не умѣвъ ограничить своего честолюбія, и не могши ограничить его, по причинѣ торговыхъ видовъ, ослабѣло и само приготовило свое паденіе разпространеніемъ своихъ владѣній. И такъ, разсмотрѣвъ, что нѣтъ никакой соразмѣр-

ности между обширностїю Областей и малымъ числомъ жителей въ Великобританнїи; что морскїя и сухопутныя силы, которыя надобно содержать для защищенїя сихъ владѣнїй, неминуемо поглощаютъ выгоды, ими приносимыя; что прибытки торговые суть удѣломъ только извѣстныхъ людей, весьма немногихъ въ сравненїи со всѣмъ количествомъ жителей, на которыхъ падаютъ всѣ тягости, необходимо потребныя для поддержанїя столь многосложной машины; наконецъ, что за изобилїемъ торговли и за роскошью всегда слѣдуютъ развращенїе нравовъ и моральное разслабленїе; разсмотрѣвъ, говорю, всѣ сїи причины, по естественному порядку должно заключить, что Англїя не можетъ долго находиться въ нынѣшнемъ своемъ положенїи, и что скорой упадокъ такого Государства непосредственно слѣдуетъ за его возвышенїемъ. Надобно прилѣжно вникнуть и разсмотрѣть, прочно ли такое могущество, котораго главная подпора есть Банкъ; а извѣстно, что кредитъ Великобриттанїи держится только однимъ мнѣнїемъ, ибо капиталъ Банка ея по большей части состоитъ въ воображенїи. Истина сїя открыта свѣту Дюкомъ Шуазёлемъ, Министромъ Лудовика XV, когда онъ едва было

не разорилъ Англїи, уничтоживъ довѣрїе къ ея Банку. Тогда Англичане поспѣшили возпрепятствовать учаспникамъ капитала взять назадъ ихъ суммы; тогда Дирекпоры всячески старались таить недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ; а это самое обнаруживало тайну, и погибель была бы неизбѣжною, если бы богатѣйшїе купцы не согласились поддержать довѣрїе къ Банку своими собственными капиталами, разсчитывая — и очень правильно — что упадокъ Англїйской торговли былъ бы непосредственною причиною разоренїя ихъ самихъ. — И ты думаешь, что твердо величїе Государства, поддерживаемаго однимъ довѣрїемъ къ Банку? Прочти же сочиненїе Томаса Пена о ненадежномъ могуществѣ Англїи; тамъ доказано, что близокъ конецъ ея, не отъ влїянїя причинъ внѣшнихъ, но по натурѣ ея и по безпорядкамъ внутреннимъ. Не говорю уже объ опасноспяхъ, грозящихъ ей отъ непрїятеля, опасностяхъ, которыя, вопреки нелѣпымъ умствованїямъ Англомановъ, имѣютъ цѣлїю скорое разрушенїе сего Государства — какїя ни взяло бы оно мѣры осторожности. Ужасная истина уже загремѣла въ самыхъ стѣнахъ его Парламента: „Нынѣшнее состоянїе Францїи и

бытіе Великобриттаніи суть вещи, совершенно противуположныя между собою.“ Перемѣнить порядокъ дѣлъ никакъ не возможно; что же остается предпринять для отвращенія пагубной кончины? Миръ вреденъ для Англіи, потому что ея соперница построитъ флоты равные Великобриттанскимъ, а можетъ быть, еще многочисленнѣйшіе, съ помощію которыхъ присвоитъ себѣ господство надъ морями — тогда ударитъ послѣдній часъ для Англіи. „Такъ станемъ же вести жестокую „войну съ Франціею и съ ея союзниками; „запретимъ чужестраннымъ флагамъ раз„вѣваться на моряхъ безъ нашего дозво„ленія; будемъ разставлять сѣти, раз„пространять мятежи; средства безчело„вѣчныя не должны остановлять нашихъ „намѣреній; удалимъ отъ себя бурю, или „всѣхъ вовлечемъ съ собою въ пропасть „изрытую нашимъ неистовствомъ!“ — Спросишь: что же они выиграютъ рѣшимостію, столь отчаянною? Ускорятъ свою погибель, и сдѣлаютъ себя предметомъ общаго омерзѣнія. — Англія страшится своей соперницы; опасеніе высадки заставляетъ ее держать подъ ружьемъ множество людей, занимавшихся ремеслами и земледѣліемъ, и на содержаніе ихъ тратить чрезвычайныя суммы; она дол-

жна высылать въ море многочисленныя эскадры, чтобы безполезно осаждать непріятельскія гавани и защищать берега, подверженные опасности нападенія. Между тѣмъ Франція наслаждается спокойствіемъ мира, строитъ флоты, учреждаетъ заведенія, споспѣшествующія умноженію народнаго богатства — и все сіе производится въ дѣйство не только безъ пособія новыхъ налоговъ, но даже съ уменьшеніемъ нынѣ существующихъ.

Франція долго можетъ держаться на вершинѣ своего могущества; Англія стонетъ подъ бременемъ государственныхъ издержекъ. Еще немного времени — и войска непріятельскія разсыпаются въ ея владѣніяхъ и конечнымъ истребленіемъ тиранскаго правительства отмстятъ ему за многія обиды, претерпѣнныя человѣчествомъ, отмстятъ за нарушенія права народнаго. Не смотря на предубѣжденіе въ пользу Англичанъ, ты долженъ признаться, что положеніе сего Государства очень, очень критическое.

По слѣдствію жестокой гордости своей и соображаясь съ противуобщественными своими правилами, они напали на насъ безъ предварительнаго объявленія войны, напали такъ вѣроломно, что сами единоземцы ихъ, у которыхъ осталось еще чув-

ство стыда и чести, въ сильныхъ выраженіяхъ обнаружили все омерзѣніе къ сему поступку. Но Испанская нація, которую они по наружности презираютъ, развѣ не отмститъ имъ приличнымъ образомъ за такія злодѣйства? развѣ не можетъ она, ведя войну оборонительную, причинить Англичанамъ многія зла? Запремъ свои Порты, не впустимъ въ Государство издѣлій ихъ, запретимъ вывозъ матеріаловъ, необходимо нужныхъ для ихъ мануфактуръ — вотъ чѣмъ мы нанесемъ смертный ударъ ихъ торговлѣ и промышленности. Усилія Правительства мудраго и неусыпнаго тѣмъ не ограничатся; ему совершенно извѣстны всѣ пути ко снисканію пособій; ему извѣстно, что можно сдѣлать съ народомъ добрымъ, мужественнымъ, любящимъ своего Государя, знающимъ всю цѣну благородной гордости, оскорбленной столь недостойнымъ образомъ.

Два громкіе Манифеста, обнародованные, первой отъ имени Короля, другой отъ Генералиссима, которому Его Величество ввѣрилъ главное начальство надъ войсками, суть надежнѣйшими поручителями въ прочности пособій и средствъ, коихъ слѣдствія должны быть пагубны для Англіи. Остается только намъ, гордящимся именемъ Испанцевъ, остается

ревностно содѣйствовать патріотическимъ намѣреніямъ Правительства, и не щадить пожертвованій для дѣла, столь справедливаго.

Зная, что пагубная Политика Англіи виною нашихъ несчастій, и что никогда не достигнемъ до степени благоденствія и изобилія, пока враждебное Государство будетъ въ силѣ, какой Испанецъ не соединитъ своихъ стараній съ общими для отмщенія за кровь нашихъ братій, вѣроломно умерщвленныхъ, за честь отечества, оскорбленнаго столь многими неистовствами, за драгоцѣнныя выгоды націи, нарушенныя столь коварными происками? И такъ, станемъ почитать врагомъ отечества, кто захотѣлъ бы ложными умствованіями оправдывать злодѣйства враговъ нашихъ, или, покровительствуя запрещенной торгъ, благопріятствовать Англичанамъ ко вреду нашему! Уповая на справедливость нашего дѣла, на мудрость Правительства, не станемъ сумнѣваться, что надежда наша оправдается событіемъ, и что національное мщеніе соразмѣрно будетъ обидамъ, которыми насъ раздражили. Прости!

Испанецъ.

II.

Извѣстія и замѣтанія.

Успѣхи Французской эскадры на островахъ Антильскихъ вооружили Англійскихъ Журналистовъ (Оппозиціи) противъ Министерства. Имя Питта повторяется по нѣскольку разъ на каждой страницѣ. Питтъ во всемъ виноватъ; за чѣмъ вышли флоты изъ гаваней Французскихъ? за чѣмъ острова не укрѣплены достаточными гарнизонами, и проч. Въ одномъ Журналѣ написано: „Кто воюетъ съ Наполеономъ, тому надобно имѣть великій умъ, великую отважность, великую догадливость. Г. Питтъ въ стыдливости народа находилъ защиту свою противъ Г-на Аддингтона, слабаго и слѣпаго своего питомца. Стыдились выставлять Аддингтона противъ человѣка, котораго хвалимъ только по одному страху. И чтожъ видимъ? Не уже ли Г. Питтъ всегда будетъ подражать Министру, надъ которымъ безпрестанно смѣялся? — Какія дальновидныя намѣренія! какіе планы! запираетъ небольшіе порты *Сен-Валери и Гонфлеръ*; между-тѣмъ Французскіе флоты выплываютъ изъ Бреста, Рошфорта и Тулона! Что дѣлается? Французы, которыхъ мы презирали на морѣ, вездѣ

нападаютъ на насъ! Теперь все въ движенiи у непрiятеля. Война давно уже объявлена, но теперь только начинается; ибо такъ угодно было Г-ну Бонапарте, которой не открывалъ намъ своихъ намѣренiй. Онъ приготовился безъ шума, безъ крика и замѣшательства. Мы сражаемся въ Индiи для удержанiя за собою нашихъ колонiй; въ Америкѣ сражаемся для того же; что я говорю? здѣсь, въ самой Европѣ, стоимъ подъ ружьемъ во всегдашней готовности, для сохраненiя нашего бытiя. Стоимъ подъ ружьемъ? Конечно такъ; по крайней мѣрѣ Г. Питтъ увѣряетъ насъ въ томъ, хотя, сказать правду, мы не знаемъ, гдѣ наше войско. Было чѣмъ нарушить Конституцiю; теперь нечѣмъ защищать Государство! — Въ планахъ Г-на Питта все невѣрно, все запутано. Выдумалъ ли онъ какое-нибудь средство нанести ударъ непрiятелю или его союзникамъ? Если и выдумалъ, теперь весьма поздно уже производить его въ дѣйство; Бонапарте готовъ защищаться. Испанiя приходитъ въ силу отъ того, что ее вывели изъ терпѣнiя. Въ Голландiи вмѣсто правительста слабаго и ненадежнаго вводится постоянное и твердое; мы и тутъ, при сей перемѣнѣ, не умѣли ничѣмъ воспользоваться. Теперь опасно для насъ

удалять знатную часть войска; планы непріятеля нашего зрѣлы, прочны, обдуманы; самыя дѣйствія показываютъ это . . . Но Г. Питтъ успокоиваетъ насъ своею оборонительною системою. Дай Богъ, чтобы сія система не похожа была на тѣ мѣры, какія взяты для защищенія нашихъ колоній! Теперь видимъ опыты Генія сего исполина (Питта), ежедневно умаляющагося; не уже ли и Англія должна съ нимъ умаляться? Все презрѣніе къ Аддингтону теперь должно упадать на Г-на Питта: онъ самъ объявилъ войну, самъ и ведетъ ее — сію войну, въ продолженіе которой флоты наши въ первой разъ еще ничѣмъ не прославились; въ первой разъ еще опасность угрожаетъ собственнымъ жилищамъ нашимъ; наконецъ въ первой разъ еще мы не предвидимъ никакой для себя пользы отъ сихъ усилій, которыя стоятъ намъ такъ дорого."

Въ Остъ - Индіи произошли важныя перемѣны, благопріятныя для Англичанъ, а особливо въ нынѣшнее, отъ части критическое для нихъ время. Голькарова пѣхота, конница и артиллерія совершенно разбиты, прогнаны и разсѣяны. Сей Владѣлецъ потерпѣлъ великой ущербъ въ людяхъ, убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ;

множество военнаго снаряда и муниціи досталось въ руки побѣдителей. Въ Лондонѣ теперь увѣрены, что сей начальникъ Маратповъ уже не страшенъ для Англіи.

На мѣсто Г-на Мельвиля опредѣленъ начальникомъ Адмиралтейства Лордъ Баргамъ, почтенный по своимъ лѣтамъ, по опытности и знаніямъ. Надѣются, что подъ его управленіемъ Англійскіе мореходцы не потеряютъ своего мужества.

Соединенный Французско - Испанской флотъ пробѣжалъ мимо острововъ Канарскихъ; изъ чего заключаютъ, что онъ плыветъ въ Восточную Индію. Адмиралъ Нельсонъ — какъ сказываютъ — былъ обманутъ. Ему дали перехватить письмо, котораго онъ совсѣмъ не считалъ подложнымъ, и въ которомъ было написано, что флотъ Тулонскій поплыветъ въ Египетъ. По сей причинѣ, Адмиралъ Нельсонъ оставался на водахъ Сицилійскихъ, надѣясь напасть на непріятеля, когда онъ поѣдетъ мимо. Услышавъ, что флотъ вышелъ изъ Гибралтарскаго пролива, онъ погнался за непріятелемъ, но уже поздно; Французы выиграли передъ нимъ 10 миль въ разстояніи.

*

Скоро услышимъ о коронованіи Г-на Бонапарте. Депутація, отправленная изъ

Милана въ Туринъ для встрѣчи Наполеона, поднесла ему поздравленіе съ благополучнымъ прибытіемъ въ сей городъ. Достойна примѣчанія Рѣчь, которую Г. Бонапарте говорилъ къ Депутатамъ; помѣщаемъ нѣкоторые отрывки:

„ . . . . Принимаю съ удовольствіемъ изъявленіе чувствъ народа Медіоланскаго; сіи чувства мнѣ извѣстны были еще въ то время, когда я съ побѣдою вошелъ въ ихъ городъ. . . . Почитаю моими дѣтьми жителей Медіолана; навсегда сохраню особливую къ нимъ привязанность, радуясь, что спасъ ихъ отъ непріятелей и избавилъ отъ опасностей, имъ угрожавшихъ. . . . Совѣтую хранить общественныя добродѣтели: дѣятельность, любовь къ отечеству и порядокъ.“ — Говоря о Республикѣ Италіянской и о Королевствѣ Италіи, Наполеонъ упомянулъ, что первая возбудила зависть въ непріятеляхъ, и прибавилъ, что если и Королевство будетъ имѣть своихъ завистниковъ, то онъ готовъ мечемъ, даннымъ ему отъ Бога, защищать свое право.

5 го Мая Г. Бонапарте на полѣ извѣстнаго сраженія при Маренго училъ войско; потомъ положилъ основаніе монумента, которой предположено сооружить въ память воиновъ, лишившихся жизни на

сей битвѣ. На камнѣ вырѣзана слѣдующая надпись: „Наполеонъ Императоръ Французовъ и Король Италїи тѣнямъ защитниковъ отечества, скончавшихъ животъ свой на Маренгскомъ сраженїи.“

Слѣдующїя извѣстїя при другихъ обстоятельствахъ показались бы выдумкою, недостойною вниманїя; но въ наше время такїя событїя весьма обыкновенны. Въ Верхней Италїи увѣрены, что Наполеонъ шурину своему Князю Мюра отдастъ Луккскую Республику въ вѣчное владѣнїе. По сей-то причинѣ — какъ думаютъ — 600 человѣкъ Французскаго войска пошло изъ Ливорны въ Лукку. Сверхъ того пишутъ изъ Парижа, что Люсьень Бонапарте помирится съ Наполеономъ и будетъ возведенъ на престолъ Княжества Пармскаго. Этого не довольно: начинаютъ говорить, что Римъ назначенъ быть столицею Королевства Италїи, и что Святый Отецъ будетъ жить въ Авиньйонѣ. Можетъ быть, все сїе въ самомъ дѣлѣ вѣроятно; однакожъ въ Парижѣ теперь всего труднѣе отгадать будущее. Наполеонъ всѣ свои намѣренїя скрываетъ съ великимъ тщанїемъ. Нынѣшнїй Князь Пїомбинскїй не прежде узналъ о своемъ возвышенїи, какъ въ то время, когда прочитано ему было Сенатское опредѣленїе. — Наполеонъ имѣетъ

особенное довѣрїе къ Лудовику своему брату, и весьма любитъ старшаго его сына. — Жеромъ Бонапарте прибылъ изъ Америки въ Лиссабонъ, откуда немедленно отправился въ Миланъ и теперь находится въ дорогѣ; тесть его Г. Паперсонъ и дочь его, бывшая супруга Жерома, а нынѣ опять по прежнему называемая дѣвицею Паперсонъ, отвезены обратно въ Америку.

*

Славный Нѣмецкїй Стихотворецъ Шиллеръ скончался въ Веймарѣ на сорокъ пятомъ году, послѣ девяти-дневной болѣзни отъ грудной и нервной горячки. Германїя и вообще любители Нѣмецкой Литтературы потеряли въ немъ Писателя, рожденнаго украшать вѣкъ свой. — Докторъ Галль, окончивши въ Потсдамѣ, въ присутствїи Короля и Королевы, двухнедѣльное преподаванїе лекцїй своихъ о черепословїи, отправился въ Лейпцигъ.

*

Въ 15 й день Мая торжественно открыто въ Гагѣ Собранїе Ихъ Высокомочїй. Раппенсїонеръ, Г. Шиммельпенникъ, говорилъ къ Членамъ прекрасную Рѣчь, въ которой предложилъ, чего нацїя теперь ожидаетъ отъ правительства. Пространство мѣста не дозволяетъ намъ включить здѣсь Рѣчь сїю.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ 1805.

№ 12.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Дѣвица Клермонъ. Историческая повѣсть Г-жи Жанлисъ (*).

Нѣтъ! не за стѣнами пышныхъ городовъ, не въ тихомъ уединеніи, не подъ смиреннымъ кровомъ любовь господствуетъ

(*) Сочинительница слышала Исторію о дѣвицѣ Клермонѣ въ Шантильи, находясь въ самой роковой аллеѣ, до сихъ поръ называемой Меленевою; тогда же написала ее, и скоро забыла о ней. Спустя тридцать лѣтъ, то есть недавно передъ симъ, она вспомнила о своей рукописи, переправила что нужно было, выбросила многія излишнія подробности, прибавила развязку и издала подъ именемъ повѣсти. *Изд.*

съ большею властію — вопреки мнѣнію Поэтовъ и любовниковъ. Шумъ и блескъ для нее пріятнѣе; честолюбіе, похвалы, пышность, величіе, суть подпоры ея престола. Любовь скорѣе начинается, поспѣшнѣе растетъ въ чертогахъ, среди блестящихъ призраковъ, среди страстей, зависящихъ отъ гордости и воображенія; тамъ тонкая разборчивость, нѣжной вкусъ украшаютъ жертвы, ей приносимыя, управляютъ ея празднествами, и словарь страстнаго языка ея обогащаютъ пріятностями неподражаемыми.

Я жила на счастливыхъ берегахъ, утучняемыхъ Луарою; на сихъ прекрасныхъ поляхъ, въ сихъ рощахъ безъискуственныхъ любовь оставила по себѣ легкіе слѣды — памятники не долговѣчные слабаго владычества: нѣсколько вензелей, грубо вырѣзанныхъ на корѣ вязовъ, нѣсколько сельскихъ пѣсенокъ, болѣе простыхъ, нежели трогательныхъ. Любовь летала надъ сими уединенными полями и пролетѣла мимо. Но въ садахъ Армиды, въ садахъ Шантильскихъ она останавливается; тамъ избираетъ себѣ обожателей, и кладетъ на нихъ печать свою; тамъ пагубное владычество ея ознаменовано славными произшествіями, о которыхъ Исторія вѣщаетъ потомству. Хочу из-

образить здѣсь одно изъ такихъ произшествій; все, что ни находится въ Шантильи, напоминаетъ о немъ; всѣ предметы въ прекрасныхъ сихъ мѣстахъ трогательны — они возбуждаютъ чувства меланхоліи. Я занималась размышленіемъ о судьбѣ несчастныхъ любовниковъ, будучи въ самой рощѣ Сильвіиной, въ самой роковой аллеѣ меленевой, ступая по слѣдамъ ихъ. . . . Пускай другіе отличаются остроумными вымыслами; я хочу истиною трогать читателей; почту себя счастливою, если успѣю въ своемъ намѣреніи. Кто нравится картинами вѣрными и трогательными, тотъ наставляетъ.

Дѣвица Клермонъ получила отъ Натуры и отъ Фортуны всѣ дары, всѣ блага, которымъ смертные завидуютъ: Царскую породу, совершенную красоту, острый и разборчивый умъ, чувствительную душу, кротость, однообразіе характера — свойства рѣдкія и драгоцѣнныя, а особливо въ людяхъ знатныхъ. Будучи непритворна, скромна и проста, она говорила точно, пріятно, умно и краснорѣчиво. Голосъ ея проникалъ до глубины сердца; чувствительность украшала всѣ ея поступки и движенія. Дѣвица Клермонъ въ двадцать лѣтъ отъ роду была спокойна, всѣми отличаема, чужда страстей, и даже слабостей,

была счастлива. . . . Дюкъ Клермонъ (*), ея братъ, любилъ ее нѣжно; но будучи отъ природы важнымъ и строгимъ, онъ въ обхожденіи показывалъ всю власть надъ нею, власть, которая принадлежала ему по праву, по лѣтамъ, по опытности и по мѣсту, занимаемому имъ въ свѣтѣ. Это было причиною, что дѣвица Клермонъ любила его съ какою-то боязливостію, съ какою-то застѣнчивостію, которая походила болѣе на дѣтскую покорность, нежели на братскую дружбу. Почти въ сіе самое время дѣвица Клермонъ въ первой разъ явилась въ Шантильи, гдѣ до того времени не могла быть по причинѣ молодости лѣтъ своихъ. При концѣ весны она пріѣхала къ своему брату; немедленно всѣ обратили на нее вниманіе, осыпали ее похвалами. Принцессы имѣютъ ту выгоду передъ прочими женщинами, что красотѣ ихъ менѣе завидуютъ; ихъ высокое званіе, кажется, удаляетъ понятія о соперничествѣ. Благосклонностію и снизхожденіемъ онѣ могутъ привлечь къ себѣ сердца всѣхъ, по крайней мѣрѣ могутъ не раздражать самолюбія женщинъ.

Шантильи есть одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ въ свѣтѣ; въ немъ тще-

(*) Принцъ крови и первый Министръ Лудовика XV.

славный найдетъ всю пышность, какой только желать можетъ; въ немъ чувствительный найдетъ всѣ прелести сельскія, всѣ пріятности уединенія. Тамъ честолюбивый вездѣ видитъ печать величія; воинъ вспоминаетъ о подвигахъ геройскихъ; гдѣ лучше можно мечтать о славѣ, какъ въ Шантильскихъ рощахъ? Тамъ тихія убѣжища приглашаютъ мудреца для размышленія; тамъ любовникъ можетъ бродить по обширному лѣсу, или по *Острову Любви* (*). Не льзя не ощутить внутренняго движенія, взглянувъ въ первой разъ на сіе мѣсто очаровательное; дѣвица Клермонъ ощутила его; сердце ея узнало силу новыхъ впечатлѣній, которыя уже и по тому были опасны, что онѣ новы. Сколько соблазновъ! Удовольствіе быть предметомъ вниманія и удивленія общества самаго блистательнаго; первое чувство наслажденія выгодами знатнаго состоянія; пышность празднествъ, самыхъ остроумныхъ, самыхъ роскошныхъ; сладкой ядъ похвалъ, приготовленныхъ съ искуствомъ, подносимыхъ съ тонкою хитростію — сихъ похвалъ не предвидимыхъ, отъ которыхъ не можно остеречься, кото-

(*) Такъ называется одинъ прекрасный островъ, не далеко отъ замка.

рыя отклонить нѣтъ времени, и которыхъ, по законамъ благопристойности и свѣтскаго обхожденія, никому не должно воздавать явно! Сколько соблазновъ! Какъ устоять противъ нихъ, имѣя двадцать лѣтъ отъ роду?

Дѣвица Клермонъ всегда любила чтеніе; въ Шантильи склонность къ сему занятію сдѣлалась въ ней страстію. Каждой день, послѣ обѣда, собирались въ маленькомъ особомъ кабинетѣ и все время до вечерней прогулки употребляли на чтеніе занимательнѣйшихъ романовъ. Дѣвица Клермонъ обыкновенно читала въ слухъ для удовольствія общества. Часто излишняя нѣжность сердца принуждала ее останавливаться; всѣ хвалили ея чувствительность, ея искуство читать. Женщины плакали; мущины слушали съ видомъ удивленія и соучастія, тихонько о чемъ-то говорили между собою; иногда вырывались слова: *прекрасно! удивительно!* а у тщеславія слухъ такъ остръ, такъ тонокъ! . . . Одинъ только мущина, обыкновенно находившійся при чтеніи, постоянно хранилъ печальное молчаніе; дѣвица Клермонъ замѣтила это. Сей мущина былъ Дюкъ Мелень, послѣдняя отрасль знаменитаго дома. Душевныя свойства и добродѣтели давали ему право на общее

почтенїе къ его особѣ, не зависящее ни отъ богатства, ни отъ породы. Хотя видъ его былъ благородной, хотя въ его физїогномїи было много умнаго и прїятнаго, однакожъ наружность его не представляла ничего блистательнаго; онъ казался холоднымъ и разсѣяннымъ въ обществѣ; имѣя умъ превосходный, онъ не былъ человѣкомъ — какъ говорятъ — любезнымъ, потому что не показывалъ желанїя нравиться, и дѣлалъ это не отъ презрѣнїя и не отъ гордости, но единственно отъ равнодушїя, которое сохранилъ до сего времени. Не смотря на излишнюю суровость, на отчужденїе отъ искуственныхъ способовъ нравиться, онъ былъ любимъ цѣлымъ обществомъ. Люди строгой добродѣтели обыкновенно бываютъ не забавны; но кто увѣренъ въ ихъ искренности, тотъ увѣренъ и въ томъ, что они друзья самые постоянные, соперники менѣе всего опасные, а особливо при Дворѣ. Сколько есть средствъ взять верхъ надъ ними! сколько видовъ къ успѣхамъ, видовъ, которыми они гнушаются! . . . Они страшны только добрымъ именемъ своимъ; но такой страхъ не подаетъ причины ненавидѣть ихъ: коварство и происки торжествуютъ надъ истиннымъ достоинствомъ. — Дюкъ Мелень, обходясь съ жен-

щинами, наблюдалъ благородную вѣжливость, но не представлялъ изъ себя томнаго воздыхателя; самая нѣжность характера и чувствительность предохраняли его отъ связей, заключаемыхъ по одной прихоти. Имѣя отъ роду только тридцать лѣтъ, онъ могъ еще возпламениться сильнѣйшею страстїю; но свойства и нравъ защищали его отъ всѣхъ искушенїй кокетства. Дюкъ Клермонъ оказывалъ ему особенное уваженїе и довѣренность. Дѣвица Клермонъ не могла не знать объ этомъ; ей прискорбно было, что одинъ Г. Мелень не платилъ ей дани похвалъ, которыми осыпало ее все общество; однакожъ, разсуждая объ его прилѣжномъ слушанїи чтенїя, заключала, что оно было для него не непрїятнымъ. Она захотѣла спросить о семъ Маркизу Г*, родственницу и прїятельницу Г. Меленя, и которая къ прискорбїю и негодованїю дѣвицы Клермонъ отвѣчала со смѣхомъ, что Г. Мелень сдѣлалъ привычку не слушать чтенїя, но быть тамъ, гдѣ читаютъ. „Ему лучше нравится — продолжала Маркиза — нашъ кабинетъ, нежели шумная зала бильярдная, или комната, въ которой кричатъ, сидя за картами; онъ думаетъ, что, находясь подлѣ насъ, можно углубляться въ размышленїя съ большею

удобностїю; совсѣмъ тѣмъ мы не имѣемъ причины быть недовольными его разсѣянностїю; онъ слушатель самой молчаливой и неподвижной."

Дѣвица Клермонъ огорчилась. Въ этотъ день она не могла уже читать съ прежнею исправностїю, часто задумывалась, взглядывала на Дюка Меленя, и ея взоры часто встрѣчались съ его взорами. Выходя изъ кабинета, она отважилась сказать ему нѣсколько словъ.

На вечерней прогулкѣ дѣвица Клермонъ притворилась очень утомленною, и просила Г-на Меленя подать себѣ руку. Такое предпочтенїе удивило его. Дѣвица Клермонъ, отведя его нѣсколько въ сторону отъ общества, сказала съ милою улыбкою: „Позвольте сдѣлать вамъ одинъ вопросъ; надѣюсь, что будете отвѣчать съ обыкновенною вашею искренностїю. Вы не пропускаете ни одного раза быть при чтенїи; не смотря на то, мнѣ кажется, будто вы скучаете. Безъ сомнѣнїя, вамъ не нравится выборъ сочиненїй; почитаете ихъ недостойными вниманїя; мнѣ очень хочется знать, какъ вы объ этомъ думаете; я должна уважать мнѣнїе такой особы, которая сопряжена союзомъ дружбы съ моимъ братомъ." — Изумленный Дюкъ не зналъ, что отвѣчать на такой вопросъ;

наконецъ ободрившись: „Мнѣ не досадно — сказалъ — когда люди съ посредственнымъ умомъ, люди средняго состоянія проводятъ драгоцѣнное время своей молодости въ безполезныхъ занятіяхъ; но не могу равнодушно видѣть такое злоупотребленіе въ особахъ, по уму и по званію своему имѣющихъ преимущество передъ другими. Вамъ, милостивая государыня, угодно было знать истинное мое мнѣніе; я исполнилъ вашу волю.“ Дюкъ произнесъ послѣднія слова съ чувствомъ. Дѣвица Клермонъ закраснѣлась, потупила глаза въ землю, нѣсколько минутъ не могла выговорить ни слова; наконецъ подозвала къ себѣ одну изъ дамъ, которыя провожали ее. Симъ разговоръ кончился.

На другой день, въ обыкновенное время чтенія, подали дѣвицѣ Клермонъ книгу, начатую наканунѣ; она взяла ее, положила на столъ и сказала, смотря на Г-на Меленя: „мнѣ наскучили романы; не лучше ли читать что нибудь полезное и основательное?“ Всѣ одобрили такое предложеніе, а въ самомъ дѣлѣ многія дамы внутренно были недовольны. Велѣли принести книгу историческаго содержанія. Дѣвица Клермонъ начала читать со вниманіемъ, котораго Г. Мелень не могъ не замѣтить. Ввечеру за ужиномъ дѣвица

Клермонъ посадила его подлѣ себя. Оба молчали до тѣхъ поръ, пока общій разговоръ сдѣлался довольно громкимъ, и далъ имъ случай къ частному разговору. „Вы видѣли — сказала дѣвица Клермонъ — что я умѣю пользоваться совѣтами, которые подаютъ мнѣ; надѣюсь, что этотъ примѣръ ободритъ васъ.“ — Опасеніе прогнѣвить васъ — отвѣчалъ Дюкъ — могло препятствовать моему усердію; теперь, получивъ ваше позволеніе, моя ревность будетъ дѣйствовать со всею свободою. — Сіи слова, съ живымъ чистосердечіемъ произнесенныя, тронули дѣвицу Клермонъ; чувствительный взглядъ былъ на нихъ отвѣтомъ. Никогда ей столько не хотѣлось нравиться, какъ въ это время: она призвала на помощь всѣ прелести ума своего; Дюкъ также удивилъ ее своею живостію и нѣжными словами, чего прежде совсѣмъ не видно въ немъ было.

На другой день дѣвица Клермонъ уже не смѣла явно отличать Г-на Меленя, что конечно бы могло быть замѣчено; однакожъ она отдавала преимущество Маркизѣ Г*, родственницѣ Дюка, и короткой пріятельницѣ его съ самаго младенчества. Въ дружбѣ, равно какъ и въ любви, Принцессы осуждены вызываться съ первыми предложеніями. Изъ почтенія, никто не от-

важивается приближиться къ нимъ безъ особливаго приглашенія. Слѣдствіемъ сихъ строгихъ, предписываемыхъ гордостью, законовъ бываетъ, что самая высокомѣрная Принцесса часто дѣлаетъ такія предложенія, на которыя весьма немногія женщины низшаго состоянія рѣшаются.

Внезапная привязанность дѣвицы Клермонъ къ Маркизѣ Г* казалась дѣломъ необыкновеннымъ. Маркиза вышла уже изъ лѣтъ цвѣтущей юности и могла нравиться болѣе достоинствами, нежели пріятностями; не смотря на то, никто не догадывался о причинѣ новой дружбы, и каждой думалъ, что Дюкъ Клермонъ совѣтовалъ сестрѣ своей войти въ связь съ Г-жею Г*, которая имѣла справедливыя права на общее уваженіе. Г. Мелень не смѣлъ остановиться на мысли, къ которой тѣсная дружба подавала поводъ; но съ того времени Маркиза казалась ему несравненно любезнѣе, нежели прежде: онъ не покидалъ ее ни на минуту, когда дѣвица Клермонъ разставалась съ нею, и казался гораздо усерднѣе, гораздо услужливѣе. За столомъ всегда садился подлѣ нее, слѣдственно не далеко отъ дѣвицы Клермонъ, потому что Принцесса приглашала къ себѣ Г-жу Г* обѣдать и ужинать, и жила съ нею почти неразлучно.

Дюкъ Клермонъ имѣлъ надобность побывать въ Парижѣ. Дѣвицѣ Клермонъ захотѣлось встрѣтить брата своего праздникомъ и баломъ. Она танцовала прекрасно; Г. Мелень никогда не видалъ ее въ танцахъ. Ей было извѣстно, что, не смотря на угрюмой нравъ свой, Г. Мелень также любилъ сїе искуство и почитался однимъ изъ лучшихъ танцовщиковъ въ Парижѣ.

Ввечеру, дѣвица Клермонъ увидѣла изъ окна Г-жу Г* и Г-на Меленя гуляющихъ по двору; поспѣшно сбѣжала въ низъ, нашла ихъ, взяла за руку Дюка и направила путь къ *Острову Любви.* Освободясь на нѣсколько минутъ отъ несноснаго этикета, будучи безъ свиты, почти наединѣ съ Меленемъ, дѣвица Клермонъ отъ радости думала, что въ первой разъ еще посѣщаетъ сей прелестный островъ, котораго названїя не могла выговорить безъ внутренняго движенїя. Надобно замѣтить, что Г-жа Г* при всемъ умѣ своемъ имѣла докучливую привычку безпрестанно повторять одно и то же. Г. Мелень пользовался ея почтенїемъ, дружбою и довѣренностїю; не смотря на то, она обходилась съ нимъ въ обществѣ съ видомъ всегдашней готовности къ насмѣшкамъ, рѣдко оставляла сей тонъ, и опять принимала оной, когда хотѣла нравиться. Она безпрестанно шу-

тила надъ его холодностїю, надъ его разсѣянностїю; но въ шуткахъ ея было менѣе замысловатости, болѣе скучнаго однообразїя. *Островъ Любви* подалъ ей обильную матерїю къ насмѣшкамъ. Сѣли отдыхать передъ прекрасною мраморною групою, извѣстною подъ именемъ *объявленїя*; она представляетъ молодаго человѣка, стоящаго на колѣняхъ передъ Нимфою, и открывающагося ей въ любви своей, между тѣмъ какъ Амуръ, стоя подлѣ, шепчетъ ему на ухо и учитъ, что говорить должно. Г. Мелень смотрѣлъ пристально на статуи; Маркиза начала шутить. „Кажется — сказала она — будто вы вслушиваетесь въ слова молодаго человѣка. Къ чему же это послужитъ? вѣдь вы не поймете его.“ — Я думаю — отвѣчалъ Г. Мелень — что Амуръ долженъ вѣчно безмолвствовать въ сихъ мѣстахъ: всѣ слова его могутъ быть осквернены лжею, ласкательствомъ . . . . — „Умствованїя мизантропа!“ вскричала Маркиза. — Но не придворнаго — подхватила дѣвица Клермонъ, вздохнувъ — правда, онѣ слишкомъ печальны. — Сей разговоръ былъ перерванъ человѣкомъ пожилымъ, имѣющимъ видъ благородной и почтенной, и подошедшимъ съ просительнымъ письмомъ къ дѣвицѣ Клермонъ. Принцесса была снизходительна

отъ природы; но передъ Г-мъ Меленемъ она казалась еще добрѣе. Незнакомой, бывъ принятъ благосклонно, разсказалъ подробности своего дѣла. Его прошенїе было справедливо; успѣхъ зависѣлъ отъ Дюка Клермона; надлежало уничтожить приговоръ, по силѣ котораго проситель лишался всего своего имѣнїя; дѣло не терпѣло ни малѣйшей медленности, и требовало, чтобы въ тотъ же вечеръ бумага была отмѣчена Дюкомъ. Дѣвица Клермонъ съ изъявленїемъ живѣйшаго участїя взяла на себя ходатайствовать, тѣмъ охотнѣе, что Г. Мелень увѣрялъ ее въ справедливости дѣла и въ томъ, что проситель заслуживаетъ покровительство по всѣмъ отношенїямъ. Возвратились въ замокъ. Дѣвица Клермонъ вошла въ галлерею, въ которой не всѣ еще были собраны, сѣла у столика, облокотилась и положила просительное письмо. Спустя нѣсколько минутъ, пришли сказать ей, что привезено изъ Парижа платье, которое она велѣла сдѣлать для бала. Дѣвица Клермонъ встала съ поспѣшностїю, взяла за руку Г-жу Г*, и вышла съ нею изъ галлереи. Г. Мелень, сидѣвшїй подлѣ столика, увидѣвъ забытое просительное письмо, положилъ его въ свой карманъ съ тѣмъ, чтобы отдать въ то время, когда потребуютъ. Онъ умышленно остался въ

галлереѣ, желая знать, придутъ ли искать письма, принятаго съ такимъ чувствомъ сострадания; но платье для бала и праздникъ вытѣснили изъ головы мысль о просителѣ, невинно угнетаемомъ!

Дюкъ Клермонъ пріѣхалъ къ самому ужину; Г. Мелень не садился за столъ и остался въ залѣ. Дѣвица Клермонъ часто посматривала на дверь; казалась задумчивою и занятою во все время ужина. Вставши изъ-за стола, пошла въ свои покои наряжаться на балъ, которому надлежало начаться въ полночь. Она явилась въ ослѣпительномъ блескѣ; во всей залѣ раздались восклицанія. . . Г. Мелень, сидѣвшій въ углу, увидѣвъ ее, вздохнулъ, поспѣшно оставилъ галлерею и пошелъ въ комнату, гдѣ играли въ карты; тамъ съ печальною душею сѣлъ подлѣ окна, не обращая никакого вниманія на то, что окружало его, и углубился въ размышленія.

Между тѣмъ дѣвица Клермонъ, танцуя первой контрдансъ, съ безпокойствомъ смотрѣла вокругъ, и тщетно искала единственнаго человѣка, котораго одобреніе почитала драгоцѣннымъ. . . Контрдансъ казался ей очень долгимъ; окончивъ его, она стала жаловаться на жаръ, чтобы имѣть причину пройти по галлереѣ и заглянуть въ боковыя комнаты. Г-жа Г* была съ нею.

Вошедъ въ комнату игроковъ, она въ минуту замѣтила Г. Меленя, хотя увидѣла только полу его платья, и пошла въ ту сторону, гдѣ онъ находился. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ окна, Г-жа Г* остановилась, чтобы сказать кому-то два слова. Дѣвица Клермонъ, сдѣлавши нѣсколько шаговъ впередъ, очутилась подлѣ Дюка, которой съ трепетомъ всталъ передъ нею. „Что это значитъ, Г. Меленъ? — вскричала дѣвица Клермонъ: — что вы здѣсь дѣлаете?" — Дюкъ отвѣчалъ съ холодностію, что, не имѣя охоты ни играть, ни танцовать, онъ нарочно уединился. — Дѣвица Клермонъ окаменѣла. Маркиза, подошедши къ нимъ, по обыкновенію своему сказала нѣсколько насмѣшекъ на счетъ *дикости* Г-на Меленя. Дѣвица Клермонъ съ поспѣшностію возвратилась въ галлерею. Досада, огорченіе, нечаянность, сразили ее; гордость и негодованіе подкрѣпили ея силы; она приняла на себя видъ веселый, начала танцовать — и въ семъ притворствѣ находила нѣкоторую отраду для души своей. Въ томъ состояло ея мщеніе. Впрочемъ она не теряла надежды, что Г. Меленъ по крайней мѣрѣ обойдетъ кругомъ галлерею; но Г. Меленъ не являлся. Многія охотницы до танцовъ, согласясь, отправили къ нему

посольство съ препорученіемъ просить въ галлерею; тщетно! его уже не было въ комнатѣ игроковъ; по видимому онъ ушелъ спать. Тутъ дѣвица Клермонъ потеряла притворную веселость свою; балъ сдѣлался ей несноснымъ; ничего столько ей не хотѣлось, какъ остаться наединѣ. Дюкъ Клермонъ въ два часа ушелъ спать; спустя не много и дѣвица Клермонъ удалилась. До сихъ поръ она еще не отдавала себѣ отчета въ своихъ чувствахъ. „Не легкомысліе родило во мнѣ склонность, не наружность, не пріятности, не искательство Г-на Меленя обратили на себя мое вниманіе: нѣтъ! но его строгая честность, его умъ, его правила; слѣдственно мои чувства не значатъ любви. Я искала друга добродѣтельнаго; такъ можетъ ли связь сія быть предосудительною?“ Такъ умствовала дѣвица Клермонъ. Но опытъ послѣ доказалъ ей, что истинная любовь въ женщинѣ есть не что иное, какъ возвышенная дружба, и что она одна только бываетъ продолжительною и прочною. Симъ объясняется, отъ чего многія женщины страстно любили мущинъ старыхъ и имѣющихъ отвратительную наружность.

Дѣвица Клермонъ съ печалію въ душѣ разсуждала о поведеніи Дюка Меленя; цѣлыя три недѣли она видѣла, какое живое

участіе онъ принимаетъ въ ней, при всей скромности своей; каждой разъ, вошедъ въ галлерею, онъ искалъ ее глазами, и взоры его останавливались на ней съ особливою выразительностію; голосъ его въ разговорѣ съ нею былъ несравненно пріятнѣе обыкновеннаго. . . Еще въ тотъ самой день онъ говорилъ къ ней съ такою пріятностію, показывалъ такую привязанность! Онъ любилъ танцы и обѣщался танцовать. . . Откуда же взялось это своенравіе? откуда эта причудливая холодность, эта неучтивость, это нехотѣніе быть въ галлереѣ? . . . Сими мыслями дѣвица Клермонъ занималась большую часть ночи; не смотря на то, встала рано, и желая освѣжиться чистымъ воздухомъ, вышла изъ своей комнаты; проходя галлерею, съ весьма непріятнымъ изумленіемъ увидѣла стоящаго человѣка, которой на *Островѣ Любви* подалъ ей просительное письмо; тутъ вспомнила о своемъ обѣщаніи, данномъ въ присутствіи Г-на Меленя. . . Что оставалось ей сказать несчастному просителю, которой положился на ея слово? какъ загладить такую вину, и что подумаетъ о ней Г. Мелень? . . . Все это вдругъ представилось ея воображенію, и произвело въ ней неизъяснимое смущеніе. . . Она остановилась, не могла

выговорить ни одного слова, между тѣмъ какъ проситель съ радостнымъ лицемъ къ ней приближался. „Милостивая Государыня!“ сказалъ онъ: „я пришелъ поблагодарить вашу Свѣтлость; вамъ я обязанъ покоемъ и счастїемъ моей жизни. . .“ — Какъ? — „Дюкъ Мелень, сего дня по утру удостоивъ меня своимъ посѣщенїемъ, увѣдомилъ, чѣмъ я вамъ обязанъ; онъ благоволилъ извѣстить меня о милости Его Свѣтлости, по ходатайству вашему. . .“ — Вамъ Г. Мелень сказалъ это? — „Такъ, милостивая Государыня! и отдалъ мнѣ бумагу, подписанную рукою Его Свѣтлости, ту самую бумагу, которую вчера я имѣлъ честь поднести вамъ.“ — Дѣвица Клермонъ, сказавъ нѣсколько несвязныхъ словъ объ удовольствїи, которое доставляетъ ей удачной успѣхъ, немедленно пошла къ брату, и услышала отъ него, что слова просителя были истинны. „Вы должны благодарить Г-на Меленя — говорилъ далѣе Дюкъ Клермонъ — онъ весьма усердно старался объ успѣхѣ сего дѣла, зная, что вы принимаете въ немъ участїе. Вчера пришедши къ себѣ, я нашелъ Г-на Меленя, которой, не смотря ни на поздное время, ни на усталость мою, не отсталъ отъ меня до тѣхъ поръ, пока я

не согласился выслушать прошенія и отмѣтить бумагу."

Это привело дѣвицу Клермонъ еще въ большее смятеніе. Поспѣшно оставивъ брата, она пошла прогуливаться, надѣясь найти Г-на Меленя у большаго канала. Женщина скоро узнаетъ всѣ привычки любимаго человѣка, не показывая ни малѣйшаго къ тому желанія! Однѣмъ женщинамъ извѣстна тайна освѣдомляться о томъ, о чемъ не смѣютъ спрашивать; однѣ женщины умѣютъ, посредствомъ околичныхъ вопросовъ, съ непостижимымъ искуствомъ узнавать все, что знать имъ нужно. Дѣвица Клермонъ въ самомъ дѣлѣ нашла Г-на Меленя на берегу канала. Оставя дамъ, провожавшихъ ее, она съ поспѣшностію подошла къ Г-ну Меленю, взяла его за руку, отвела въ сторону и сказала: „Ахъ! какихъ теперь вы обо мнѣ мыслей! пожалуйте не судите о моемъ нравѣ по сему поступку, которымъ не перестану упрекать себя во всю жизнь... Правда, балъ и танцы заставили меня забыть о моей должности; это непростительно! однакожъ не думайте, чтобы кокетство... нѣтъ! нѣтъ! вы были бы очень несправедливы... Я занята была совсѣмъ другимъ... мнѣ надлежало бы о многомъ говорить съ вами, но теперь не имѣю вре-

мени. . . мнѣ надлежало бы оправдываться, вмѣсто того я должна благодарить васъ. . . вы загладили мою ошибку, исполнивъ мою должность. . . Ахъ! еслибъ вы знали, чего стоитъ мнѣ этотъ поступокъ! но я имѣю удовольствіе вамъ удивляться, и это уменьшаетъ мое раскаяніе. Если потеряю ваше почтеніе, кто утѣшитъ меня?..“ — Говоря послѣднія слова, она пристально смотрѣла на Г-на Меленя, увидѣла слезы на глазахъ его, сама заплакала и тихонько пожала руку своего друга. Дюкъ поблѣднѣлъ; ноги его зашатались. . . Шесть человѣкъ, любопытныхъ и примѣчательныхъ, гуляли отъ нихъ въ нѣсколькихъ шагахъ; его движеніе, принужденность, безпокойство, увеличивали смятеніе. . . . но дѣвица Клермонъ была счастливѣе; она ничего не чувствовала, кромѣ радости отъ того, что сердце Дюка было открыто для нее въ сію минуту. Оба хранили молчаніе, и оба, не стараясь, очень хорошо понимали другъ друга! . . . Наконецъ дѣвица Клермонъ снова начала разговоръ. „Такъ это причиною, что вчера вы не хотѣли танцовать?“ сказала она съ милою улыбкою. — Признаюсь, отвѣчалъ Дюкъ — я нѣсколько недоволенъ былъ вчерашнимъ баломъ. — „Ахъ! — вскричала дѣвица Клермонъ — тому причиною совсѣмъ не

балъ" тутъ она остановилась и покраснѣла; „*балъ!* проклинаю его и обѣщаюсь не танцовать цѣлой годъ." — Цѣлой годъ? — „Точно; клянусь вамъ, что это исполню!" — А на балахъ придворныхъ? — Стану извиняться какимъ нибудь предлогомъ. Позвольте мнѣ быть увѣренною, что симъ малымъ пожертвованіемъ загладжу передъ вами легкомысленной поступокъ, которой подалъ вамъ причину думать о мнѣ невыгоднымъ образомъ. — Сказавши это, она возвратилась къ дамамъ, ее провожавшимъ. День сей былъ для нее очаровательнымъ; она видѣла, какъ Г. Мелень блѣднѣлъ и смягчался; видѣла, какъ человѣкъ столь строгихъ правилъ, благоразумный, умѣющій владѣть самимъ собою, по наружности холодный, смущался, трепеталъ и едва не пришелъ въ изнеможеніе . . . Какъ она гордилась, приводя себѣ на мысль сію минуту торжества своего и счастія! какъ была любезна цѣлой день и довольна всѣмъ, что ее окружало! Она пригласила къ себѣ обѣдать Г-на Меленя и Г-жу Г*, и посадила ихъ около себя. Даже несносныя шутки Маркизы казались ей очень забавными, такъ что она смѣялась отъ всего сердца. Дюкъ Мелень не смѣялся, молчалъ болѣе обыкновеннаго . . . но взоры его были такъ

умильны! но вздохи его служили вмѣсто отвѣтовъ самыхъ значительныхъ, сіи вздохи, которые въ присутствіи свидѣтеля гораздо выразительнѣе, нежели всѣ слова острыя и замысловатыя.

Во время, назначенное для прогулки, когда готовились садиться въ коляску, одна изъ дамъ, служащихъ при дѣвицѣ Клермонъ, хотѣла взять изъ рукъ молодой крестьянки просительное письмо, для отдачи Принцессѣ. „Подайте мнѣ — сказала дѣвица Клермонъ, посматривая на Г-на Меленя — подайте мнѣ, я сама сберегу его — и потомъ оборотясь къ крестьянкѣ, велѣла ей придти къ себѣ въ замокъ ввечеру; привлекательная наружность и печальное лице просительницы заставляли догадываться, что дѣло ея должно быть очень занимательнымъ. Письмо прочитано въ коляскѣ; въ немъ содержалась простая, но трогательная жалоба дѣвушки обольщенной и оставленной служителемъ Принцессы. Геній хранитель ея вдохнулъ въ нее мысль подать прошеніе въ этотъ день. Слѣдующія слова были написаны въ заключеніи письма: „если ваша Свѣтлость не удостоите внять моей прозьбѣ, то мнѣ другаго спасенія не остается, какъ броситься въ воду.“

Г. Мелень сидѣлъ въ коляскѣ; какъ же можно было скрыть отъ него тайну о дѣвушкѣ? какъ пропустить такой случай, и не поговорить о *любви*, о *несчастіи*, объ *отчаяніи*? какъ не показать всей чувствительности? . . . . Тщеславіе въ любви извинительно, а особливо если вообразимъ, что одно желаніе нравиться или отличаться имѣетъ его такъ много! . . .

Дѣвица Клермонъ, возвратясь въ замокъ, нашла тамъ крестьянку; позвали служителя, сдѣлали ему строгой выговоръ, дѣвушкѣ дали на приданое, помирили обоихъ любовниковъ и заключили свадебной договоръ.

Послѣ ужина, условились гулять на водѣ, и пошли къ Шантильскому каналу; тамъ были уже готовы освѣщенныя гондолы и лодки съ музыкантами. Ясная погода, тишина ночи, услаждающая музыка, кроткое сіяніе Луны, все наполняло сердце дѣвицы Клермонъ впечатлѣніями живыми, совершенно для нее новыми. Когда всѣ занялись шумными разговорами, дѣвица Клермонъ — будто для того, чтобы лучше слушать музыку — удалилась въ уголокъ гондолы. Едва только успѣла она предаться сладкой задумчивости, какъ вдругъ движеніе, за нею произшедшее, за-

ставило ее оборотиться; она увидѣла, что Дюкъ Мелень хотѣлъ уйти отъ нее далѣе. „Что это значитъ? — сказала она закраснѣвшись: не я ли вамъ мѣшаю?“ — Я боюсь нарушить уединенїе, котораго, кажется мнѣ, вы ищете. . . — „Оно тѣмъ будетъ для меня прїятнѣе — прервала дѣвица Клермонъ съ живостїю — когда вы раздѣлите его со мною.“ Г. Мелень отвѣчалъ почтительнымъ поклономъ, не говорилъ ни слова нѣсколько времени, потомъ тихимъ и трепещущимъ голосомъ сказалъ: „Не прикажете ли что нибудь исполнить въ Парижѣ? я ѣду завтра на разсвѣтѣ.“ Дѣвица Клермонъ совсѣмъ не воображала о столь скоромъ отъѣздѣ. Прощанье Г-на Меленя привело ее въ такое замѣшательство, что она была не въ состоянїи скрыть внутреннїя движенїя своего сердца. „И такъ — сказала она, смотря пристально на Дюка — вы оставляете насъ, оставляете столь поспѣшно, надобно, чтобъ дѣла ваши были очень важны. Не правда ли?“ Г. Мелень казался смущеннымъ. „Почтенїе — отвѣчалъ онъ — часто бываетъ препятствїемъ довѣренности.“ — Понимаю вашу отговорку — прервала дѣвица Клермонъ: этого довольно. — Слова сїи, произнесенныя съ жаромъ, заставили Г-на Меленя вздохнуть; онъ поднялъ

глаза къ небу, и опуская ихъ, повстрѣчался съ дѣвицею Клермонъ, которой взоры никогда не были такъ милы, такъ трогательны, такъ выразительны, какъ въ сіе время. Онъ хотѣлъ говорить и, можетъ быть, обнаружить тайну своего сердца, но подошедшій Дюкъ Клермонъ прекратилъ разговоръ сей, опасный и трудный.

Начинало разсвѣтать. Дѣвица Клермонъ, когда ей о томъ сказали, въ первомъ движеніи вскричала: „Какъ! уже? Боже мой! какая досада! какъ скоро прошла эта ночь!“ — Г. Мелень слышалъ слова сіи; онъ могъ заключить изъ нихъ, какъ нужно поспѣшнѣе уѣхать. Вышедши изъ гондолы для возвращенія въ замокъ, Г. Мелень подошелъ къ Дюку Клермону, сказалъ ему, что получилъ письма изъ Парижа, и что имѣетъ крайнюю нужду отправиться въ столицу, простился съ нимъ и поѣхалъ. Тутъ дѣвица Клермонъ узнала, какое чувство владѣетъ ея душею. Скука, печаль, ужасная пустота — обыкновенныя слѣдствія разлуки съ любимымъ человѣкомъ — были ея удѣломъ; одна надежда утѣшала, ее надежда на скорое возвращеніе своего друга; самое пріятнѣйшее для нее занятіе — было сидѣть подлѣ окна и смотрѣть на коляски, мимо проѣзжа-

ющія. Находясь въ залѣ, она всегда первая слышала каретной стукъ или хлопанье на улицѣ бичемъ. Тогда глаза ея устремлялись на ворота; она съ нетерпѣливымъ трепетомъ ожидала. Какая досада, когда вмѣсто Г-на Меленя взъѣзжалъ кто нибудь другой!... Цѣлыя двѣ недѣли прошли въ мучительномъ ожиданіи; Дюкъ не возвращался. Наконецъ настало время ѣхать въ Парижъ. Какая радость для дѣвицы Клермонъ! быть въ Парижѣ, быть тамъ, гдѣ Г. Мелень находится! . . . При первой встрѣчѣ съ нимъ, ея смятеніе было неизъяснимо; ей казалось, что всѣ примѣчаютъ за нею и отгадываютъ ея мысли; но движеніе сердца ея и замѣшательство замѣчены только тѣмъ, кто былъ ихъ виновникомъ. Дюкъ зналъ, что его любятъ, но твердость и добродѣтель заставляли его убѣгать дѣвицы Клермонъ: онъ боялся измѣнить себѣ. Въ Природѣ все уравнено: если чувствительныя сердца часто сами для себя изобрѣтаютъ муки, то съ другой стороны тѣ же самыя сердца умѣютъ искать и находить утѣшеніе въ самомъ томъ, что виною ихъ печали.

Дѣвица Клермонъ видѣла, съ какимъ усиліемъ Г. Мелень старается убѣгать ея, и тѣмъ болѣе удивлялась его характеру;

а извѣстно, что все, увеличивающее нашу привязанность къ любимому предмету, есть драгоцѣнность.

(*Продолженіе впредь.*)

II.

О Журналѣ путешествія Г-на Лубяновскаго по Саксоніи, Австріи и Италіи.

Хотя Издатель рѣшительно не возлагалъ на себя должности помѣщать въ Вѣстникѣ статьи о новыхъ книгахъ Россійскихъ, однакожъ, не упомянувъ о хорошемъ произведеніи отечественной Словесности, почелъ бы себя виноватымъ передъ Читателями, а самъ лишился бы удовольствія сказать нѣсколько словъ о такой книгѣ, которая по всей справедливости заслуживаетъ вниманіе. Кто любитъ зрѣлыя мысли, умныя замѣчанія, правильныя сужденія, основательныя заключенія, наконецъ пріятныя шутки и хорошій слогъ, тому безъ сомнѣнія понравится *Путешествіе Г-на Лубяновскаго* (*) *по Саксоніи, Австріи и Италіи въ* 1800, 1801 *и* 1802 *годахъ.*

(*) Въ книгѣ не упомянуто объ имени Автора; но Публика знаетъ о немъ по 41 му Нумеру Московскихъ Вѣдомостей. *Изд.*

Первая часть отпечатана, на вторую и третью принимается подписка. Судя по вышедшей первой части, можно поручиться за достоинство слѣдующихъ. Чтобы показать, съ какимъ намѣренїемъ Г. Авторъ путешествовалъ и какими глазами смотрѣлъ на предметы, выпишемъ нѣкоторыя мѣста изъ его писемъ.

Стран. 45. Письмо VIII. Дрезденъ. „Если бы гдѣ нибудь въ рощѣ ты вдругъ увидѣлъ одну изъ Грацїй, которая, бѣгая мїра и шумныхъ его забавъ, пришла бы одна въ отдаленный гротъ питать въ тишинѣ духъ свой и сердце любимымъ чтенїемъ, или свободно предаться прїятной мечтѣ; нашелъ бы ее такъ, чтобъ въ совершенномъ забвенїи своихъ прелестей она склонила небрежно прекрасную голову на нѣжную руку; чтобы длинные волосы одни служили покрываломъ груди ея, снѣга бѣлѣйшей; чтобы глаза ея представляли образъ кроткаго неба, а на лицѣ между розъ и лилей была бы видна задумчивость, трогающая болѣе самой красоты и всего ея очарованїя: только развѣ тогда удовольствїе твое могло бы сравниться съ тѣмъ, съ какимъ смотришь на одну небольшую картину, извѣстную подъ именемъ Магдалины Корреджїевой, столь прелестной, что даже боишься ее почесть Магдалиною.“

Вообще, Авторъ говоритъ о хранящихся въ Дрезденской галлереи картинахъ, писанныхъ славнѣйшими Художниками, если не такъ какъ знатокъ, особливо занимающійся Живописью, по крайней мѣрѣ какъ человѣкъ, знакомый съ хорошими произведеніями Искуства и любящій все изящное. — Посмотримъ, какъ онъ описываетъ заведеніе для воспитанія глухихъ и нѣмыхъ въ Вѣнѣ. Письмо сіе для насъ Россіянъ столько любопытно, что не излишнимъ почитается помѣстить его здѣсь все отъ начала до конца.

Стран. 132. Письмо XXIX. Вѣна. „Много я читалъ и слышалъ о томъ заведеніи, коему только безпримѣрное и неутомимое человѣколюбіе могло положить основаніе, и гдѣ, кажется, человѣкъ явно съ Природою споритъ, и торжествомъ своимъ надъ всѣми ея препятствіями показываетъ, къ чему сроденъ творческій умъ его, руководимый постоянною любовію къ ближнему: я говорю о воспитаніи глухихъ и нѣмыхъ. Въ Вѣнѣ есть небольшое для нихъ заведеніе; вчера предварили меня, что сего дня будетъ имъ испытаніе: я съ любопытствомъ пошелъ видѣть ихъ успѣхи.“

„Учитель ихъ воспитывался у славнаго *де л'Эпе*. Я здѣсь нашелъ тринадцать мальчиковъ и пять дѣвушекъ.“

„Природа оставила имъ одно средство къ сообщенію другъ другу мыслей: знаки и тѣлодвиженія. Къ сему же столь трудному средству должно прибѣгать, чтобъ разкрыть ихъ способности. Знаки — языкъ ихъ, и съ ними говорить можно только на семъ языкѣ.“

„Положеніе въ разныхъ видахъ руки и пальцовъ есть ихъ азбука. Посредствомъ сей азбуки они узнаютъ литеры, складываютъ слова, составляютъ въ мысляхъ рѣчи, и пишутъ, когда имъ диктуютъ на семъ же языкѣ. Непрерывное упражненіе пріучаетъ ихъ мало по малу отгадывать мысли своего Учителя. Всякое движеніе руки его для нихъ то же, что въ ребячествѣ для насъ было каждое слово. Они также перенимаютъ свое нарѣчіе, какъ мы нечувствительно пріучаемся говорить на иностранныхъ языкахъ. Движенія рукъ ихъ Учителя печатлѣются въ ихъ памяти также, какъ въ нашей слышанныя нами выраженія; со временемъ развиваются ихъ способности и мысли ихъ обогащаются. На вопросы наши, переданные имъ Учителемъ, они отвѣчали на письмѣ безъ его помощи.“

„Природа, лишивъ ихъ слуха и языка, хотѣла, кажется, наградить ихъ за то даромъ вѣрной и скорой догадки, живымъ

и пылкимъ воображенїемъ. Я сїе примѣтилъ особенно въ одномъ ученикѣ, коему было около пятьнадцати лѣтъ, и коего быстрота въ глазахъ, выразительныя и сильныя движенїя рукъ, непонятная скорость, съ какою онъ ими изъяснялъ свои мысли, приводили меня въ удивленїе."

„Тутъ былъ отецъ его. Кончивъ свою работу, онъ (т. е. мальчикъ,) бросился къ нему на шею, сжималъ его руки, прикладывалъ ихъ къ своему сердцу, и какъ бы стѣсненный нѣкоторымъ сильнымъ чувствомъ, заплакалъ."

„Но сколь были трогательны его усилїя, когда онъ не понималъ и хотѣлъ понять мысль своего Учителя! Сколь поразительны были движенїя, коими изображалъ онъ свою досаду и сожалѣнїе! сколь потомъ чувствительно было его удовольствїе, когда наконецъ отгадывалъ онъ сообщаемое ему понятїе!"

„Я думаю, и кажется не обманываюсь, что воображенїе у сихъ несчастныхъ, когда оно пылко, можетъ быть несравненно быстрѣе, и чувства, когда онѣ возбудятся, несравненно живѣе нашихъ. Наше воображенїе и чувства весьма часто развлекаются тѣмъ, что мы слышимъ. Суди же, сколь пламенны должны быть выраженїя сего языка, если бы въ сердцѣ

кого-либо изъ нихъ сильная страсть возгорѣлась. Можетъ статься, онѣ были бы еще трогательнѣе тѣхъ, коими нѣжный другъ Юлїи взывалъ къ Силамъ Небеснымъ."

„Но они счастливы! не слышатъ разговоровъ нашихъ обществъ, гдѣ иногда только для того вмѣстѣ бесѣдуютъ, чтобъ переливать ядъ свой изъ сердца въ сердце."

„Сїе училище, можно сказать, еще въ младенчествѣ въ сравненїи съ тѣмъ, которое заведено въ Парижѣ, и гдѣ, если вѣрить молвѣ, преподаются вышнїя Науки: однако и здѣсь молодой человѣкъ, о коемъ я упоминалъ въ семъ письмѣ, весьма много успѣлъ въ Математикѣ."

„Не смотря на то, можетъ статься, здѣшнее Заведенїе общеполезнѣе Парижскаго, и лучше соотвѣтствуетъ своей цѣли. Тутъ при образованїи учащихся единственно въ виду то, чтобъ они могли имѣть меньше въ другихъ нужды, не столько были бы несчастны: тамъ стараются изъ нихъ сдѣлать Философовъ, или лучше, не хотятъ и ихъ оставить безъ порчи, желаютъ и ихъ заразить всеобщею отравою нашего вѣка."

Г. Путешественникъ занимался разсматриванїемъ не однѣхъ картинъ, не

однѣхъ библїотекъ и заведенїй; онъ наблюдалъ государственное хозяйство, промышленность, просвѣщенїе, учрежденїя для торговли, правосудїе, внутреннее благоустройство, народные обычаи, образъ жизни; слѣдственно ему извѣстна тайна угодить многимъ читателямъ. Жаль, что обстоятельства не позволяютъ внести сюда прекрасныя замѣчанїя о состоянїи Саксонскихъ земледѣльцевъ, о сравненїи ихъ съ Русскими крестьянами, о свободныхъ земледѣльцахъ въ Богемїи, и извѣстїя о письмахъ Жанъ Жака Руссо, нигдѣ еще не напечатанныхъ! Не можемъ однакожъ отказаться отъ удовольствїя выписать еще нѣсколько строчекъ изъ XI Письма о лекцїи въ Лейпцигскомъ Университетѣ.

„..... Я слышалъ трехъ Профессоровъ; но тебѣ скажу нѣсколько словъ объ одномъ П..., котораго здѣшнее сословїе питомцевъ Музъ считаетъ Оракуломъ. Онъ при мнѣ началъ Антропологїю; тотчасъ невольно вспомнилъ о какомъ-то своемъ сочиненїи, писанномъ лѣтъ тридцать тому назадъ, и признавался безъ всякаго тщеславїя, со скромностїю, что онъ тогда первый говорилъ о сей важной матерїи. „Изъяснилъ бы я вамъ теперь же — продолжалъ онъ — сообщенїе души съ тѣломъ; но лучше до времени оставить сей пред-

метъ." — Его, какъ извѣстно тебѣ, съ давнихъ вѣковъ во всѣхъ протоколахъ учености принимали всегда только къ свѣдѣнію, или впредь для соображенія (*). — Потомъ П . . . пространно разсуждалъ о духѣ и тѣлѣ, о каждомъ особо, удостовѣряя, что „человѣкъ въ отношеніи къ тѣлу, не что иное, какъ истуканъ — но не изъ мрамора, а изъ чего-то тягучаго (**)," и никакъ не соглашался на то простое мнѣніе, чтобъ тѣло наше было изъ земной персти. „Сами Анатомики — съ удовольствіемъ говорилъ онъ — обратились наконецъ на путь правый, и доказываютъ, что и мозгъ человѣческій также изъ чего-то тягучаго." — До двухъ сотъ человѣкъ было слушателей, и во все время глубокое молчаніе: многіе воображали, что сама Премудрость вѣщала его устами; другіе — вездѣ есть добрые люди — спокойно спали."

По законамъ Критики надлежало бы упомянуть о легкихъ погрѣшностяхъ противъ языка — которыхъ однакожъ весьма не много, и которыхъ избѣжать если не невозможно, по крайней мѣрѣ очень трудно;

(*) Кажется, это можно бы выразить яснѣе. *Изд.*

(**) Zähestoff.

но достоинство сочиненія Г-на Лубяновскаго даетъ ему мѣсто между такими Авторами, которыхъ замѣчаютъ по красотамъ, не по ошибкамъ.

III.

Историческое извѣстіе о большомъ алмазѣ, находящемся нынѣ въ Россійско-Императорскомъ скипетрѣ.

Въ тронѣ Шаха Надыра вставлены были два большіе алмаза, которые назывались: одинъ *Медузиною головою* (*), другой *Горнымъ мѣсяцемъ*. Когда Шахъ лишился жизни, многія сокровища его были разхищены солдатами, и разпроданы.

Въ сіе время жилъ въ Бассорѣ Армянинъ Григорій Шафрасъ, которой въ Астрахани извѣстенъ былъ подъ именемъ милліонщика. Одинъ Авганской вожатой тайно объявилъ ему, что продаетъ драгоцѣнныя каменья за весьма умѣренную цѣну: большой алмазъ, вѣроятно *Горной мѣсяцъ*, вынутой изъ трона, большой же смарагдъ, большой рубинъ и нѣсколько малыхъ камней. Шафрасъ, изумленный такимъ пред-

---

(*) Seesonne. Родъ морскихъ звѣздъ.

ложенїемъ, побоялся приступить къ покупкѣ, и сказалъ продавцу, что не имѣетъ въ наличности денегъ, и что хочетъ посовѣтоваться съ братьями; Авганецъ удалился и, можетъ быть, изъ опасенїя, болѣе уже не являлся.

Шафрасъ, условившись съ братьями, немедленно рѣшился отыскать своего Авганца, котораго не было уже въ Бассорѣ. Нечаянно опять повстрѣчались они въ Багдадѣ. Тамъ Шафрасъ сторговался съ продавцемъ, и заплатилъ ему за всѣ бывшїе при немъ каменья пятьдесятъ тысячь пїастровъ. — Шафрасъ и его братья смѣшили, что сїю покупку надлежало имъ хранить въ великой тайнѣ; они знали также, что для предотвращенїя всякаго подозрѣнїя, и по причинѣ недоконченныхъ торговыхъ дѣлъ, имъ нужно было осипаваться въ Бассорѣ. Спустя уже двенадцать лѣтъ, Григорїй Шафрасъ, по согласїю съ братьями, взявъ съ собою большїе каменья, которые до того времени берегъ съ великою скрытностїю, отправился въ Европу и прибылъ въ Амстердамъ, гдѣ объявилъ о продажѣ своихъ драгоцѣнностей. — Въ числѣ являвшихся покупателей были и члены Англїйскаго Министерства. — Россїйскїй Дворъ потребовалъ, чтобы большой алмазъ былъ привезенъ въ Петер-

бургѣ, обѣщаяся, если бы покупка не состоялась, выдать извѣстную денежную сумму за путевыя издержки. Бывшій въ то время Министръ, Графъ Панинъ предложилъ Шафрасу — которой имѣлъ въ семъ дѣлѣ посредникомъ Лазарева, Придворнаго Ювелира — кромѣ требуемаго наслѣдственнаго Дворянскаго достоинства, пенсію по смерть ежегодно по шести тысячь рублей, и наличными деньгами пять сотъ тысячь рублей, на такомъ условіи, чтобы сто тысячь получить въ то же время, а достальное въ теченіи десяти лѣтъ, раздѣляя уплату на равные сроки. — Упрямый Шафрасъ требовалъ Дворянскаго достоинства братьямъ своимъ, кромѣ того много другихъ выгодъ и преимуществъ, и настоялъ въ своемъ требованіи столь упорно, что надлежало камень отдать ему обратно.

Шафрасъ оставался въ крайнемъ затрудненіи. Онъ издержалъ много денегъ, долженъ былъ платить проценты своимъ заимодавцамъ и не видѣлъ никакого способа продать выгодно свой камень. Его посредники для собственной пользы оставили его въ недоумѣніи; онъ разсудилъ за благо уѣхать въ Астрахань, чтобъ избавиться отъ докучливости заимодавцевъ. Наконецъ торгъ возобновился уже отъ

имени Графа (потомъ Князя) Григорія Григорьевича Орлова, и камень купленъ за четыре ста пятьдесятъ тысячь рубл. наличными деньгами и за грамоту на Дворянское достоинство; изъ сей суммы сто двадцать тысячь рублей досталось на часть посредникамъ за разныя издержки, за коммиссіи, за проценты и тому подобное. Шафрасъ поселился въ Астрахани; богатство его, полученное въ наслѣдство тремя дочерями, почти все разплылось въ рукахъ людей, которые на нихъ женились. *Палласъ.*

IV.

Панорамы.

Любопытные жители Москвы видѣли Панораму Парижа, показываемую за Тверскими воротами. Смотря съ высокаго павильона Флоры на садъ Тюйльерійскій, на поля Елисейскія, на берега Сены, на Парижскія окрестности, не льзя не чувствовать пріятнаго впечатлѣнія. Въ одну минуту вы переноситесь изъ древней Столицы Россійской въ тотъ городъ, о которомъ ежедневно слышите въ обществахъ, читаете во всѣхъ Газетахъ и Журналахъ; въ тотъ

городъ, гдѣ образовались великіе таланты и гдѣ совершились великія неистовства. Здѣсь на Вольтеровой набережной указывающъ вамъ на домъ, въ которомъ жилъ творецъ Заиры и Генріады; въ другомъ мѣстѣ видите великолѣпныя Готическія башни соборной церкви Богоматери; то огромный Панѳеонъ привлекаетъ на себя ваши взоры и вниманіе, сей Панѳеонъ, въ которомъ почитатели дарованій благоговѣютъ передъ тлѣющими остатками Женевскаго Гражданина; то хотите смотрѣть на пышный куполъ Инвалиднаго дома, въ которомъ отечество покоитъ увѣчныхъ и престарѣлыхъ своихъ защитниковъ. Никакое описаніе не подастъ вамъ столь точнаго, столь обширнаго понятія, о положеніи и — если можно такъ сказать — о физіогноміи города, какъ исправная Панорама. Всѣ большія зданія, всѣ окрестности находятся передъ вашими глазами.

Теперь въ Петербургѣ показываютъ Панораму Петербурга. Надобно, чтобы Г. Тилькеръ (*) былъ увѣренъ въ своемъ искусствѣ, рѣшившись поставить портретъ подлѣ самаго подлинника и ожидать приговора публики. „Я нарочно хо-

(*) Художникъ, Авторъ Панорамы Петербурга.

дилъ смотрѣть сїю Панораму — пишетъ Г. Шредеръ въ своемъ Журналѣ — и не раскаеваюсь. Прекрасная, обширная Столица Императорская лежала передо мною какъ на блюдѣ; Художникъ съ очаровательною точностїю умѣлъ представить Натуру. Обсерваторїя Академїи Наукъ есть точка, откуда смотрятъ на городъ. Взошедши на площадку надъ кровлею, съ самаго начала видите большое длинное строенїе, въ которомъ Коллегїи держатъ свои засѣданїя; далѣе новые анбары на биржѣ; еще далѣе, Петербургская сторона и Выборгская, похожая на обработанный садъ и оканчивающаяся рощами Аптекарскаго острова и Каменнаго. Далѣе вправо является крѣпость, новой Петровской мостъ, величественная Нева, покрытая шлюпками и ботами; на краю горизонта башни Института воспитанїя для Благородныхъ дѣвицъ. Поворачиваясь на право, смотрите на внутренность Адмиралтейства, котораго высокая башня препятствуетъ видѣть остальную часть города. Императорскїй Зимнїй Дворецъ стоитъ передъ вами; большая длинная набережная видна даже до лѣтняго сада, котораго верьхи деревъ изъ-за домовъ выставляются. Вдали возвышаются башни Михайловскаго Дворца и куполъ

Католической церкви. Еще далѣе на право представляется великолѣпная площадь съ Исаакїевскою церковью, со статуею ПЕТРА Великаго, съ Сенатомъ и прекрасною набережною у галернаго двора. Потомъ видите мостъ къ Васильевскому острову и одну сторону Академїи Художествъ. Весь Финскїй заливъ лежитъ передъ вами, а за нимъ узкая полоса земли — это Кронштадтской островъ. На правой сторонѣ Финскїй берегъ, на лѣвой множество сельскихъ домовъ и увеселительный Дворецъ Стрѣльна. Возвышающїяся на краю горизонта Дудергофскїя горы придаютъ картинѣ видъ истинно живописной. Отдаленная часть города покрыта туманомъ, которой, по увѣренїю Художника, означаетъ облако пыли, поднявшейся съ улицъ. — Воздухъ и вода изображены превосходно. — Въ чужихъ краяхъ отдадутъ искусству Художника справедливую похвалу, которую онъ здѣсь достойно заслуживаетъ. Любопытные получатъ ясное и точное понятїе о частяхъ города, представленныхъ на картинѣ."

Теперь извѣстно, что Г. Тилькеръ ѣдетъ съ Россїйскимъ посольствомъ въ Китай, на что получилъ уже позволенїе отъ Прусскаго Короля, своего Государя; онъ повезетъ въ Пекинъ Панораму Непер-

бурга. Пускай лѣнивые Китайцы восхищаются портретомъ, если не хотятъ видѣть подлинникъ.

Въ Петербургѣ показываютъ еще другую Панораму, или историческую картину, представляющую переходъ безсмертнаго Суворова черезъ гору Сен-Готтардъ; сіе славное произшествіе случилось 24 Сентября 1799 го года, при сильномъ сопротивленіи со стороны Французовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Генерала Лекурба. Капитанъ Портеръ, Англичанинъ, есть творецъ Панорамы. — Все движется въ картинѣ, каждая фигура дѣйствуетъ. Суворовъ представленъ въ самомъ интересномъ положеніи. Художникъ изобразилъ Героя въ такой одеждѣ, въ какой онъ обыкновенно ходилъ въ лѣтніе дни, а особливо во время жаркихъ сраженій, подобныхъ бывшему при Лоди въ Италіи. Кто помнитъ исторію сего достопамятнаго дня, тому извѣстно, въ какомъ опасномъ положеніи находилось наше войско въ Италіи подъ начальствомъ Полководца, привыкшаго къ побѣдамъ, и какія усилія противуполагали ему Французы для возпрепятствованія перейти черезъ непроходимыя горы. Суворовъ зналъ о предстоящей опасности; въ сіе самое время онъ получилъ извѣстіе о неудачномъ сра-

женіи подъ Цирихомъ; тотъ, кто во все продолженіе своей жизни пожиналъ лавры, кто трудился для славы и безсмертія, долженъ былъ претерпѣть пораженіе отъ горсти Французовъ! Такая мысль была мучительна для Суворова. Въ сію торжественную минуту Герой возноситъ мечь свой къ Небу и клянется — побѣдить или погибнуть въ пропастяхъ между утесами.

Подлѣ него стоитъ Священникъ, преклонившій колѣни, и съ поднятыми вверьхъ руками просящій Небо объ услышаніи своей молитвы. Назади — три Козака, изъ которыхъ одинъ держитъ верховую лошадь Военачальника; на лицахъ ихъ живо написаны удивленіе и увѣренность въ невозможности побѣдить Суворова. Далѣе видны знаменитые участники въ подвигахъ великаго дня сего: Князь Багратіонъ и Розенбергъ. Первой ведетъ свѣжее войско къ страшному мосту; другой въ огнѣ сраженія, потерявъ свою шляпу, отдаетъ приказанія. На самомъ мосту дерутся съ неописанною яростію. Три Французскіе Генерала, Гюдень, Роспини и Лорже, управляютъ дѣйствіями войска, которое хочетъ пробиться сквозь Россійскія линіи, но штыки заграждаютъ ему дорогу. Роспини съ лошадью своею летитъ съ моста въ бездонную пропасть. Далѣе на лѣвой

сторонѣ представленъ главнокомандующій Генералъ Лекурбъ; Адьютанты, его окружающіе, по видимому совѣтуютъ ему отступить. За нимъ возвышается вершина Сен — Готтарда. На краю горизонта, на горѣ видно Французское войско, а на одномъ возвышеніи разположена артиллерія, которая стрѣляетъ въ мостъ. Еще лѣвѣе открываются: Россійское войско, нѣсколько навьюченныхъ муловъ и солдаты, которые втаскиваютъ пушки на крутые утесы. Не много выше стоитъ часовня, какія часто попадаются на горахъ Швейцарскихъ. На правой сторонѣ представлена пріятная долина, по которой идетъ Россійское войско, Люцернское озеро и святилище вольности Швейцарской — часовня Вильгельма Теля.

Цѣлое въ картинѣ имѣетъ колоритъ живой, прекрасной, и производитъ желаемое дѣйствіе надъ зрителемъ. Прочія Панорамы, какъ извѣстно, бываютъ круглы; эта имѣетъ видъ полукружія; зритель смотритъ съ нѣкотораго возвышенія. — О точности и сходствѣ изображенія можетъ судить только тотъ, кто былъ очевиднымъ свидѣтелемъ сего важнаго произшествія.

V.

Смѣсь.

Доброе желаніе Г-на Геракова (*) исполнилось, къ истинному удовольствію всѣхъ почитателей заслугъ, всѣхъ сердецъ чувствительныхъ. Вдохновеніе управляло его мыслями, когда онъ взывалъ къ дѣвицѣ Катеринѣ Дмитріевнѣ, дочери Героя Ильина, прославленнаго безпримѣрнымъ подвигомъ при Чесмѣ и лирою Хераскова; когда увѣрялъ ее, что Ангелъ, недремлющій Хранитель ея, внушитъ благотворителямъ, удостоеннымъ довѣренности Россійскаго МОНАРХА, мысль облегчить участь ея и наградить въ ней подвигъ славнаго родителя. — ОНЪ въ самомъ дѣлѣ наградилъ ихъ съ Царскою щедростію. Дмитрій Прокофіевичь Трощинскій обрадовалъ Г-на Геракова благосклоннымъ увѣдомленіемъ объ успѣшномъ совершеніи великодушнаго его желанія. Вотъ содержаніе самаго письма: „Я обѣщалъ извѣстить васъ объ успѣхѣ, какой будетъ имѣть сочиненіе ваше о дѣвицѣ Ильиной, дошедшее до свѣдѣнія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. — Нынѣ

(*) Издателя Твердости духа нѣкоторыхъ Россіянъ. Смотри Новости Руской Литтературы на нынѣшній годъ, No 13. стр. 202.

спѣшу исполнить сїе обѣщанїе и тѣмъ съ большимъ удовольствїемъ, что подвигъ вашъ получилъ мзду свою, что великодушїемъ Милосердаго МОНАРХА сїя дочь современнаго намъ Героя избавлена отъ томительной бѣдности, судьба ея устроена по мѣрѣ чувствительности къ ея состоянїю, и память славнаго Мужа поставлена паки на чреду свою. Прилагая при семъ списокъ съ Высочайшаго Имяннаго Указа, даннаго о томъ Кабинету, я присовокупляю къ нему другой съ таковаго же Указа, собственно къ вамъ относящагося, изъ котораго увидите, съ какою внимательностїю Всемилостивѣйшїй ГОСУДАРЬ нашъ любитъ ободрять труды и таланты, обращаемые къ благонамѣреннымъ видамъ. Пребывая" и проч. Въ первомъ Указѣ Кабинету содержится повелѣнїе о выдачѣ дѣвицѣ Ильиной ежегодной пенсїи по триста рублей по смерть ея, и о внесенїи въ Банкъ единовременно пяти тысячь рублей на приданое. Вторымъ Указомъ предписывается Кабинету производить Коллежскому Ассессору Геракову, сверхъ получаемаго имъ жалованья, по четыреста рублей на годъ.

*

Никогда еще въ Тюйльери на булеварахъ и въ Булоньскомъ лѣсу не видѣли

такой странной смѣси, какая нынѣ господствуетъ. Въ вечернемъ собраніи женщина должна имѣть Римскую ногу, Греческую голову, Египетскую шею, Турецкую руку и Испанской станъ — разумѣется въ разсужденіи наряда. Такимъ образомъ Парижанки учатся Географіи. Трудно согласить моду сію съ нынѣшнею, также всеобщею, привязанностію къ любезной *простотѣ*. Теперь въ модныхъ комнатахъ рѣдко увидите золото или позолоту. Одна щеголиха недавно сказала своему обойщику: „Пожалуйте сдѣлайте все какъ можно *простѣе*; я соглашусь заплатить вамъ 40000 франковъ лишнихъ, только постарайтесь убрать мои комнаты какъ можно *простѣе*.“ Однакожъ совсѣмъ непримѣтно, чтобы при дворѣ Французскомъ любили простоту. Наполеонъ старается разпространить роскошь, и починаетъ пышность въ нарядахъ средствомъ привести мануфактуры въ цвѣтущее состояніе. Онъ обнаружилъ это по случаю представленія Іозефинѣ одной дамы, совсѣмъ не принадлежащей къ придворному штату. Она одѣта была въ бархатное платье, но безъ шитья. Наполеонъ, примѣтивъ это, поручилъ Оберъ-Церемоніймейстеру Сегюру сказать дамѣ, что она одѣта не очень богато. Сегюру сперва не показалось такое препорученіе;

но разсудивъ, что дамѣ стоить будетъ меньшаго замѣшательства это, нежели когда бы самъ Наполеонъ сдѣлалъ ей выговоръ, онъ подошелъ къ ней и сказалъ учтивое привѣтствіе на счетъ щегольской простоты ея наряда. Дама отвѣчала, что она одѣта хотя просто, однакожъ благопристойно. „О, конечно! — подхватилъ Сеньоръ — благопристойно, только не прилично.“ —

На обсерватоpіи Парижской давно уже, и всегда съ одинакою точностію, вычисляютъ количество дождевой воды, падающей на земную поверхность въ теченіи каждаго года. Орудіе, которое служитъ для сего употребленія, есть сосудъ цилиндрическаго вида; во внутренней части его находится мѣра, съ низу въ верьхъ раздѣленная на дюймы и линіи. Каждой разъ, послѣ дождя, примѣчаютъ, на сколько линій поднялась вода въ сосудѣ, записываютъ это, и по прошествіи года съ помощію простаго ариѳметическаго сложенія узнаютъ количество дождевой воды, выпавшей въ теченіе двенадцати мѣсяцевъ. Сіи наблюденія много лѣтъ съ ряду были повторяемы, въ Парижѣ; нашлось, что въ обыкновенной годъ въ сей столицѣ падаетъ дождевой воды около 19 дюймовъ.

Такїяжъ замѣчанїя дѣланы были въ Англїи, Германїи, Италїи, Швейцарїи и Голландїи; выходитъ, что въ обыкновенной годъ падаетъ дождевой воды: въ Лондонѣ 35 дюймовъ, 2 линїи; въ Римѣ 20 дюймовъ; въ Пизѣ 34 дюйма, 6 линїй; въ Падуѣ 37 дюймовъ; въ Лейденѣ 29 дюймовъ; въ Цирихѣ 32 дюйма; въ Виртембергѣ 16 дюймовъ, 8 линїй; въ Лїонѣ 37 дюймовъ.

❋

Въ деревнѣ Вихтъ, лежащей въ полумилѣ отъ Боа-ле-Дюкъ, теперь находится чудесной четырехъ-лѣтнїй рабенокъ, сынъ башмачника ванъ Донгена. Сей рабенокъ еще при рожденїи своемъ, 6 го Марта 1801 года, имѣлъ ростъ младенца четырехъ — или пяти — мѣсячнаго; по прошествїи семи мѣсяцевъ съ половиною, онъ могъ уже ходить самъ собою. Теперь величина его тѣла простирается до 3хъ футовъ и 11 ти дюймовъ съ половиною; въ нынѣшнемъ году онъ выросъ почти на 8 дюймовъ; волосы, появляющїеся на подбородкѣ, и другїе признаки показываютъ совершеннолѣтїе. Примѣтно, что у него кости въ составахъ на рукахъ и ногахъ толсты; впрочемъ онъ довольно строенъ. Голова его также нѣсколько, однакожъ не слишкомъ, болѣе обыкновенной. Волосы его

свѣтло-русы, глаза впалые, голубаго цвѣта; ротъ и зубы младенческіе. Въ чертахъ лица его нѣтъ ничего умнаго, или плѣняющаго; онъ грубъ, упрямъ, своенравенъ; ѣстъ съ жадностію и любитъ дѣтскія игрушки, предпочтительно передъ другими вещами полезнѣйшими. Сила его соразмѣрна величинѣ тѣла; онъ безъ напряженія носитъ половину мѣха ржи и возитъ на тѣлежкѣ человѣка, имѣющаго 150 фунтовъ вѣсу.

*

Передъ симъ лѣтъ за двѣсти, Медики выдумали-было способъ возвращать людямъ молодость, продолжать жизнь и лѣчить болѣзни неизлѣчимыя; сей способъ назывался *перелитіемъ* и производился въ дѣйствіе слѣдующимъ образомъ: отворяли у человѣка двѣ жилы; изъ одной выпускали старую кровь, а въ другую, съ помощію трубки, впускали кровь какого нибудь животнаго, у котораго также отворяли жилу. Въ Англіи много разъ съ успѣхомъ повторяли сіи опыты надъ животными, и симъ способомъ возвращали, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, состарѣвшимся овцамъ, быкамъ и лошадямъ, слухъ, движеніе, силу и веселость; пытались даже боязливыя творенія дѣлать отважными, переливая въ нихъ кровь животныхъ не-

укротимыхъ. Бывъ ободрены успѣхами, рѣшились испытать надъ человѣкомъ пользу сего лѣченія. Докторамъ Парижскимъ, *Денису* и *Ривѣ*, удалось вылѣчить молодаго человѣка, страдавшаго отъ неизлѣчимой сонной немочи, и одного сумасшедшаго; первому двадцать разъ пускали кровь, и жилы его наполняли кровью ягненка; для изцѣленія втораго, кровь его замѣняли телячьею. Со всѣмъ тѣмъ должно думать, что опыты сіи производимы были надъ людьми совершенно неизлѣчимыми, потому что нѣкоторые изъ нихъ умерли во время самой операціи; съ тѣхъ поръ никто уже не смѣлъ приниматься за многоцѣлебное *переливіе*.

ПОЛИТИКА.

I.

Придворный и гражданскій штатъ Королевства Великобриттанскаго.

Въ девятомъ Нумерѣ Вѣстника Европы помѣщено было обозрѣніе устроенія Франціи. Слѣдуя порядку, почитаемъ нужнымъ сообщить нашимъ Читателямъ извѣстіе о внутреннемъ образованіи и управленіи соединенныхъ Королевствъ Великобриттанскихъ. Статья сія, сокращенно взятая изъ государственнаго Календаря Англійскаго, находится въ Нѣмецкомъ Политическомъ Журналѣ.

Можно бы сдѣлать многія сравненія между Англійскою конституціею и учрежденіями Французскаго правительства; но лучше трудъ сей оставить. Разсматривая Бриттанскій Календарь, тотчасъ видите, что государственная машина превосходно устроена; что могущество и благосостояніе Великобриттаніи имѣетъ весьма прочное основаніе. Едва ли удастся Наполеону Бонапарте отнять у Англичанъ Нептуновъ трезубецъ.

Непосредственно послѣ Короля первое мѣсто — какъ и должно — занимаетъ въ Календарѣ Государственномъ Власть законодательная. Ораторъ Верхняго Парламента есть Лордъ Великій Канцлеръ (Lord high Chancellor); нынѣ отправляетъ должность сію Джонъ Скотъ Лордъ Элдонъ. За нимъ слѣдуетъ восемь Перовъ; сыновья Королевскіе: Принцъ Валлисскій и Герцогъ Корнваллъсскій, Герцоги - Йоркскій, Кларенскій, Кентскій, Кумберландскій, Суссекскій и Кабриджскій, и братъ Короля Герцогъ Вильямъ Глучестерскій. Кромѣ ихъ еще есть восемнадцать Герцоговъ, а именно: Норфолькъ, Соммерсетъ, Ричмондъ, Графтонъ, Бофоръ, Сен-Албанъ, Лидъ, Бедфордъ, Девонширъ, Марлборугъ, Рутландъ, Брандонъ, Анкастеръ, Портландъ, Манчестеръ, Дорсетъ, Ньюкастль и Нортумберландъ. Число Маркизовъ простирается только до двенадцати: Винчестеръ, Буккингамъ, Лансдовнъ, Стаффордъ, Товнсгендъ, Салисбури, Батъ, Аберкорнъ, Корнваллисъ, Гертфортъ, Ботъ и Эксетеръ. Потомъ помѣщенъ Верхній Парламентъ, состоящій изъ 89 ти Графовъ (Earls), 22 хъ Вице - Графовъ (Viscounts) и 130 ти Бароновъ. Кромѣ сихъ, въ Верхнемъ Парламентѣ засѣдаютъ еще 16 Шоттландскихъ Перовъ, выбранныхъ въ Ав-

густѣ 1802 го года, и 28 Перовъ Ирландскихъ, выбранныхъ въ Іюлѣ 1800 го года; они суть уполномоченные отъ соединенныхъ Королевствъ, Шоттландіи и Ирландіи. Въ Шоттландіи считается 10 Герцоговъ, 2 Маркиза, 47 Графовъ, 4 Вице-Графа и 25 Бароновъ; въ Ирландіи — кромѣ 5 ти Перовъ Принцевъ крови, четыре Архіепископа (Армагскій, Дублинскій, Касгельскій и Туамскій), 1 Герцогъ (Лейнстеръ), 9 Маркизовъ, 74 Графа, 54 Вице-Графа, 18 Епископовъ и 78 Бароновъ. Герцогъ Норфолькъ имѣетъ титло Наслѣднаго Маршала, перваго Герцога Графа и Барона (premier Duke, Earl and Baron), а Маркиза Винчестера величаютъ первымъ Маркизомъ Англіи (premier Marquis of England). Сверьхъ того находится: 11 Пересъ въ Англіи, и 10 въ Ирландіи. Число Англійскихъ Архіепископовъ и Епископовъ, засѣдающихъ въ Верхнемъ Парламентѣ, простирается до 26 ти.

Первый Оффиціалъ Верхняго Парламента Георгъ Розъ въ качествѣ Секретаря Парламентскаго имѣетъ ежегоднаго доходу 3500 (*) фунтовъ стерлинговъ. Первой членъ Нижняго Парламента есть Ораторъ.

(*) Фунтъ стерлинговъ примѣрно можно полагать на наши деньги по 8 рублей.

Вице-Графъ Сидмутъ (бывшій Лордъ Аддингтонъ) долго отправлялъ сію должность, которая нынѣ досталась Чарлю Абботу. Со времени присоединенія Ирландіи, Британскій Нижній Парламентъ состоитъ изъ 658 Членовъ; Англія и Валлесъ посылаютъ 513 Депутатовъ, Шотландія 45, Ирландія 100.

Послѣ Парламентовъ стоятъ имена Европейскихъ Государей; сперва Королевскій Англійскій Домъ, потомъ Римско-Императорскій, Мекленбургъ-Стрелицкій, Брауншвейгскій, Баварскій, Саксонскій, Виртембергскій, а за ними уже Франція. Наполеонъ названъ Императоромъ. Однакожъ изъ сего не слѣдуетъ, что Англія признаетъ его въ новомъ достоинствѣ: Календарь изданъ частнымъ человѣкомъ, котораго показаніе ничего не значитъ для правительства; только во Франціи Журналисты боятся къ имени Жака Дессалина приставить слово Императоръ, чтобъ не сравнить его съ Наполеономъ. Добрые люди сіи не знаютъ, или притворяются, будто не знаютъ, что между оффиціальною бумагою и сочиненіемъ частнаго человѣка есть великая розница, и что сказать: „Негры признали Дессалина своимъ Императоромъ,“ ни мало еще не значитъ: мы признаемъ Дессалина Императоромъ.

Впрочемъ о вкусахъ спорить не должно; упрямство доказательствами не убѣждается.

Орденъ Подвязки учрежденъ въ 1350 мъ году для Государя и для 25 ти Кавалеровъ, не полагая въ счетъ дѣтей Королевскихъ. Теперь носятъ сей Орденъ семь Королевскихъ Принцевъ и 24 Кавалера, въ томъ числѣ находятся четыре чужестранные Принца. Еще менѣе Кавалеровъ Шоттландскаго ордена Осепа, учрежденнаго 1540 го года и возобновленнаго 1703 го: ихъ считается только 11. Орденъ Бани учрежденъ 1399 го года, а 1725 го получилъ новой статутъ, по силѣ котораго число Кавалеровъ простирается до 36 ти, не считая дѣтей Королевскихъ. Ирландскій Орденъ Св. Патрика существуетъ только съ 5 го Февраля 1783 го года, и также скупо раздается; его имѣютъ Ирландскій Генералъ-Губернаторъ и 14 Кавалеровъ. Дворянство низшей степени гораздо многочисленнѣе, нежели высшей; теперь въ Англіи считается 587 Баронетовъ.

Королевскій Тайный Совѣтъ есть непремѣнная Государственная Коллегія; только Парламентъ во время полнаго своего собранія имѣетъ передъ нимъ преимущество. Число Членовъ зависитъ отъ

воли Монарха; теперь ихъ считается 144. Публичныя прокламацїи, объявленїе войны, заключенїе мира, созывъ и роспускъ Парламента, исполняются по совѣту сей Коллегїи. Три Стате-Секретаря суть Члены Совѣта, и всѣ верьховные Чиновники обязаны присягою засѣдать въ немъ. Лордъ Сидмутъ теперь Президентомъ Тайнаго Совѣта, и въ семъ качествѣ носитъ на себѣ званїе одного изъ девяти Коронныхъ Служителей. Прежде его, должность сїю отправлялъ Герцогъ Портландъ. Каждой изъ четырехъ ординарныхъ Секретарей Тайнаго Совѣта получаетъ жалованья по 1000 фунтовъ стерлинговъ.

Придворный штатъ соотвѣтствуетъ достоинству Короля Англїйскаго, хотя впрочемъ онъ не слишкомъ великолѣпенъ. Лордъ Оберъ-Каммергеръ, Графъ Дартмутъ получаетъ жалованья 1200, а Вице-Оберъ-Каммергеръ Лордъ Джонъ Тинне — 1154 фунта стерлинговъ. Графу Винчильзи, Оберъ-Каммеръ-Юнкеру ежегодно выдается по 2000 ф. с. Сверхъ того Король имѣетъ 12 Каммергеровъ, которые всѣ Лорды, 14 Каммеръ-Юнкеровъ и 58 Гофъ-Юнкеровъ. Каммергеру положено жалованья 1000, а Каммеръ-Юнкеру 500 фунтовъ стерлинговъ. Церемонїймейстеръ Сиръ Стефенъ Коттрелль получаетъ ежегодно по 300,

а Гардеробмейстеръ Лордъ Селсей по 800 фунтовъ стерлинговъ. Оберъ-Каммергеръ имѣетъ въ своемъ вѣдомствѣ все, кромѣ Королевскихъ спальныхъ комнатъ, которыя состоятъ подъ управленїемъ Оберъ-Каммеръ-Юнкера. Оберъ-Каммергеръ разпоряжаетъ гардеробомъ, оркестромъ, придворнымъ театромъ, и даже Священниками, хотя при другихъ Дворахъ нѣтъ обыкновенїя, чтобы свѣтской чиновникъ начальствовалъ надъ духовными. Онъ особенно бываетъ занятъ при коронованїяхъ, при торжественныхъ шествїяхъ и при бракосочетанїяхъ особъ Королевской фамилїи. У Короля еженедѣльно назначается утреннее собранїе по пятницамъ, а Королева принимаетъ у себя Дворъ по четвергамъ.

Графъ Элесфордъ служитъ теперь въ званїи Оберъ-Гофмейстера, съ жалованьемъ по 1460 фунтовъ стерлинговъ; Вице-Графъ Стопфордъ, придворный Казначей, получаетъ 1200, и Лордъ Джорджъ Тинне, его Контролеръ, 1200 же ф. с. Оберъ-Гофмейстеру порученъ весь штатъ Королевской, выключая департаментъ Оберъ-Каммергера, придворную церковь и конюшню. Оберъ-Шталлмейстеръ, Маркизъ Гертфордъ имѣетъ доходу отъ казны 1266, Оберъ-Егермейстеръ Графъ Сандвичь 2000, Главный сокольничїй Гер-

догъ Сент - Албансъ 1200 ф. с. Оберъ-Шталлмейстеру подчинены Королевскія конюшни; во время торжественной прогулки верьхомъ онъ ѣдетъ за Королемъ очень близко, и имѣетъ право употреблять въ свою услугу одного придворнаго кучера и двенадцать другихъ конюшенныхъ служителей. Духовенство придворное состоитъ изо сіпа особъ подъ начальствомъ Лорда Великаго Раздавателя милостыни (lord high Almoner); теперь Архіепископъ Иоркскій носитъ на себѣ сіе званіе. Епископъ Лондонскій есть Деканъ Королевской капеллы, которая приноситъ ему ежегодно 200 ф. с. Къ департаменту Оберъ - Гофмейстера принадлежитъ также и Лейбгвардія, надъ которою начальствуетъ Капитанъ Графъ Маклесфильдъ, и получаетъ жалованья 1000, Поручикъ 500, а Прапорщикъ 500 ф. с.

Придворной штатъ Королевы составляютъ: Оберъ - Каммергеръ, которому жалованья 1200 ф. с.; Вице-Каммергеръ — ему 500; Гардеробмейстерина — ей 500; шесть Камеръ - фрау — каждой по 500; шесть Гоф - Фрейлейнъ — каждой по 300; Штальмейстеръ и проч. Подробности о Придворномъ штатѣ Принца Валлисскаго и его супруги не могутъ быть занимательными для насъ чужестранцевъ.

Достойно примѣчанія, что Наслѣдникъ престола, какъ Герцогъ Корнваллъскій, имѣетъ свой собственной штатъ, въ которомъ первое мѣсто занимаетъ славный Томасъ Эрлскинъ, Законоискусникъ и Ораторъ Оппозиціи, въ качествѣ великаго Хранителя печати Герцогства Корнваллъскаго.

Послѣ придворнаго штата помѣщены въ Календарѣ Верхнія Коллегіи и другія части государственнаго правительства. Отдѣленіе управленія торговлею и заграничными колоніями состоитъ изъ первыхъ Чиновниковъ подъ предсѣдательствомъ Герцога Монтроза. Коммиссіею Остъ-Индійскихъ дѣлъ управляетъ Вице-Графъ Кастлеригъ и получаетъ ежегодно жалованья по 2000 ф. с.

Лордъ Великій Канцлеръ есть обыкновенно и Великій Хранитель печати. По должности своей онъ хранитъ большую печать государственную, объявляетъ приговоры, не по словесному только значенію, какъ дѣлается въ судилищахъ, но соображаясь со справедливостію, разумомъ и совѣстію, въ чемъ онъ можетъ отступать отъ обыкновенныхъ формъ судебныхъ. По сей причинѣ говорятъ, что онъ имѣетъ двѣ власти, то есть, одна власть его дѣйствуетъ сходно съ формами судебными, другая — не ограничивается точнымъ смы-

сломъ законовъ, но зависитъ отъ чувства справедливости. Онъ раздаетъ духовныя мѣста, приносящія дохода менѣе 20 ф. с; по долгу присяги своей имѣетъ обязанность поступать справедливо съ бѣдными и богатыми, помогать Королю искренними совѣтами и не допущать, чтобы права короны были стѣсняемы. — Лордъ Президентъ отправляетъ свое званіе до тѣхъ поръ, пока Королю будетъ угодно смѣнить его. Онъ сопутствуетъ Королю, управляетъ спорами въ Тайномъ Совѣтѣ, предлагаетъ по препорученію Монарха матеріи для разсужденій, и подноситъ Королю заключенныя мнѣнія. Тайный Хранитель печати (теперь Графъ Вестморландъ занимаетъ сіе мѣсто), безъ особливаго повелѣнія Королевскаго за малою кабинетною печаткою не можетъ ни къ чему прикладывать тайной печати, которая обыкновенно употребляется въ случаѣ оказанія милости Королевской, прежде приложенія большой печати государственной.

Департаментъ доходовъ состоитъ изъ верхняго и нижняго Казначейскихъ Приказовъ (Theasury - Ofice и Exchequer - Office). Званіе Великаго Казначея уничтожено; его должность нынѣ отправляютъ пять Лордовъ - Комиссаровъ, изъ которыхъ старшій есть Министръ финансовъ. Важное

мѣсто сїе, приносящее дохода 4000 ф. с., теперь въ другой разъ занимаетъ Вилльямъ Питтъ; другїе четыре Комиссара суть Лордъ Ловень, Вицеграфъ Фицгаррисъ, Чарль Лонгъ и Маркизъ Бланфордъ; каждой изъ нихъ получаетъ жалованья по 1600 ф. с., а Секретари — ихъ два, Ванситтартъ и Сарджентъ — по 3299 ф. с. Множество другихъ Чиновниковъ также пользуются весьма хорошимъ жалованьемъ. Нижнїй Казначейскїй приказъ состоитъ изъ Унтеръ-казначея — Вилльямъ Питтъ получаетъ жалованья за сїе мѣсто 1800 ф. с. — Аудитора Лорда Гренвиля, которому должность сїя приноситъ 4000 ф. с., и многихъ другихъ Секретарей и нижнихъ служителей. Первый Лордъ Казначейства есть Канцлеръ казначейскаго Судилища (Court of Exchequer), которое рѣшитъ всѣ судебныя дѣла, относящїяся до Королевскаго казначейства; онѣ переносятся на разсмотрѣнїе только въ Верхнїй Парламентъ. Въ семъ судилищѣ, кромѣ Канцлера, засѣдаютъ еще: Судья съ жалованьемъ по 4500 ф. с., и три Барона съ жалованьемъ каждой по 5000 ф. с., и проч.

До царствованїя Короля Генриха VIII въ Англїи былъ только одинъ Государственный Секретарь, а до временъ Елисаветы Государственные Секретари не

были Членами Тайнаго Совѣта. Съ тѣхъ поръ даже до настоящаго времени всегда были по два или по три Государственныхъ Секретаря, и рѣдко случается собраніе въ Тайномъ Совѣтѣ безъ того, чтобы по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ не присутствовалъ. Со времени кончины Королевы Анны до возмущенія, въ 1645 мъ году случившагося, былъ третій Государственный Секретарь для Шоттландіи, а въ 1768 мъ году учрежденъ еще одинъ для Колоній. До 1782 го года Департаменты обоихъ Государственныхъ Секретарей были раздѣлены на Сѣверный и Южный; теперь они называются внутреннимъ и внѣшнимъ. Секретари имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи государственной архивъ и малую печать, которая обыкновенно прикладывается къ частнымъ письмамъ Королевскимъ.

Теперь Лордъ Гакесбури управляетъ внутреннимъ Департаментомъ, при которомъ Чарль Арбутнотъ и Джонъ Генри-Смитъ служатъ Унтеръ-Статсъ-Секретарями. Государственный Секретарь внутреннихъ дѣлъ получаетъ жалованья по 6000 ф. с. Государственный Секретарь внѣшнихъ дѣлъ получаетъ по стольку же; послѣ отставки Лорда Гарровби мѣсто сіе занимаетъ Лордъ Мюльгравъ, подъ начальствомъ котораго служатъ Унтеръ-Статсъ-

Секретарями Джорджъ Гаммондъ и Виллъямъ Эллютъ. Департаментъ Колоній соединенъ съ военнымъ Департаментомъ, которымъ управляетъ Государственный Секретарь Графъ Комденъ, получая жалованья по 2000 ф. с. Его Унтеръ-Стапсъ-Секретарю Эдварду Куку ежегодно производится по 1500 ф. с.

Вотъ краткое начертаніе внутренняго устроенія удивительной государственной машины острововъ Британскихъ. Здѣсь не упомянуто о главномъ колесѣ ея — морской силѣ, и ею управляющемъ Адмиральтействѣ; но обиліе матеріи не дозволяетъ увеличивать статью сію, которая уже и безъ того для нѣкоторыхъ Читателей можетъ показаться слишкомъ пространною.

II.

Великобританскій Парламентъ.

Предложеніе — которое Лордъ Гренвилль 10 го Мая сдѣлалъ въ Верхнемъ Парламентѣ въ пользу Ирландскихъ Католиковъ, и которымъ требовалъ, чтобы для разсмотрѣнія ихъ прошенія объ уравненіи правъ учредить Комитетъ — 15 го числа по утру

въ 5 часа, послѣ долгихъ неоднократно возобновляемыхъ преній, *отвергнуто* по большинству 178 противъ 49 голосовъ.

Лордъ Гренвиль ничего въ рѣчи своей не пропустилъ сказать для блага Католиковъ, обитающихъ въ Ирландіи и составляющихъ третью часть жителей всего острова.

Изъ числа противниковъ его болѣе всѣхъ отличился Лордъ Гакесбури. „Причиною моего несогласія — говорилъ онъ — есть увѣренность въ томъ, что не льзя нарушить нѣкоторыхъ коренныхъ законовъ, не подвергая опасности конституцію. Законъ гласитъ, что нашъ Государь долженъ быть Протестантъ и держаться ученія Англиканской Церкви. Не хотимъ быть управляемы Католикомъ — такъ сказано въ законѣ; правило сіе относится не только до короны, но и до служителей короны; ибо смѣшно было бы сказать: не хотимъ имѣть Короля Католика, а соглашаемся, чтобы наши Министры, Совѣтники, Судьи, Правители и проч. были Католики. Не станетъ ли кто нибудь утверждать, что все равно, Католикъ или Протестантъ будетъ сидѣть на этой скамейкѣ? Если Католики честные люди, то они во всякомъ случаѣ мнѣнія, до вѣры относящіяся, будутъ предпочитать всему

другому; слѣдственно во всякомъ случаѣ опасность будетъ угрожать конституціи. Говорятъ: „это не можетъ имѣть никакихъ слѣдствій, потому что у васъ Король Протестантъ.“ Однакожъ скоро открылись бы сіи слѣдствія. Упомяну слегка объ отзывѣ Лорда (Гренвиля); онъ увѣряетъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не видитъ никакой опасности приступить къ разсмотрѣнію прозьбы. Я совсѣмъ противнаго мнѣнія; сошлюсь на самыя обстоятельства нынѣшняго времени. За три года передъ симъ мы видѣли странной переворотъ въ умахъ Французскаго народа. По окончаніи шестьнадцати демократическихъ годовъ, воля одного человѣка сдѣлалась для всѣхъ закономъ. Начальникъ сего Государства поступаетъ весьма благоразумно, стараясь укоренять власть свою съ помощію церкви Католической. Между имъ и Папою господствуетъ связь тѣснѣйшая. Кто посмотритъ внимательными глазами на союзъ между Франціею и Папою и между Папою и Ирландіею, тотъ конечно согласится, что никогда еще обстоятельства столько не противились дарованію полной свободы Ирландскимъ Католикамъ, какъ нынѣ. Далѣе слѣдуетъ важной вопросъ: сія мѣра будетъ ли такъ полезною для

самой Ирландской нацїи, чтобы можно извинить нарушенїе нашихъ коренныхъ законовъ? Наконецъ свидѣтельствуюсь самымъ тѣмъ человѣкомъ, котораго многїе разхвалили намъ, какъ особу рѣдкую и почтенную, и которой послѣ изобличенъ въ измѣнѣ; свидѣтельствуюсь еще другимъ человѣкомъ, также на все способнымъ, которому даровано прощенїе вмѣстѣ съ первымъ: я говорю о *Коннорѣ* и *Невинѣ*. Когда спросили у нихъ, какъ думаетъ народъ въ Ирландїи объ уравненїи правъ? Первой отвѣчалъ, что народъ совсѣмъ о томъ не заботится; другой подтвердилъ то же, прибавивъ, что только уничтоженїе десятиннаго сбора ощутительно порадовало бы жителей. Изъ того видно, что народъ не почитаетъ важнымъ уравненїя правъ; но судя по свойству сего народа, можно еще заключить, что онъ пойдетъ далѣе и захочетъ самъ быть повелителемъ. Кто много получаетъ, тотъ болѣе требуетъ. Не могу забыть, что Ирландцы съ самаго того времени, когда лишили ихъ преимуществъ, до тѣхъ поръ, какъ возвратили имъ оныя обратно, были спокойны, хотя между тѣмъ въ Великобриттанїи два раза начинались возмущенїя, и что Ирландїя тогда только подняла мятежную главу свою, когда сдѣланы бы-

ли ей послабленія. Благородный Лордъ (Гренвиль) хочетъ, чтобы преимущества не всѣ вдругъ даровать Ирландіи, но постепенно однѣ за другими; я думаю иначе, думаю, что постепенное дарованіе возбудитъ въ умахъ волненіе и заставитъ ихъ вѣрить, что непреодолимымъ упрямствомъ болѣе выиграютъ."

Слова Герцога Кумберландскаго, Королевскаго сына, имѣли одинакій смыслъ со мнѣніемъ Гакесбури. „Прежняя революція — говорилъ онъ — въ которую рѣшено Домъ Брауншвейгскій возвести на Британскій престолъ, имѣла цѣлію своею утвердить Протестантскую Религію и порядокъ въ наслѣдованіи. Ирландцы просятъ, чтобы Католики были допущаемы къ занятію первыхъ мѣстъ государственныхъ; а это самое уже было причиною революціи. Если Католики получатъ требуемое, то мы будемъ очевидными свидѣтелями произшествій, о которыхъ теперь — благодаря Бога! — читаемъ только въ книгахъ, то есть, увидимъ мятежи и кровопролитія, ознаменовавшія промежутокъ времени отъ правленія Маріи до Іакова. Я согласенъ на все, что не противно совѣсти и здравому разсудку; но не смѣю и не хочу согласиться нарушить конституцію."

Въ тотъ же день Г. Фоксъ предложилъ въ Нижнемъ Парламентѣ о составленіи Комитета для разсмотрѣнія прозьбы Ирландскихъ Католиковъ. „Если теперь не успѣю въ моемъ намѣреніи — говорилъ Г. Фоксъ — то наконецъ наступитъ время, въ которое самъ Парламентъ уничтожитъ строгія свои опредѣленія противъ Католиковъ. Чувствую, сколь важно такое предложеніе; дѣло идетъ о счастіи милліоновъ. Чувствую, сколь оно пріятно; не льзя не радоваться, возлагая на себя должность защищать невинныхъ. Если Парламентъ согласится съ моимъ мнѣніемъ, то тѣмъ укрѣпитъ силы Королевства. Кто желаетъ добра своимъ согражданамъ, кто одушевленъ истиннымъ усердіемъ ко благу отечества, тотъ для пользы его подастъ свой голосъ. Ораторъ, защищающій три милліона людей, не только не оскорбляетъ своего Государя, но даже заслуживаетъ его признательность. Наша конституція хочетъ, чтобы всѣ граждане пользовались одинакими правами; за чѣмъ же изключать Католиковъ? Не уже ли мы должны еще оставлять въ небреженіи такой народъ, котораго низшій классъ притѣсняется высшимъ, такъ что его состояніе можно сравнить съ состояніемъ Вестъ-Индскихъ невольниковъ? (Раз-

дался крикъ: слушайте! слушайте!) Многіе Католики торговлею нажили достатокъ; не смотря на то, они не могутъ любить такой земли, гдѣ не допускаютъ ихъ до занятія должностей общественныхъ, на которыя имѣютъ право по своему званію и по отношеніямъ. Возражаютъ, что „Государство должно будетъ всего бояться, если многіе Паписты получатъ дозволеніе засѣдать въ Парламентѣ.“ Признаюсь въ своей непрозорливости; я тутъ не вижу ничего опаснаго, и увѣренъ, что каждой Ирландской Католикъ, облагодѣтельствованный своимъ отечествомъ, будетъ любить его и защищать усердно. Развѣ не видимъ, что во многихъ чужестранныхъ Государствахъ особы, исповѣдующія вѣру отличную отъ господствующей, занимаютъ первыя должности? Сколько Протестантовъ служатъ въ Австрійскихъ Католическихъ областяхъ? Принцъ Фердинандъ Виртембергскій, бывшій Губернаторомъ въ Вѣнѣ, развѣ не Протестантъ? Утверждаютъ, что „Католики должны быть довольны, ибо они уже много получили.“ Я утверждаю противное. Не льзя обмануть умъ человѣческій; онъ знаетъ свои права и ясно видитъ, чего лишаютъ его. Онъ невольнымъ образомъ возстаетъ противъ несправедливости. Мы

всѣ желаемъ, и должны желать, чтобы права были равны для каждаго. О томъ не спрашивается, сколько надобно имѣть, чтобы чувствовать себя счастливымъ; недостатокъ и бѣдствія человѣческой жизни не приводятъ насъ въ уныніе, если всѣ равно сносимъ оныя. Говорятъ: „нынѣшнія обстоятельства препятствуютъ.“ Какія обстоятельства могутъ остановить исполненіе справедливаго дѣла? Далѣе напоминаютъ, что „мѣра сія приведетъ Короля въ недоумѣніе, и что согласіе Его Величества можетъ быть сочтено нарушеніемъ присяги.“ По сему правилу, всѣ Монархи нарушали клятву свою, когда уничтожали строгія церковныя предписанія; Королева Анна нарушила присягу, согласясь на присоединеніе Шотландіи; Его Величество нарушилъ присягу, когда въ 1795 мъ году отмѣнилъ нѣкоторые статуты. Король имѣетъ голосъ при постановленіи законовъ; и долженъ имѣть его; но не имѣетъ голоса въ семъ Парламентѣ, и не долженъ имѣть его. Здѣсь не требуется отъ насъ ласкательства и слѣпаго повиновенія; здѣсь нужно предлагать и совѣтовать.“

Многіе Члены говорили въ пользу и противъ Католиковъ; засѣданіе продолжилось до самаго вечера, однакожъ ничего не положено опредѣлительно. Вообще дума-

зотъ, что предложенїе Г-на Фокса будетъ отвергнуто.

(*Изъ Полит. и Учен. Гамб. Вѣд.*)

VIII.

Извѣстїя и замѣчанїя.

Французскїй Брестскїй флотъ, изъ 44хъ кораблей состоящїй, двигнулся-было съ мѣста, и хотѣлъ пуститься въ открытое море. По видимому Французы, думая, что Англїйскїй наблюдательный флотъ бурею занесенъ далеко отъ береговъ, хотѣли воспользоваться его отсутствїемъ; но вдругъ Адмиралъ Гарднеръ явился съ своими семнадцатью кораблями, построилъ ихъ въ боевой порядокъ, приказалъ перевозным судамъ удалиться, и съ нетерпѣливостїю ожидалъ удобнаго случая къ начатїю сраженїя. Однакожъ Французы — которые хотѣли только ускользнуть, а не сражаться — за благо разсудили благополучно возвратиться въ гавань. — По полученнымъ изъ Западной Индїи извѣстїямъ видно, что Адмиралъ Кохранъ 2го Апрѣля былъ въ Барбадѣ, и запасшись тамъ свѣжею водою и съѣстными припасами, поплылъ догонять не-

пріятеля. Между тѣмъ въ Парижскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ, что эскадра Контръ-Адмирала Миссіесси 20го Мая, по четырех-мѣсячномъ отсутствіи, возвратилась въ Рошфортъ. Слѣдственно поиски Адмирала Кохрана должны быть безуспѣшны. Увѣряютъ, что уронъ, нанесенный Англичанамъ Рошфортскою эскадрою, простирается до 120 милліоновъ франковъ. — Въ Монитерѣ напечатаны примѣчанія на разныя статьи, помѣщенныя въ Англійскихъ газетахъ; въ одной изъ сихъ послѣднихъ сказано: „Надѣемся, что скоро послѣдуетъ конецъ разбоямъ, производимымъ Французами въ Вестъ-Индіи.“ Монитеръ отзывается о томъ слѣдующимъ образомъ: „Если Англичане называютъ это разбоемъ; мы должны сказать имъ, что сіи разбои не такъ скоро прекратятся. Ласкаемся надеждою, что въ теченіе одной недѣли изъ всѣхъ частей свѣта получатся извѣстія, равно благопріятныя для Бриттанской торговли. Англичане услышали объ отплытіи Рошфортской эскадры тогда уже, когда она покорила Доминику; узнали объ отплытіи Тулонскаго флота въ то время, когда онъ былъ за проливомъ Гибралтарскимъ, и прежде одного мѣсяца ничего объ немъ не узнаютъ.“ (По сему догадываются, что Тулонскій

флотъ поплылъ въ Остъ-Индію.) „Англичанамъ ничего не извѣстно — продолжаетъ Монитёръ —, и о второй эскадрѣ Рошфортской, которая давно уже отправилась, и за которою наблюдать Англійскіе фрегаты хватились только за недѣлю передъ симъ, не прежде. Не говоримъ о разъѣздѣ тяжелыхъ фрегатовъ, о которыхъ Англичане совсѣмъ не думаютъ, и которые помѣшаютъ ихъ затѣямъ, хотя и кажется имъ, будто сіи затѣи не извѣстны нашимъ мореходцамъ. Объявляемъ Англичанамъ, что 50 линейныхъ кораблей находятся у насъ на верфтяхъ, и что по прошествіи 18 мѣсяцевъ всѣ они будутъ спущены на море. Если бы эскадры, высланныя для экспедиціи, нанесши смертной ударъ Англійской торговлѣ, и сами погибли; мы имѣемъ въ готовности большой флотъ, имѣемъ множество молодыхъ людей, для наполненія онаго. Мы не затѣваемъ препятствовать Англіи сдѣлаться сильною и могущественною Державою; но хотимъ имѣть равное съ нею участіе въ торговлѣ Индійской и Американской, и надѣемся, что Англичане не будутъ ничѣмъ владѣть на Средиземномъ морѣ, кромѣ Гибралтара. Если Англичане назначаютъ тайныя экспедиціи для усиленія слабыхъ гарнизоновъ въ колоніяхъ; то куда бы, на

примѣръ, они хотѣли послать войска свои? на берега Африки? тамъ были бы онѣ безполезны; на островъ Цейлонъ, которому угрожаетъ опасность? на берега Малабарскіе и Бенгальскіе, гдѣ надобны люди? въ Ямайку, гдѣ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ также ихъ мало? наконецъ въ Канаду, въ Суринамъ, въ Демерари, и проч? Насъ не заставляетъ смѣшное честолюбіе желать завоеваній; мы хотимъ только вездѣ мѣшать нашему непріятелю, наносить ущербъ его торговлѣ, и вездѣ, гдѣ ни появимся, быть сильнѣе. Пускай себѣ страховыя Компаніи поднимаютъ цѣны на капиталы, пускай день ото дня болѣе требуютъ; онѣ довольно еще успѣютъ позабавиться до подписанія мира. . . . . Наши условія самыя простыя: Амьенскія статьи — не болѣе; Франція другихъ не подпишетъ."

Англійское правительство продолжаетъ вооружать флоты и эскадры для новыхъ экспедицій; а Журналы Оппозиціи продолжаютъ (и по видимому никогда не перестанутъ) журить Министровъ. Въ Morning Chronicle напечатано: „Министры безпрестанно увѣряли насъ, что нынѣшняя война окончится однѣми только угрозами со стороны Французовъ. Мы прежде отъ всего сердца желали, чтобы эскадры

Французскія вышли изъ портовъ; а теперь, когда онѣ выходятъ, не спросясь насъ, мы все отдали бы за то, чтобъ онѣ не выходили. Рошфортская экспедиція, подобно молніи, очутилась у острововъ Антильскихъ, тогда, какъ наши корабли начали только искать ее въ Каналѣ, и когда наши мореходцы, вытянувъ шеи, засматривали въ Брестскую пристань, чтобъ узнать, не тамъ ли эскадра. Но это еще не такъ важно; сильной флотъ Тулонскій, не потерявъ ни одного выстрѣла, вышелъ изъ Средиземнаго моря за проливъ Гибралтарскій; онъ гдѣ нибудь нанесетъ намъ смертельный ударъ, прежде нежели отгадаемъ, куда отправился. Находясь въ сихъ обстоятельствахъ, спрашиваемъ одни у другихъ: гдѣ же наши корабли, и что они дѣлаютъ? Разъѣзжаютъ на моряхъ, гоняясь за вѣтрами, а колоній защищать не кому. Между тѣмъ непріятель беретъ наши острова, разоряетъ ихъ, стѣсняетъ торговлю, грабитъ купеческіе корабли, и даже Королевству наводитъ ужасъ."

*

Г-нъ Валлеръ, Членъ Нижняго Парламента и Депутатъ отъ Графства Лиммерикъ, что въ Ирландіи, нынѣ находится въ плѣну у Французовъ, и живетъ вмѣ-

стѣ съ прочими Англичанами въ Верденѣ (Verdun). Не давно посѣтилъ его одинъ изъ почетнѣйшихъ чиновниковъ Полиціи, и объявилъ, что имѣетъ отъ Правительства повелѣніе дать ему пашпортъ для свободнаго отъѣзда въ Англію, когда пожелаетъ. Г. Валлеръ, крайне удивясь, просилъ, чтобы ему объявили, чѣмъ онъ заслужитъ такую милость. Полицейскій чиновникъ отвѣчалъ, что Генералъ Артуръ о Конноръ, старинный соученикъ Валлера, выпросилъ ему свободу у Наполеона. Валлеръ отписалъ къ Г-ну Бонапарте, что ему весьма хотѣлось бы увидѣть свою родину, но лучше желаетъ тысячу разъ умереть въ плѣну, нежели свободою быть обязаннымъ такому человѣку, которой сдѣлался непріятелемъ своего отечества и измѣнникомъ противъ своего Государя."

*

Въ Монитёрѣ сказано, что Наполеонъ пожаловалъ большую ленту Почетнаго Легіона Е. В. Королю Прусскому, Принцу Прусскому Фердинанду, Герцогу Брауншвейгскому, Фельдмаршалу Меллендорфу, Министру иностранныхъ дѣлъ Барону Гардембергу, Графу Шулембургу и Графу Гаугвицу. — Е. В. Король Прусскій пожаловалъ Кавалерами Ордена Чернаго Орла: Наполеона, Великаго Адмирала Мю-

ра, Архиканцлера Камбасереса, Маршала Бертье, Маршала Бернадотта и Генерала Дюрока. Изъ Миниха пишутъ, что Курфирстъ Баварскій, по дозволенію Г-на Бонапарте, пожаловалъ Маршала Су и Генерала Колинкура Кавалерами большаго Ордена Св. Губерта. — Въ Лондонскихъ Вѣдомостяхъ объявляется, будто Король Шведскій обратно прислалъ къ Прусскому знаки Ордена Чернаго Орла, увѣдомляя, что онъ не можетъ носить на себѣ такой Орденъ, которымъ украшенъ Г. Бонапарте. Кажется однакожъ, что сіе извѣстіе не справедливо, ибо и сами Англичане не очень много на него полагаются.

*

Наконецъ Г. Бонапарте прибылъ въ Миланъ. 16 го Мая, Чрезвычайные Послы Этрурійской Королевы, Князь Корсини и Кавалеръ Фоссомбрини, удостоились отличнѣйшимъ образомъ быть представлены Наполеону. По пріѣздѣ во Дворецъ, въ провожаніи Г-на Сальматориса Церемоніймейстера, и Г-на Аргенараца, его помощника, Послы должны были сперва посѣтить Государственнаго Архиканцлера Евгенія, потомъ изъ Посольской залы вмѣстѣ съ Оберъ-Церемоніймейстеромъ Сегюромъ шествовать въ кабинетъ Наполеоновъ. Во время аудіенціи присутствовали: Богар-

не, Маршалъ Биссьеръ, Таллейранъ, Литта, Марескальки и Сегюръ. Послы обратно отведены съ великою торжественностію, которая здѣсь не описывается; напоминаемъ только, что пышной пріемъ сей вѣроятно имѣетъ связь съ разнесшимся слухомъ о предполагаемомъ бракосочетаніи Люсьеня Бонапарте съ Этрурійскою Королевою, хотя и говорятъ, будто сія Государыня изъявила желаніе свое навсегда остаться вдовою. — Въ тотъ же день Евгеній Богарне представилъ Наполеону Посланниковъ и Министровъ чрезвычайныхъ и ординарныхъ: Баварскаго, Курфиршескаго Архиканцлерскаго, Баденскаго, Мальтійскаго, Лигурійскаго, Депутатовъ Луккской Республики и Членовъ Законодательнаго Корпуса. 22 го Числа Церемоніймейстеръ въ провожаніи пятидесяти конныхъ солдатъ привезъ въ Миланъ изъ Монцы желѣзную корону Ломбардскую, хранившуюся тамъ въ Катедральной церкви. Въ каретѣ подлѣ короны сидѣли: Президентъ Муниципальнаго Совѣта, Настоятель, Каноникъ церкви Св. Іоанна и Церемоніймейстеръ. Кромѣ отряда, изъ Французской и Италіанской гвардіи состоявшаго, двенадцать Монцкихъ жандармей ѣхало верьхами у кареты. Самъ Кардиналъ — Архіепископъ принялъ корону и съ торжественностію

внесъ ее въ церковное святилище: Монцкіе Депутаты день и ночь стоятъ при ней на караулѣ. Въ день коронованія, то есть 26 го Мая, назначены быть дежурными при коронѣ: Каноникъ, Настоятель и Президентъ Муниципальнаго Совѣта. Надобно знать, что въ старину корона сія употребляема была при коронованіи Римскихъ Императоровъ на Ломбардское Королевство; она вся вылита изъ золота, украшена многими алмазами и имѣетъ внутри желѣзной обручь.

*

Святый Отецъ благополучно возвратился въ Римъ изъ Парижа.

*

Изгнанная супруга Жерома Бонапарте прибыла въ Дувръ, и чрезъ нарочнаго получила дозволеніе пріѣхать въ Лондонъ. Услышавши въ Лиссабонскомъ портѣ, что ее не велѣно принимать на берегъ, она отправилась въ Тексель; тутъ равнымъ образомъ запрещено ей было выходить изъ корабля, и сверхъ того цѣлые семь дней очень строго за нею присматривали. Тогда она рѣшилась искать прибѣжища въ Англіи, и отплыла въ Дувръ. Съ нею вмѣстѣ находятся: Г. Патерсонъ, ея братъ, Г-жа Андерсонъ сопутница, Докторъ Бар-

нерѣ, Французскій Лѣкарь и множество служителей. Толпа любопытнаго народа встрѣтила на берегу путешественницу; едва можно было провести ее до трактира, по причинѣ многолюдства. Г-жа Бонапарте, или дѣвица Патерсонъ, есть прелестная и стройная женщина, имѣющая около двадцати лѣтъ, свѣтлорусые волосы, голубіе глаза и весьма выразительную физіогномію. Она беременна и скоро должна разрѣшиться. Казалось, что внимательность и любопытство, съ которыми смотрѣли на нее, были ей не противны.

Конецъ XXI Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

МАЙ. № 9.

Стран.

I. Письмо отъ Преосвященнаго Станислава Сестренцевича, Архіепископа Могилевскаго, къ Преосвященному Архіепископу Евгенію Булгару, и отвѣтъ его Святителя о томъ, что древніе Сарматы говорили языкомъ Славенскимъ. - 3

II. Новой споръ о старой задачѣ. - 23

III. Нѣчто о Лафонтенѣ Баснописцѣ. 33

IV. Весна. - - - 40

V. Чувство въ разлукѣ. - - 43

VI. Какъ Древніе думали о клятвопреступленіи. - - 44

VII. Стихи. - - - 50

VIII. Смѣсь. - - - 51

IX. Содержаніе новаго придворнаго календаря Французскаго. - 57

X. Окружное повелѣніе Фрибургскаго Кантоннаго Правительства уѣзднымъ Комиссарамъ. - 65

XI. Выписка изъ Лондонскихъ Вѣдомостей. - - - 68

XII. Анекдоты о Наполеонѣ Бонапартѣ. 72

XIII. Англійскій Нижній Парламентъ. 75

XIV. Извѣстія и замѣчанія. - - 79

МАЙ. No 10.

Стран.

I. Гдѣ Счастье? - - 85
II. Жизнь Лжка. - - 92
III. Мысли и замѣчанія. - 99
IV. Вернетъ. - - - 103
V. О тиршествѣ у Г-жи Дессалинъ на островѣ Сен-Доминго. - 107
VI. Смѣлая догадка. - - 112
VII. О Греческихъ женщинахъ. - 124
VIII. Стансы. - - - 133
IX. Къ милой Е***. - - 134
X. Объ узаконеніи для блага Евреевъ, обитающихъ въ Имперіи Всероссійской. - - 135
XI. Невозможности. - - 141
XII. Статья о новомъ Королевствѣ Италіи. - - - 143
XIII. Примѣчанія на сочиненіе: Объ Англійской морской силѣ. - 150
XIV. Разныя извѣстія. - - 161

ІЮНЬ. No 11.

I. Ода на разрушеніе Вавилона. 171
II. Историческія извѣстія о Желѣзной Маскѣ. - - 175
III. Мнѣніе о Вольтерѣ, какъ объ Историкѣ. - - 194
IV. Вашъ-Дикъ. - - 197
V. Мысли и замѣчанія. - - 204
VI. Почт-Амтъ въ Неаполѣ. - 208

Стран:

VII. О рукописяхъ Неккера, изданныхъ Г-жею Сталь, его дочерью. 214
VIII. О Г-нѣ Павѣ и объ его жизни, въ разсужденіи Греческихъ женщинъ. - - 216
IX. О Спектаклѣ на Петровскомъ Театрѣ, 10 Мая. - - 222
X. Смѣсь. - - - 225
XI. Письмо отъ Испанца къ Англоману. - - - 231
XII. Извѣстія и замѣчанія. - 247

ІЮНЬ. № 12.

I. Дѣвица Клермонъ. Историческая повѣсть Г-жи Жанлисъ. - 255
II. О Журналѣ путешествія Г-на Лубяновскаго по Саксоніи, Австріи и Италіи. - 283
III. Историческое извѣстіе о большомъ алмазѣ, находящемся нынѣ въ Россійско-Императорскомъ скипетрѣ. - - 291
IV. Панорамы. - - 294
V. Смѣсь. - - 301
VI. Придворный и гражданскій штатъ Королевства Великобританскаго. - - 312
VII. Великобританскій Парламентъ. 324
VIII. Извѣстія и замѣчанія. - 332